

серия
«Стейдж Дайв»

Скотт

КАЙЛИ СКОТТ

vk.com/stagedive

Пробуждение в Лас-Вегасе никогда не планировалось таким. У Эвелин Томас были большие планы на то, как отпраздновать свой двадцать первый день рождения в Лас-Вегасе. Грандиозные. Но она, черт возьми, уверена, что не планировала проснуться на полу ванной комнаты с похмельем, конкурирующим с провалами в памяти, с очень привлекательным полуобнаженным татуированным мужчиной, и с бриллиантом на пальце, способным напугать Кинг-Конга. Если бы сейчас она могла вспомнить, как же так получилось. С уверенностью можно сказать одно, быть замужем за одним из самых сексуальных рок-звезд на планете — сумасбродное приключение.

Глава 1

Я проснулась на полу ванной комнаты. Все болело. В рот будто мусор напихали. Что, черт возьми, произошло прошлой ночью? Последнее, что я помню — это отсчет до полуночи, трепет от того, что еще чуть-чуть и мне будет двадцать один, наконец-то законно. Еще я танцевала с Лорен и говорила с каким-то парнем. Потом БАЦ!

Текила.

Целая линия стопок с лимоном и солью.

Все, что я слышала о Вегасе, оказалось правдой. Здесь творятся плохие и ужасные вещи. Я хотела сжаться в комочек и умереть. Боже ты мой, о чем я думала, когда напивалась так сильно? Эта боль точно не была частью плана.

— Ты в порядке? — спросил мужской голос, глубокий и красивый. Очень красивый. Несмотря на боль, меня пробрала дрожь. Мое бедное тело пробудилось в неожиданных местах.

— Тебя снова тошнит? — спросил он.

О, нет.

Я открыла глаза и села, откинув свои жирные светлые волосы назад. Его лицо маячило передо мной. Я прикрыла рот рукой, потому что мое дыхание, скорее всего, было отвратительным.

— Привет, — пробормотала я.

Постепенно мой взгляд сфокусировался на нем. Его тело было красивым и до странности знакомым. Невозможно. Я никогда не встречала таких, как он.

На мой взгляд, ему было лет за двадцать пять, мужчина, уже совсем не парень. У него были длинные, темные волосы, спадающие ниже плеч, и баки. Темно-голубые глаза, которые просто не могли быть настоящими. Если честно, эти глаза были перебором. Я и без них могла бы с легкостью упасть в обморок. Даже красные от усталости, они были прекрасны. Рука и половина груди были покрыты татуировками. Сбоку его шею украшала черная птица, кончик крыла которой тянулся за ухо. Я все еще была в своем прелестном, грязном, белом платье, которое меня уговорила одеть Лорен. Для меня это был смелый выбор, так как оно еле прикрывало мою внушительную грудь. Но в выставлении кожи напоказ этот прекрасный мужчина легко меня обошел. На нем были лишь джинсы, потертые черные ботинки, пара маленьких серебряных сережек и свободная белая повязка на предплечье.

Эти джинсы... он выглядел в них замечательно. На его бедрах они сидели соблазнительно низко и идеально ему подходили. Даже мое чудовищное похмелье не могло отвлечь меня от этого зрелища.

— Аспирин? — спросил он.

Я начала строить ему глазки. Мой взгляд устремился к его лицу, и он одарил меня озорной, понимающей улыбкой. Чудесно.

— Да, пожалуйста.

Он схватил скомканную кожаную куртку с пола, которую я, видимо, использовала в качестве подушки. Спасибо господу, что меня не вырвало прямо на нее. Несомненно, этот прекрасный полуобнаженный мужчина видел меня во всей красе. Я могла бы утонуть в своем позоре.

Одно за другим он бросал содержимое карманов на холодный белый кафель. Кредитная

карточка, медиатор, телефон и пачка презервативов, которая привела меня в замешательство, но вскоре я отвлеклась на кое-что другое. На пол посыпалось огромное количество клочков бумаги. На каждом были нацарапаны имена и телефонные номера. Этот парень — Мистер Популярность. Эй, разумеется, я заметила почему. Но что, черт возьми, он делает здесь, со мной?

Наконец, он вытащил пузырек с обезболивающим. Какое облегчение! Я обожала его, кем бы он ни был, и что бы он ни увидел.

— Тебе нужна вода, — произнес он и стал наполнять стакан водой из-под крана позади него.

Ванная была крошечной. Мы оба едва здесь помещались. Учитывая мое материальное положение и помощь Лорен, этот отель — лучшее, что мы могли себе позволить. Она вбила себе в голову отпраздновать мой день рождения модно. У меня же цель была несколько иная. Несмотря на присутствие моего нового сексуального друга, я была уверена, что потерпела неудачу. Соответствующие части моего тела чувствовали себя прекрасно. Я слышала о боли в первые пару раз. Она уж точно должна присутствовать после первого. Но моя вагина просто была частью тела, без какой-либо боли.

Все же я украдкой взглянула на переднюю часть своего платья. Уголок пакетика из фольги все еще торчал из моего лифчика. Потому что если он там был, закрепленный на мне, без вариантов, что меня застали бы врасплох. Презерватив остался цел и невредим. Как печально. А может, и нет. В конце концов, набраться мужества и взобраться на коня, если можно так выразиться, а потом не помнить этого, было бы ужасно.

Мужчина подал стакан воды и положил две таблетки обезболивающего мне в руку. Затем он сел на корточки и стал смотреть на меня. В нем чувствовалась сила, с которой я была не в состоянии справиться.

— Спасибо, — сказала я, проглотив аспирин. Мой живот издал шумный, урчащий звук. Замечательно, очень женственно.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спросил он. Его чудесные губы изогнулись в усмешке так, будто мы обменялись пикантной шуткой.

Этой шуткой была я.

Все, что я могла делать — это смотреть. Принимая во внимание нынешнее состояние, его было слишком много. Волосы, лицо, тело, татуировки — все это. Кто-то обязан придумать слово, способное описать его.

После долгой паузы до меня дошло, что он все еще ждет ответа. Я кивнула, чтобы скрыть жуткий запах изо рта, и мрачно улыбнулась. Лучшее, что я могла сделать.

— Ладно. Это хорошо, — произнес он.

Он был таким внимательным. Я не знала, что сделала, чтобы заслужить такую доброту. Если я пообещала бедному парню секс, а сама провела ночь над унитазом в туалете, он должен быть недовольным. Может, он решил, что мне станет лучше утром, и я выполню обещание. Кажется, это единственное правдоподобное объяснение тому, что он все еще здесь.

В обычной жизни он был в световых годах от моей лиги, и (ради моей гордости) бесконечно далеко от моего типа. Мне нравились аккуратные. Они были милыми. Плохие мальчики слишком переоценены. Бог знает, я видела достаточно девушек, которые вешались на моего брата за эти годы. Он брал то, что они предлагали, если ему было выгодно, а затем двигался дальше. Плохие парни по определению не созданы для серьезных отношений. Не то

чтобы я искала «навсегда» вчера вечером, только позитивный сексуальный опыт. Что-то не касающееся Томми Бирнса, рассердившегося на меня за пятно крови на заднем сиденье машины его родителей. Боже, какое ужасное воспоминание. На следующий день придурок бросил меня ради девчонки из команды по легкой атлетике с размером в половину меньше моего. Затем он усугубил ситуацию, распространяя обо мне слухи. К тому моменту этот случай меня не обижал и не коробил.

Что произошло прошлой ночью? В моей голове сохранялся абсолютный беспорядок, детали в тумане и разрозненны.

— Ты должна поесть, — сказал он. — Хочешь, я закажу тосты или что-нибудь еще?

— Не надо, — мысли о еде не доставляли удовольствия. Даже кофе не вызывал интереса, а кофе всегда привлекает. У меня был соблазн проверить свой пульс, мало ли что. Вместо этого я запустила руку в свои грязные волосы, убирая их с глаз. — Нет, я... Ой! — пряди за что-то зацепились, и я резко дернула головой, пытаюсь их вытащить. — Дерьмо.

— Подожди, — он протянул руку и осторожно высвободил мои волосы. — Ну, вот и все.

— Спасибо.

Что-то блеснуло на левой руке, привлекая мое внимание. Кольцо, но не просто какое-то кольцо. Самое удивительное и сногшибательное из всех.

— Обалдеть, — прошептала я.

Не может такого быть! Оно было до неприличия большим. Камень, который вероятно стоил целое состояние! Я ошеломленно вглядывалась, поворачивая руку, чтобы поймать свет. Полоска металла была толстой и массивной, а камень, несомненно, сиял и искрился, словно настоящий.

Вроде бы.

— Ах, да. Насчет этого... — сказал он, нахмурившись. Он выглядел смущенным из-за ледовой глыбы на моем пальце. — Если ты все еще хочешь поменять его на меньшее по размеру, я не буду против. Этот камень, и правда, большой. Я понял твою точку зрения насчет этого.

Я не могла избавиться от ощущения, что откуда-то его знала. Еще до прошлой ночи, сегодняшнего утра и до того, как у меня появилось это превосходное кольцо.

— Это ты мне его купил? — спросила я.

Он кивнул:

— Да, прошлой ночью в «Картье».

— «Картье»? — мой голос перешел в шепот. — Ха.

Долгое время он просто смотрел на меня.

— Ты не помнишь?

Мне не хотелось отвечать.

— Сколько здесь каратов? Два, три?

— Пять.

— Пять? Вот это да.

— Что ты помнишь? — спросил он, его голос стал тверже.

— Ну... Все так туманно.

— О, нет, — он пронзил меня хмурым взглядом. — Ты, должно быть, шутишь. Ты, действительно, не помнишь?

Что тут сказать? Мой рот открылся, но я не издала ни звука. Так много всего, чего я не понимала. Насколько мне известно, «Картье» не производит бижутерии. У меня

закружилась голова. В животе нарастало дурное предчувствие, и к горлу подступила желчь. Еще хуже, чем было.

— Меня не вырвет перед этим парнем.

— Не сейчас.

— Он вздохнул.

— Я не понимал, что ты так сильно напилась. Я имею в виду, что я знал, что ты немного выпила, но... черт. Серьезно? Ты даже не помнишь, как мы плыли на гондоле в отеле «Венецианец»?

— Мы плыли на гондоле?

— Черт. А как насчет того, что ты купила мне бургер? Это ты помнишь?

— Прости.

— Подожди минутку, — произнес он, глядя на меня сощуренными глазами. — Ты что, просто поприкалывалась надо мной?

— Мне очень жаль.

— Он отшатнулся от меня:

— Подожди, дай мне разобраться, ты вообще ничего не помнишь?

— Нет, — ответила я, сглатывая. — Что мы делали прошлой ночью?

— Мы, черт побери, поженились! — прорычал он.

— На этот раз до унитаза я не добралась.

*

Я приняла решение развестись, пока чистила зубы, и репетировала, что скажу ему, в то время как мыла голову. Но с этим торопиться нельзя. В отличие от прошлой ночи, когда я, очевидно, поспешила с браком. Действовать поспешно — неправильно и глупо. Или же я дрейфила, принимая самый долгий душ в мире. Я остановилась на последнем.

Боже правый! Ну и дела! Я не могла в это поверить. Я. Замужем. Мои легкие отказали. На меня неотвратимо надвигалась паника.

Вряд ли мое желание сбежать от этой катастрофы станет для него сюрпризом. То, что меня стошнило на пол прямо перед ним, должно быть, было огромным намеком. Я застонала и закрыла лицо руками, вспоминая. Отвращение в его взгляде будет преследовать меня вечно.

Мои родители убьют меня, если они когда-нибудь узнают. У меня были планы, приоритеты. Я училась, чтобы стать архитектором, как мой папа. На этом этапе брак с кем бы то ни было не вписывался в эти планы. Может быть лет через десять, пятнадцать. Но выйти замуж в двадцать один год? Черт, нет. Я годами не была на втором свидании, а сейчас на моем пальце было кольцо. В этом не было никакой логики. Я обречена. И от этой безумной свадебной выходки спрятаться я не могла.

— Или могла?

— Разве что мои родители не узнают. Никогда. За эти годы у меня появилось что-то вроде привычки не вовлекать их в то, что кажется неприятным, ненужным или просто глупым. Этот брак, вполне возможно, подпадал под все три категории.

— Собственно, может, никому и не нужно знать. Если я не скажу, то, как они узнают? Никак. Ответ впечатлял своей простотой.

— Да! — зашипела я и ударила кулаком по воздуху, сбив при этом душевую лейку. Вода

разбрызгивалась повсюду, в том числе прямо в глаза, ослепляя меня. Не важно, у меня был ответ.

Отрицание. Я заберу эту тайну с собой в могилу. Никто никогда не узнает о моей крайне идиотской пьяной выходке.

Я улыбнулась с облегчением, мой приступ паники отступил, так что я смогла дышать. Слава богу. Все будет хорошо. У меня был новый план, как вернуться на старый правильный путь. Блестяще. Я не побоюсь, пойду и встречу с ним лицом к лицу, откровенно объяснюсь. Двадцатидесятилетняя девушка с грандиозными жизненными планами не вышла бы замуж за совершенно незнакомого мужчину в Лас-Вегасе, не зависимо от того, насколько красивым этот незнакомец оказался. Это было бы прекрасно. Он бы понял. Скорее всего, он сидел там прямо сейчас, разрабатывая наиболее эффективный метод бросить все и сбежать.

Бриллиант все еще блестел на моей руке. Пока еще я не могла заставить себя снять его. Он был похож на Рождество на моем пальце, такой большой, яркий и искрящийся. Хотя, поразмыслив, мой временный муж совсем не казался богатым. Его куртка и джинсы были сильно изношены. Мужчина был загадкой.

Подождите. Что если он замешан в чем-то незаконном? Не исключено, что я вышла замуж за преступника. Я снова запаниковала. В животе все переворачивалось, а в голове застучало. Я ничего не знала о человеке, ожидающем в соседней комнате. Абсолютно ни черта. Я вытолкала его за дверь из ванной, даже не выяснив его имя.

От стука в дверь мои плечи подпрыгнули вверх.

— Эвелин? — позвал он, подтверждая, что ему, по крайней мере, мое имя известно.

— Секундочку.

Я выключила воду и вышла, обернув полотенце вокруг себя. В ширину его едва хватало, чтоб прикрыть мои изгибы, но на платье меня стошнило. Чтобы одеть его снова, не было и речи.

— Привет, — произнесла я, открывая дверь ванной на расстояние вытянутой руки. Он был на голову выше меня, и это притом, что я не была невысокой. Одета только в полотенце, я пришла к заключению, что он весьма пугающий. Как бы много он ни выпил предыдущей ночью, он все еще выглядел эффектно, в отличие от меня бледной, нездоровой и насквозь промокшей. Разумеется, в этом виноват аспирин, он не помог так, как хотелось бы.

— Привет, — парень не смотрел мне в глаза. — Послушай, я позабочусь об этом, хорошо?

— Позаботишься?

— Да, — ответил он, все еще избегая зрительного контакта. По-видимому, отвратительное зеленое ковровое покрытие мотеля было более привлекательным. — Мои адвокаты займутся всем этим.

— У тебя есть адвокаты? — у преступников были адвокаты. Твою мать. Мне нужно самостоятельно добиться развода с этим парнем прямо сейчас.

— Да, у меня есть адвокаты. Тебе не нужно ни о чем беспокоиться. Они пришлют тебе документы или что там еще нужно. Без разницы как это делается, — сжав губы в линию, он бросил на меня раздраженный взгляд и натянул свою кожаную куртку на обнаженную грудь. Его футболка все еще сушилась на краю ванны. Должно быть, посреди ночи меня стошнило на нее. Как отвратительно. На его месте я бы развелась со мной, ни минуты не сомневаясь.

— Это была ошибка, — сказал он, повторяя мои мысли.

— О.

— Что? — его взгляд метнулся к моему лицу. — Ты не согласна?

— Нет, — быстро ответила я.

— Не думаю, что так. Жаль, это имело смысл прошлой ночью, — он провел рукой по волосам и направился к двери. — Береги себя.

— Подожди, — глупое, восхитительное кольцо не хотело покидать мой палец. Я потянула и повернула его, пытаюсь заставить его подчиниться. Наконец оно сдвинулось с места, задевая в процессе ободранный сустав пальца. На поверхность выступила кровь. Еще одно пятно в этой грязной истории. — Вот.

— Какого черта! — он со злостью посмотрел на сверкающий камень в моей ладони, как будто он оскорбил его лично. — Оставь себе.

— Я не могу. Оно, наверное, стоит целое состояние.

Он пожал плечами.

— Пожалуйста, — протянула я кольцо, рука дрожала, с нетерпением ожидая, чтобы избавиться от свидетельства моей пьяной дурачности. — Оно принадлежит тебе. Ты должен взять его.

— Нет.

— Но...

Не говоря ни слова, мужчина вылетел как ураган, захлопнув за собой дверь с такой силой, что завибрировали тонкие стены.

Вот это да. Я опустила руку. У него определенно вспыльчивый характер. Не то чтобы я его не провоцировала, но все же. Хотела бы я помнить, что произошло между нами. Хоть малейший намек был бы хорош.

Между тем на попе с левой стороны ощущалась болезненность. Я поморщилась, осторожно потирая этот участок. По-видимому, чувство собственного достоинства — не единственное, что пострадало. Должно быть, я поцарапала зад, врезавшись в какую-то мебель, или навернулась на своих фантастически высоких каблуках. Очень дорогих, тех, которые, как настойчиво утверждала Лорен, отлично подходили к платью, и нынешнее местонахождение которых было загадкой. Я надеялась, что не потеряла их. Учитывая мою недавнюю свадьбу, меня уже ничего бы не удивило.

Я побрела обратно в ванную со смутными воспоминаниями о гудящем шуме и смехе, звенящем в моем ухе, о нем шепчущем мне. В этом не было никакого смысла.

Я повернулась и, приподнимаясь на носочках, подняла край полотенца, чтобы рассмотреть в зеркале свою задницу. Черные чернила и ярко-розовая кожа.

Весь воздух мгновенно покинул мое тело.

На левой ягодице было слово, имя.

«Дэвид»

Я развернулась, и меня вывернуло в раковину.

Глава 2

Лорен сидела рядом со мной в самолете, играя с моим айфоном.

— Я не понимаю, как твой музыкальный вкус может быть настолько ужасен? Мы дружим уже много лет. Неужели я ничему тебя не научила?

— Не пить текилу.

Она закатила глаза.

Над нашими головами загорелся значок «пристегнуть ремни». Вежливый голос посоветовал поднять кресла в вертикальное положение, так как мы приземляемся через несколько минут. Поморщившись, я проглотила остаток своего дерьмового кофе. Факт, никакое количество кофеина не сможет мне сегодня помочь. Даже качество не имеет значения.

— Я совершенно серьезна, — сказала я. — Я также никогда, пока я живу, не ступлю на землю Невады.

— Ты реагируешь слишком остро.

— Ни капельки, леди.

Лорен, шатаясь, вернулась в мотель меньше, чем за два часа до нашего рейса. Я провела время, несколько раз переупаковывая свою небольшую сумку, в попытке привести свою жизнь обратно в некоторое подобие порядка. Было приятно видеть улыбающуюся Лорен, несмотря на то, что дорога до аэропорта, чтобы добраться вовремя, была похожа на гонку. Судя по всему, они с симпатичным официантом, которого она встретила, будут поддерживать связь. У Лорен всегда было с парнями все замечательно, в то время как я была ближе к стандартам заурядной девушки, которую никуда не приглашают. Мой план заняться сексом в Лас-Вегасе был тщательно спланированной попыткой выбраться из этой рутины. Хватит говорить об этом.

Лорен изучала экономику, и она была великолепной внутри и снаружи. Я была в какой-то степени более громоздкой. Именно поэтому я имела привычку ходить пешком по Портленду и старалась не попробовать содержимое витрины для тортов в кафе, где я работала. Это держало меня под контролем, талию — разумной. Хотя мама по-прежнему считала целесообразным читать мне лекции на эту тему, потому что, не дай бог, я осмелюсь положить сахар в кофе. Мои бедра, несомненно, от этого взорвутся.

У Лорен было три старших брата, и она знала, что говорить парням. Ее ничего не пугало. Девочка источала обаяние. У меня был старший брат, но мы больше не общались, за исключением больших семейных праздников. Ни разу, с тех пор как он переехал из дома четыре года назад, оставив только записку. У Натана был вспыльчивый характер и талант попадать в неприятности. Он был несносным в старшей школе, всегда дрался и прогуливал уроки. Хотя винить в неудачах с парнями мои несуществующие отношения с братом было бы неправильно. Я могу быть сама виновата в недостатках с противоположным полом. В основном.

— Послушай это, — Лорен подключила мои наушники к своему телефону, и рев электрогитары взорвался внутри моего черепа. Боль была невыносимой. Головная боль вернула меня обратно к внезапно ужасной жизни. Ничего не осталось от моего мозга, кроме кровавого месива. В этом я была уверена.

Я вырвала наушники:

— Не надо. Пожалуйста.

— Но это же «Стейдж Дайв»^[1].

— И они прекрасны. Но, знаешь, может, в другой раз.

— Иногда я о тебе беспокоюсь. Просто хочу, чтобы ты это знала.

— Нет ничего неправильного в кантри-музыке, играющей тихо.

Лорен фыркнула и взъерошила свои короткие темные волосы.

— В кантри-музыке нет ничего правильного, на какой громкости она бы не играла. Ну что, ты занялась чем-нибудь прошлой ночью? Помимо того, что с пользой провела время.

— На самом деле, это обобщает все, — чем меньше сказано, тем лучше. Как я смогу объяснить? Однако чувство вины скользнуло сквозь меня, и я поежилась на своем месте. Татуировка пульсировала в знак протеста.

Я не говорила Лорен о своем грандиозном плане хорошего секса на ночь. Она бы захотела помочь. Если честно, секс не производил впечатления чего-то такого, с чем мне потребовалась бы помощь. Не считая того, что в этом вопросе необходим сексуальный партнер, конечно. Лорен могла бы помочь только тем, что стала бы навязывать меня каждому красавчику в помещении с обещанием, что я точно раздвину свои ножки.

Я любила Лорен, ее преданность не подвергалась сомнению, но она не отличалась изворотливостью ума. В пятом классе она ударила в нос девчонку, которая дразнила меня насчет моего веса, с тех пор мы были друзьями. С Лорен вы всегда точно знали, где находитесь. Незаурядный человек, которого я высоко ценила большую часть времени, но не когда требовалась рассудительность.

К счастью, мой болезненный желудок пережил жесткую посадку. Как только шасси ударились о взлетную полосу, я испустила вздох облегчения. Я вернулась в свой родной город. Превосходный Орегон, прекрасный Портленд, никогда больше я не хотела бы сбиться с пути. С горами вдали и деревьями в городе, тот был своеобразным источником наслаждения. Возможно, я и, правда, перегибаю палку, ограничивая себя одним городом для жизни. Но находиться дома было замечательно. Со следующей недели у меня была важная практика, о которой, используя связи, договорился мой отец. Также нужно было начинать готовиться к занятиям следующего семестра.

Все было бы хорошо. Я усвоила урок. Обычно я не продвигалась дальше трех. Три бокала были в меру. Три делали меня счастливой, из-за них я не отключалась и не попадала с головой в неприятности. Я никогда не переступлю черту снова. Я вернулась, чтобы быть старой, доброй, организованной, скучной мной. Приключения не были классными, и я с ними закончила.

Мы встали и взяли наши сумки с багажной полки. Все спешили высадиться. Стюардессы подарили нам отрепетированные улыбки, когда мы прошли по проходу и вышли в соединяющий тоннель. Затем мы миновали службу безопасности и вылились в зону получения багажа. По счастью, у нас была только ручная кладь, таким образом, никаких задержек. Я не могла дождаться возвращения домой.

Впереди я слышала крики. Сверкали вспышки. Должно быть, в самолете какая-то знаменитость. Люди перед нами обарачивались и вглядывались. Я тоже оглянулась, но не увидела знакомых лиц.

— Что происходит? — спросила Лорен, осматривая толпу.

— Не знаю, — ответила я, стоя на носочках и тревожась от всей этой суматохи.

Потом я услышала это, мое имя, которое выкрикивали снова и снова. Рот Лорен сжался

от удивления. Мой открылся.

— Когда будет ребенок?

— Эвелин, Дэвид с вами?

— Будет ли здесь еще одна свадьба?

— Когда ты переедешь в Лос-Анджелес?

— Дэвид придет, чтобы встретиться с твоими родителями?

— Эвелин, это конец для «Стейдж Дайв»?

— Это правда, что вы сделали татуировки с именами друг друга?

— Как долго вы с Дэвидом встречаетесь?

— Что ты скажешь на обвинения, что ты разрушила группу?

Наши с ним имена, снова и снова, смешивались в потоке бесконечных вопросов, сливающихся в хаос. Стена шума, из-за которой я едва могла соображать. Я стояла, разинув рот в недоумении, ослепленная вспышками и окруженная людьми. Мое сердце громко стучало. Я никогда не была хороша с толпами, и как спастись из этой ситуации, я не понимала.

Лорен отреагировала первой.

Она сунула свои солнцезащитные очки мне на лицо и потом схватила за руку. Активно используя локти, она потащила меня сквозь толпу. Через ее линзы с диоптриями мир стал размытым. Мне еще повезло, что я не шлепнулась на задницу. Пробежав через оживленный аэропорт и выход, мы забрались вне очереди в ожидающее такси. Люди начали кричать, но мы их проигнорировали.

Папарацци приближались позади нас.

Чертовы папарацци. Это было бы нереально, если б не было так возмутительно и прямо на моих глазах.

Лорен толкнула меня на заднее сиденье машины. Я пробралась на ту сторону, потом упала, прилагая все усилия, чтобы спрятаться. Желая, чтобы я могла полностью исчезнуть.

— Поехали! Быстрее! — крикнула она водителю.

Водитель прислушался к ней. Наша машина сорвалась с места, от чего мы заскользили по треснувшему виниловому сидению. Лбом я стукнулась о спинку переднего пассажирского сидения (к счастью мягкого). Лорен накинула на меня ремень безопасности и защелкнула застежку. Мои руки, казалось, не работали. Все тряслось и дрожало.

— Расскажи мне, — сказала она.

— А... — никакие слова не приходили. Я сдвинула ее очки на макушку и уставилась перед собой. Мои ребра болели, а сердце все еще стучало слишком сильно.

— Эв? — с небольшой улыбкой Лорен похлопала меня по колену. — Тебе как-то повезло выйти замуж за время нашего отъезда?

— Я... да. Думаю, я сделала это.

— Ничего себе.

И тогда я просто выпалила все:

— Боже, Лорен. Я так сильно облажалась, и я едва ли помню что-то из этого. Я только проснулась, а он уже был там, он был так зол на меня, и я даже не виню его. Я не знала, как рассказать тебе. Я просто собиралась притвориться, что это никогда не было.

— Не думаю, что теперь это сработает.

— Нет.

— Хорошо. Ничего страшного. Значит ты замужем, — Лорен кивнула, ее лицо было

неожиданно спокойным. Ни гнева, ни осуждения. Между тем я чувствовала себя ужасно, что не доверилась ей. Обычно мы делились всем.

— Извини, — произнесла я. — Я должна была тебе рассказать.

— Да, должна была. Не заморачивайся, — она разгладила юбку, как будто мы садились пить чай. — Так за кого ты вышла замуж?

— Д-Дэвид. Его зовут Дэвид.

— Случайно не Дэвид Феррис?

Это имя звучало знакомо.

— Возможно?

— Куда мы едем? — спросил таксист, не отводя взгляда от транспортного потока. Он ехал, перескакивая из полосы в полосу, со сверхъестественной скоростью. Если б я чувствовала что-нибудь, я, вероятно, почувствовала бы страх и сильную тошноту. И, наверное, дикий ужас. Но я не чувствовала ничего.

— Эв? — Лорен повернулась на своем месте, проверяя машины позади нас. — Мы не избавились от них. Куда ты хочешь поехать?

— Домой, — я произнесла первое пришедшее на ум место. — Я имею в виду дом моих родителей.

— Хорошо звучит. У них есть забор. — Не успев перевести дух, Лорен отбарабанила адрес водителю. Она нахмурилась и подтолкнула очки обратно мне на лицо. — Держи их так.

Я резко усмехнулась, как только мир снаружи снова превратился в пятно.

— Ты и правда думаешь, что сейчас это поможет?

— Нет, — ответила она, откидывая назад свои длинные волосы. — Но люди в таких ситуациях всегда носят солнцезащитные очки. Поверь мне.

— Ты слишком много смотришь телевизор, — я закрыла глаза. Солнцезащитные очки не спасали от похмелья. Так же, как и от всего остального. Во всем этом виновата я сама. — Я сожалею, что ничего не рассказала. Я не хотела выходить замуж. Я даже не помню, что именно произошло. Это такая...

— Катастрофа?

— Это слово подходит.

Лорен вздохнула и положила голову мне на плечо:

— Ты права. Тебе действительно не стоит больше пить текилу.

— Да, — согласилась я.

— Сделай мне одолжение? — спросила она.

— Мм?

— Не разрушай мою любимую группу.

— ОБожеМой, — я подвинула очки обратно, нахмурившись достаточно сильно, чтобы от этого моя голова заболела еще сильнее. — Гитарист. Он гитарист. Вот откуда я его знаю.

— Да. Он гитарист «Стейдж Дайв». Какая наблюдательность.

Дэвид Феррис. Постер с его изображением четыре года висел на стене спальни Лорен. Честно говоря, он должен был быть последним человеком, которого я бы ожидала увидеть, проснувшись на полу ванной комнаты. Но какого черта, я не узнала его?

— Вот как он смог позволить себе кольцо.

— Какое кольцо?

Съехав еще ниже на сиденье, я выудила монстра из кармана джинсов и смахнула

Папин сотовый зазвонил около полуночи. Мой собственный давно уже был выключен. Когда домашний телефон стал звонить, не переставая, мы выдернули его из розетки. Дважды полиция разгоняла людей со двора. Мама наконец-то приняла снотворное и легла спать. У нее был четкий, упорядоченный мир, который разрушили, и это ей не понравилось. Удивительно, но после первоначальной вспышки, папа справлялся с ситуацией хорошо. Я соответственно чувствовала свою вину и хотела развод. Он был готов списать это все на гормоны. Но все это изменилось, когда он посмотрел на экран своего телефона.

— Лейтон? — он ответил на звонок, сверля меня глазами с другого конца комнаты. От этого взгляда мой желудок потяжелел. Только родители могут так хорошо тебя изучить. Я его разочаровала. Мы оба знали это. Был только один Лейтон, и только одна причина, по которой он мог звонить сегодня в такой час.

— Да, — сказал отец, — неприятная ситуация. — Морщинки вокруг его рта стали глубже и теперь казались трещинами. — Понятно. Да. Спокойной ночи.

Он судорожно сжал мобильник, а затем бросил его на обеденный стол:

— Твою стажировку отменили.

Все атмосферы разом обрушились на меня, в то время как легкие сжались до размеров мелкой монеты.

— Лейтон справедливо полагает, что учитывая твою нынешнюю ситуацию... — его голос сошел на нет. Он задействовал свои старые связи, чтобы отправить меня стажироваться в одну из самых престижных архитектурных фирм Портленда. И понадобился какой-то тридцатисекундный звонок, чтобы все пропало.

Кто-то заколотил в дверь. Ни один из нас не отреагировал. Люди стучали по ней часами.

Папа начал расхаживать взад-вперед по гостиной. Я просто наблюдала в оцепенении.

На протяжении всего моего детства, такие случаи, как этот, всегда проходили по определенному шаблону. Натан ввязывался в драку в школе. Из школы звонили нашей маме. Наша мама устраивала разборки. Нейт прятался в своей комнате или, еще хуже, исчезал на несколько дней. Папа приходил домой и расхаживал туда-сюда. И среди всего этого была я, пытающаяся играть посредника, эксперта, не создающего неприятности. Так какого черта я делаю, находясь в центре гребаного цунами?

Когда детство прошло, я всегда была довольно неприхотлива. Я получала хорошие оценки в школе и пошла в тот же местный колледж, что и мой папа. Может быть, мне недоставало его природного таланта в дизайне, но я потратила много часов и усилий, чтобы получить оценки, нужные мне для поступления. Я работала неполный день в одном и том же кафе с пятнадцати лет. Переезд с Лорен был моим грандиозным бунтом. В целом я была фантастически скучной. Мои родители хотели, чтобы я осталась дома и сэкономила деньги. Что-либо еще, чего я достигла, было выполнено через отговорки так, чтобы мои родители по ночам спали спокойно. Не то чтобы я вытворяла много. Странная часть. Эпизод с Томми четыре года назад. Не было ничего, что могло бы подготовить меня к такому.

Кроме прессы, на лужайке перед домом были люди, которые кричали, держа в руках плакаты с надписями об их любви к Дэвиду. Какой-то мужчина держал высоко у головы старинный бумбокс, из динамиков которого гремела музыка. Песня с названием «San Pedro»

была их любимой. Вопли достигали апогея каждый раз, когда певец переходил к припеву: «Но солнце было низко, и у нас не было места, куда нам идти...»

По-видимому, позже они планировали сжечь мое чучело.

Что было прекрасно. Я хотела умереть.

Мой старший брат Натан был здесь, чтобы забрать Лорен и отвезти ее домой. Мы не видели друг друга с Рождества, но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Квартира, которую мы с Лорен делили, была также окружена. Отъезд туда был вне рассмотрения, и Лорен не хотела, чтобы ее семья или другие друзья были вовлечены. Сказать, что Натан наслаждался моим затруднительным положением, было бы жестоко. Не ложь, но определенно жестоко. Всегда он был единственным в беде. На сей раз, однако, это все обо мне. Натан никогда не становился случайно женатым и случайно татуированным в Вегасе.

Потому что, конечно, какой-то засранец репортер спросил мою маму, как она относится к татуировке, так что дома это не секрет. Видимо, теперь ни один приличный парень из хорошей семьи никогда не женится на мне. Раньше я бы маловероятно подцепила мужчину из-за моих различных выпуклостей. Но теперь это все было из-за татуировки. Я решила опередить ее, указав, что я уже замужем.

В дверь забарабанили сильнее. Папа посмотрел на меня. Я пожала плечами.

— Мисс Томас? — прогремел мощный голос. — Меня прислал Дэвид.

Да, конечно.

— Я вызываю копов.

— Подождите. Пожалуйста, — сказал мощный голос. — Он у меня на линии в телефоне. Просто немного приоткройте дверь, чтобы я мог его вам передать.

— Нет.

Приглушенный шум.

— Он сказал спросить вас о его футболке.

Он оставил футболку в Лас-Вегасе. Она была в моей сумке, еще влажная. Ох. Возможно Но я все еще не убеждена.

— Что еще?

Снова разговор.

— Он сказал, что он все еще не хочет... извините меня, мисс... «долбаное кольцо» назад.

Я открыла дверь, но оставила цепочку. Мужчина, который напоминал бульдога в черном костюме, протянул мне телефон.

— Привет?

На заднем фоне играла громкая музыка, и был слышен гул голосов. Очевидно, этот инцидент с браком не сбавил обороты Дэвида.

— Эв?

— Да.

Он помедлил.

— Слушай, ты, вероятно, хочешь на некоторое время залечь на дно, пока все это не утихнет? Сэм заберет тебя оттуда. Он из моей службы безопасности.

Сэм вежливо мне улыбнулся. Я видела горы поменьше, чем этот парень.

— Куда я поеду? — спросила я.

— Он будет... он привезет тебя ко мне. Мы кое-что уладим.

— К тебе?

— Да, будут бумаги о разводе и прочее дерьмо на подпись, так что, почему бы тебе не

приехать сюда?

Я хотела сказать «нет». Но убрать все это с порога моих родителей было дико заманчиво. Так же, как и свалить до того, как мама проснется и узнает о стажировке. Я все еще, по уважительной причине или нет, не могла забыть, как в то утро Дэвид хлопнул дверью, уходя из моей жизни. Мой смутный запасной план приобретал форму. Стажировка потеряна, но я могла бы вернуться работать в кафе. Руби была бы в восторге, если бы я работала на полную ставку летом, и мне нравилось быть там. Однако появление этой орды по моим следам, было бы катастрофой.

У меня было несколько вариантов, но ни один из них не привлекал, и я все еще сомневалась.

— Я не знаю...

Он сделал чрезвычайно страдальческий вздох:

— Что еще ты собираешься делать? А?

Хороший вопрос.

Позади Сэма продолжалось безумие. Мелькали вспышки и кричали люди. Это казалось нереальным. Если это было похоже на повседневную жизнь Дэвида, то я понятия не имела, как он с этим справлялся.

— Послушай. Тебе необходимо выбирать, твою мать, оттуда, — сказал он отрывисто и раздраженно. — Через некоторое время все успокоится.

Папа стоял рядом со мной, сжимая свои руки. Дэвид был прав. Что бы ни случилось, я должна была уехать от людей, которых я люблю. Я могла бы сделать хотя бы это.

— Эв?

— Извини. Да, я хотела бы принять твоё предложение, — произнесла я. — Спасибо.

— Передай телефон обратно Сэму.

Я сделала, как он попросил, к тому же открыла дверь полностью, чтобы крупный мужчина мог войти внутрь. Он не был слишком высоким, но он был в форме. Парень занял значительное пространство. Сэм кивнул и сказал только: «Да, сэр». Затем он повесил трубку.

— Мисс Томас, машина ждет.

— Нет, — сказал папа.

— Папа...

— Ты не можешь доверять этому мужчине. Посмотри на все, что случилось.

— Едва ли это все его вина. Я тоже сыграла свою роль в этом, — вся ситуация привела меня в замешательство, но убегать и скрываться — не выход. — Мне нужно исправить это.

— Нет, — повторил он, заявляя безапелляционно.

Проблема была в том, что я больше не маленькая девочка. И это было не обо мне, той, которая не верила, что наш задний двор был слишком мал для пони.

— Извини пап, но я приняла свое решение.

Его лицо покраснело, в глазах было непонимание. Раньше, в исключительных случаях, он занимал твердую позицию, я отступала. (Или спокойно делала свои дела за его спиной.) Но сейчас... Меня было не переубедить. На этот раз мой папа показался мне старым и неуверенным. Более того, это была моя проблема, только моя.

— Пожалуйста, верь мне, — произнесла я.

— Эв, милая, ты не должна это делать, — сказал папа, пробуя другую тактику. — Мы можем придумать что-нибудь самостоятельно.

— Я знаю, мы можем. Но у него уже есть адвокаты, которые работают. Это к лучшему.

— Тебе не нужен собственный адвокат? — спросил он.

На его лице появились новые морщинки, как будто этот один день его состарил. Ко мне подкралось чувство вины.

— Я спрашиваю, найду кого-то подходящего для тебя. Я не хочу, чтобы у них было преимущество, — продолжил он. — Кто-то должен знать приличного адвоката по бракоразводным делам.

— Папа, у меня нет денег на защиту. Мы собираемся сделать это как можно проще, — сказала я с натянутой улыбкой. — Все хорошо. Мы позаботимся об этом, и затем я вернусь.

— Мы? Милая, ты едва знаешь этого парня. Ты не можешь доверять ему.

— Весь мир, вероятно, следит за нами. Что может быть еще хуже? — я послала безмолвную молитву на небеса, что никогда не хочу знать ответа на этот вопрос.

— Это ошибка... — папа вздохнул. — Я знаю, ты так же разочарована из-за стажировки, как и я, но нам нужно сделать паузу и обдумать.

— Я обдумала. Мне нужно убрать этот цирк от вас с мамой.

Папин взгляд прошелся по темному коридору, ведущему туда, где мама лежит в медикаментозном сне. Последнее, что я хотела бы для своего отца, это разрываться между нами двумя.

— Все будет хорошо, — сказала я, желая, чтобы это было правдой. — Правда.

Он опустил голову:

— Я думаю, ты поступаешь неправильно. Но позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится. Если ты захочешь вернуться домой, я сразу организую тебе перелет назад.

Я кивнула.

— Я серьезно. Позвони мне, если что-нибудь понадобится.

— Да, конечно, — я не стала бы.

Я взяла свой рюкзак, только что прибывший из Вегаса. Ни единого шанса обновить запас одежды. Вся моя одежда была в квартире. Я пригладила волосы, заправляя их аккуратно за уши, пытаюсь сделать мой внешний вид менее похожим на крушение поезда.

— Ты всегда будешь моей хорошей девочкой, — сказал папа грустным голосом.

Я не знала, что сказать.

Он погладил меня по руке:

— Позвони мне.

— Да, — приглушенно произнесла я. — Попрощайся с мамой за меня. Я свяжусь с тобой в ближайшее время.

Сэм сделал шаг вперед:

— Ваша дочь находится в надежных руках, сэр.

Я не стала ждать, чтобы услышать папин ответ. В первый раз за столько часов я вышла на улицу. Разверзлась преисподняя. Инстинкт требовал поджать хвост, бежать и прятаться. Но, когда рядом со мной было большое тело Сэма, было не так до умопомрачения страшно, как раньше. Он обхватил рукой мои плечи и подтолкнул вниз по садовой дорожке к ожидающей толпе. Еще один мужчина в строгом черном костюме подошел к нам, прокладывая путь через толпу с другой стороны. Уровень шума увеличился. Женщина кричала, что она ненавидит меня, и назвала меня дрянью. Кто-то хотел, чтобы я передала Дэвиду, что любит его. Хотя, больше всего было вопросов. Мне в лицо пихали камеры, ослепляли вспышками. Прежде чем я успела споткнуться, Сэм был там. Мои ноги едва

касались земли, когда он и его друг поспешили поместить меня в ожидающую машину. Не лимузин. Лорен была бы разочарована. Это был изящный новый седан с полностью кожаным салоном. Дверь захлопнулась за мной, и Сэм с его другом забрались внутрь. Водитель кивнул мне в зеркало заднего вида, затем осторожно тронулся с места. Люди барабанили в окна и бежали рядом. Я свернулась калачиком на середине сидения. Вскоре они остались позади.

Я возвращалась к Дэвиду.

Своему мужу.

Я спала весь недолгий перелет до Лос-Анджелеса, свернувшись в суперудобном кресле в углу частного самолета. Это был уровень роскоши выше всего, что я когда-либо могла вообразить. Если бы ваша жизнь перевернулась с ног на голову, вы должно быть также наслаждались бы богатством, пока были тут. Сэм предложил мне шампанское, и я очень вежливо отказалась. От мысли об алкоголе меня все еще выворачивало наизнанку. Вполне возможно, я никогда не буду пить снова.

Моя карьера была временно отправлена в ад, но не беда, у меня был новый план. Получить развод. Это было захватывающе просто. Мне нравилось это. Я возвращала контроль над собственной судьбой. Однажды, когда я выйду замуж, если я выйду замуж, это не будет незнакомец из Вегаса. Это не будет ужасной ошибкой.

Когда я проснулась, мы приземлялись. Другой блестящий седан стоял в ожидании. Я никогда не была в ЛА^[2]. Он выглядел столь же оживленным, как и Вегас, хотя с меньшим шиком. Множество людей были все еще активны, несмотря на час ночи.

Когда-нибудь я должна была отважиться включить телефон. Лорен наверняка волновалась. Я нажала маленькую черную кнопку, и на экране замелькали яркие огоньки, оживает. Сто пятьдесят восемь текстовых сообщений и девяносто семь пропущенных вызовов. Я тупо моргнула, глядя на экран, но количество не изменилось. Вот черт! Видимо, все, кого я знала, услышали новости, как и все остальные люди, которых я не знала.

Мой телефон издал отрывистый звук.

Лорен: Ты в порядке? Где ты?

Я: В ЛА. Еду к нему, пока все не успокоится. Как ты?

Лорен: Я отлично. ЛА? Живи мечтой.

Я: Частный самолет был потрясающий. Хотя его фанаты сумасшедшие.

Лорен: Твой брат сумасшедший.

Я: Извини за это.

Лорен: Я могу справиться с ним. Чтобы ни случилось, не разрушай группу!!!

Я: Поняла.

Лорен: Но разбей ему сердце. Он написал «San Pedro», после того как «как-там-её» изменила ему. Этот альбом стал бриллиантовым.

Я: Обещаю оставить его в подорванном дрожащем беспорядке.

Лорен: Так держать.

Я: хх

*

Было около трех часов ночи, когда мы подъехали к массивному в Испанском стиле 1920-годов особняку в Лорел-Кэньоне^[3]. Восхитительно. Хотя папа не был бы впечатлен — он предпочитал чистые, современные линии с минимумом пустяков. Четыре спальни, две ваннные комнаты — состоятельный дом в Портленде. Но я не знаю, было что-то красивое и романтическое в такой расточительности. Декоративное черное кованое железо на белых стенах.

Толпа девочек и, обязательно, куча прессы слонялись снаружи. Новость о нашей свадьбе, видимо, взбудоражила обстановку. Или, может, они здесь всегда разбивали лагерь. Когда мы приблизились, изысканные железные ворота начали медленно открываться. Вдоль длинной, извилистой подъездной дороги выстроились пальмы, их большие ветви раскачивались на ветру, когда мы проезжали мимо. Место выглядело как будто из фильма. «Стейдж Дайв» были крупным проектом, это я знала точно. Их последние два альбома породили многочисленные хиты. Прошлым летом Лорен проехала по всему побережью, посетив три их шоу в течение недели. Все они проходили на стадионах. Тем не менее, это был чертовски большой дом.

Я начала сильно нервничать. Весь день на мне были одеты одни и те же джинсы и голубой топ. Одеться по случаю возможности не было. Лучшее, что я смогла сделать, это расчесать пальцами волосы и воспользоваться духами, которые были в сумочке. Возможно, мне недоставало очарования, но, по крайней мере, я хорошо пахнула. Все освещение в доме ярко сияло, и в теплом ночном воздухе громыхала рок-музыка. Большие двойные двери были открыты, и люди выходили из дома на крыльцо. Казалось, вечеринка закончилась из-за всего происходящего. Сэм открыл для меня дверцу машины, и я нерешительно выбралась наружу.

— Я провожу вас, мисс Томас.

— Спасибо, — сказала я.

Я не двигалась. Через мгновение Сэм получил сигнал. Он двинулся вперед, и я последовала за ним. Сразу за дверью целовалась пара девушек, полностью касаясь губами друг друга. Они обе были стройными и бесспорно красивыми, одетые в крошечные, блестящие платья, которые едва прикрывали их бедра. Большинство людей слонялись повсюду, пили и танцевали. Над головой висела люстра, а по внутренней стене закручивалась большая лестница. Это место было голливудским дворцом. К счастью, казалось, меня никто не замечал. Я могла глазеть сколько моей душе угодно. Сэм остановился, чтобы поговорить с молодым человеком, прислонившимся к стене с бутылкой пива у губ. Длинные, светлые волосы торчали в разные стороны, нос проколот и вставлено серебряное кольцо. Огромное количество татуировок. В порванных черных джинсах и выцветшей футболке он выглядел так же суперкруто, как Дэвид. Возможно, все рок-звезды носили одежду, перед этим искусно состаренную. Люди с деньгами были обособленной группой.

Мужчина окинул меня явно изучающим взглядом. Я стойко противилась желанию съежиться. Не получилось. Когда он встретился со мной глазами, его взгляд оказался любопытным, но дружелюбным. Напряжение во мне ослабло.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — я храбро улыбнулась.

— Все хорошо, — сказал он Сэму. Затем он указал своим подбородком на меня. — Пойдем. Его тут нет. Я — Мал.

— Привет, — тупо сказала я вновь. — Я — Эв.

— Все в порядке, мисс Томас? — спросил Сэм вполголоса.

— Да, Сэм. Спасибо большое.

Он вежливо кивнул мне и направился туда, откуда мы пришли. Его широкие плечи и лысая голова вскоре исчезли среди толпы. Бежать вслед за ним и просить отвезти меня домой не помогло бы, но мои ноги так и чесались так сделать. Нет, хватит себя жалеть. Пришло время подтянуть свои штанишки большой девочки и исправить положение.

Это место было заполнено сотнями людей. Единственным событием в моей жизни близким к такому был выпускной вечер, и он значительно поблек. Ни одно из платьев не выдержало бы сравнения сегодняшним вечером. Я почти чувствовала запах денег. Лорен была преданным знатоком знаменитостей, но даже я узнала несколько лиц. Один из прошлогодних обладателей Оскара и модель нижнего белья, которую я видела на рекламных щитах дома. Подростковая поп-королева, которая не должна была лакать водку из бутылки, не говоря уже о том, что она сидела на коленях у седовласого члена группы... черт, как называется эта группа?

Не важно. Я закрыла рот прежде, чем кто-нибудь заметил в моих глазах звезды. Лорен бы это понравилось. Это было потрясающе.

Когда женщина, которая очень напоминала полуодетую богиню-амазонку, толкнула меня боком, Мал остановился и неодобрительно посмотрел на нее.

— У некоторых людей нет манер. Пойдем.

Медленный ритм музыки прошел сквозь меня, пробуждая остатки моей головной боли и накладывая неприятный налет на роскошь. Мы прошли через большую комнату с шикарными бархатными кушетками, на которых расположились люди. Потом зашли в помещение, загроможденное гитарами, усилителями и другими рок-н-рольными принадлежностями. Внутри дома воздух был задымленным и влажным, несмотря на то, что все окна и двери были открыты. Мой топ прилип под мышками. Мы переместились на балкон, где дул легкий ветерок, под который я благодарно подставила лицо.

И там был он, прислонившийся к декоративным железным перилам. Решительные линии его лица были обращены в профиль. Ах ты, черт, как я могла забыть? Не было никого разьяснения о воздействии Дэвида в реальной жизни. Он просто отлично соответствовал высшим слоям общества. Он один из них. Я по другую сторону, я соответствовала кухне и обслуживающему персоналу.

Мой муж был занят разговором с длинноногой, пышногрудой брюнеткой. Возможно, он был человек-синица и именно поэтому мы второпях поженились. Это было такое же предположение, как и любое другое. Одета только в крошечное белое бикини, девушка прижималась к нему так, как будто была пришита хирургическим путем. Ее волосы были искусно переплетены, что предполагало как минимум два часа в первом классе салона. Она была красивая, и я немного ее возненавидела. По моему позвоночнику потекла струйка пота.

— Эй, Дэйв, — позвал Мал. — Гости.

Дэвид повернулся, затем увидел меня и нахмурился. В этом освещении его глаза выглядели темными и определенно несчастными.

— Эв.

— Привет.

Мал начал смеяться:

— Это единственное слово, которое я сумел из нее вытащить. Серьезно, мужик, твоя жена разговаривает?

— Она разговаривает, — по тону его голоса стало очевидно то, что он желал, чтобы я никогда снова не говорила. Или, по крайней мере, не в пределах его слышимости.

Я не знала, что сказать. Как правило, я не была за всеобщую любовь и признательность. Однако открытая враждебность была для меня все еще чем-то новым.

Брюнетка захихикала и потерлась своими бескрайними сиськами о руку Дэвида, как если бы она помечала его. Печально для нее, он как будто не заметил. Она посмотрела на меня омерзительным взглядом, скривив красный рот. Очаровательно. Хотя тот факт, что она разглядела во мне соперницу, был огромным подспорьем моему эго. Я распрямилась и посмотрела в глаза своему мужу.

Большая ошибка.

Темные волосы Дэвида были убраны назад в небольшой хвост, с ниспадающими прядями вокруг его лица. Что должно быть отдавало каким-то грязным наркоторговцем, повлиявшим на него. Конечно, это так. Он с одинаковой вероятностью мог бы вернуться в грязный переулок так же, как и оказаться в люксе для молодоженов. Серая футболка обтягивала его плотные плечи, а на длинных ногах были выцветшие голубые джинсы. Его черные, в армейском стиле ботинки были непринужденно скрещены на щиколотках, потому что он был частью этого. Я не была.

— Можешь найти ей комнату? — Дэвид спросил своего друга.

Мал фыркнул:

— Я что, похож на твоего гребаного дворецкого? Сам покажи своей собственной жене комнату. Не будь мудаком.

— Она не моя жена, — зарычал Дэвид.

— Каждый новостной канал в стране не согласился бы в этом с тобой, — Мал взъерошил мои волосы большой рукой, заставляя чувствовать себя так, как будто мне восемь лет. — Увидимся позже, ребенок-невеста. Приятно познакомиться.

— Ребенок-невеста? — спросила я, чувствуя себя глупой.

Мал остановился и ухмыльнулся:

— Ты не слышала, о чем они говорят?

Я покачала головой.

— Вероятно, это к лучшему, — с последней усмешкой он удалился.

Дэвид отстранился от брюнетки. Ее пухлые губы поджалась от досады, но он на нее не смотрел.

— Пойдем.

Он протянул руку, чтобы проводить меня, и там, на ней, по всей длине его предплечья была татуировка.

«Эвелин»

Я замерла. Ни фиги себе. Мужчина уверенно выбрал самое видное место, куда поместить мое имя. Я не знала, что насчет этого чувствую.

— Что? — его брови опустились, а лоб наморщился. — Ах, да. Пойдем.

— Возвращайся поскорее, Дэвид, — проворковала девушка-бикини, поправляя волосы. Я ничего против бикини не имела. У меня было несколько, несмотря на мою маму, которая думала, что я тяжеловесна для таких вещей. (Фактически, я никогда их не одевала, но это к делу не относится). Нет, я была против тех ехидных и сердитых взглядов, которые она бросала на меня, когда думала, что Дэвид не видит. Она и предположить не могла, что это его не волнует.

Придерживая за талию, он повел меня через вечеринку по направлению к лестнице. Люди окликали нас, а женщины прихорашивались, завидев его, но он ни разу не замедлился.

У меня сложилось четкое представление, что он был смущен тем, что его увидели со мной. Я была уверена, что, будучи с Дэвидом, уловила некоторое количество внимательных взглядов. Ставлю любые деньги, что я не подходила на роль жены рок-звезды. Люди останавливались и глазели. Кто-то звал, спрашивая, может ли он нас познакомить. Мой муж не отвечал, поскольку торопился протащить меня сквозь толпу.

Коридор простирался в оба направления по второму этажу. Мы прошли налево, до конца. Он открыл дверь, на огромной двуспальной кровати стояла моя сумка, дожидаясь меня. Все в роскошной комнате было выполнено в белом: кровать, стены и ковры. Старинный белый диван для двоих находился в углу. Это было красиво, безупречно. Ничего похожего на мою маленькую, тесную комнату в квартире, которую я делила с Лорен, где между двуспальной кроватью и моим столом было пространства ровно столько, чтобы открыть дверцу шкафа, не больше.

Это место продолжалось до бесконечности, море совершенства.

— Лучше я не буду ничего трогать, — пробормотала я, засовывая руки в задние карманы джинсов.

— Что?

— Здесь мило.

Дэвид осмотрел комнату без всякого интереса:

— Да.

Я подошла к окнам. Внизу располагался хорошо освещенный, роскошный бассейн, окруженный пальмами и чудесным садом. В воде были двое, они целовались. Голову женщина откинула назад, а ее грудь покачивалась на поверхности. О, нет, ошибка. Они занимались сексом. Я почувствовала, как жар пополз вверх по моей шее. Не думаю, что я была скромницей, но все же я отвернулась.

— Послушай, кое-какие люди собираются приехать поговорить с тобой о документах на развод. Они будут здесь в десять, — сказал он, находясь в дверях. Его пальцы отбивали ритм на дверном косяке. Он продолжал бросать тоскливые взгляды в коридор, с нетерпением ожидая, чтобы уйти.

— Кое-какие люди?

— Мой адвокат и мой менеджер, — сказал он своим ногам. — Они торопят события, так что... все это будет рассмотрено так быстро, как только возможно.

— Хорошо.

Дэвид втянул щеки и кивнул. У него были убийственные скулы. Я видела мужчин в модных журналах, которые не выдерживали сравнения с ним. Но симпатичный или нет, его хмурый взгляд никогда не исчезал. Не тогда, когда я была рядом. Было бы приятно увидеть его улыбку, хотя бы раз.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он.

— Нет. Спасибо за все. За мой перелет сюда и за то, что разрешил мне остаться. Это очень любезно с твоей стороны.

— Всегда пожалуйста, — он отступил на шаг назад и начал закрывать за собой дверь. — Спокойной ночи.

— Дэвид, разве мы не должны поговорить? О прошлой ночи?

Он остановился, уже наполовину скрывшись за дверью.

— Серьезно, Эв? Почему, черт возьми, это тебя беспокоит?

И он ушел.

Снова.

На этот раз не хлопнув дверью. Я посчитала это шагом вперед в наших отношениях. Удивляться было глупо. Я все еще была разочарована, пристально разглядывая комнату и ничего не видя. Не то чтобы мне хотелось, чтобы он упал к моим ногам, но неприязнь выматывала.

В конце концов, я подошла обратно к окну. Любовники ушли, бассейн теперь был пуст. Другая пара брела по освещенной садовой дорожке под огромными качающимися пальмами. Они направлялись к тому, что должно быть было домиком у бассейна. Мужчиной был Дэвид, а с ним девушка-бикини, повисшая на нем, она размахивала своими длинными волосами и покачивала бедрами, это действовало в n-й степени. Вместе они смотрелись хорошо. Они соответствовали друг другу. Дэвид протянул руку и дернул завязку от ее бикини, развязывая аккуратный бантик и обнажая ее выше талии. Девушка-бикини беззвучно засмеялась, не потрудившись прикрыться.

Я с трудом сглотнула, пытаюсь сдвинуть комок в горле. Ревность ощущалась так же скверно, как и неприязнь. А у меня не было никаких треклятых прав, чтобы ревновать.

У двери в домик Дэвид остановился и оглянулся через плечо. Его глаза встретились с моими. О, черт. Я нырнула за занавеску и по-идиотски затаила дыхание. Быть пойманной за подглядыванием — позор. Когда спустя мгновение я выглянула, они исчезли. Сквозь шторы в домике у бассейна проглядывал свет. Я должна нагло отрицать. Жаль, что так получилось. Не похоже, что бы я сделала что-то неправильно.

Безупречное великолепие белой комнаты расстилалось передо мной. Внутри и снаружи я ощущала неразбериху. Действительность моего положения, судя по всему, увязла, и это была безвыходная ситуация. Лорен была права с выбором слов.

— Дэвид может делать, что хочет, — мой голос отозвался эхом в комнате поразительно громко, даже громче грохочущей музыки внизу. Я расправила плечи. Завтра я встречусь с его людьми, и развод будет под контролем. — Дэвид может делать, что хочет, так же, как и я.

Но что я хотела делать? Я понятия не имела. Итак, я распаковала кое-какую одежду, обживаясь. Я повесила футболку Дэвида на вешалку для полотенец, чтобы окончательно высушить. Вероятно, она пригодится мне в качестве одежды для сна. Максимум пять минут у меня ушло на то, чтобы привести себя в порядок.

Что дальше?

Меня не приглашали на вечеринку внизу. Ни в коем случае я не хотела думать о том, что, должно быть, происходило в домике у бассейна. Несомненно, Дэвид давал девушке-бикини все, что я хотела в Вегасе. Никакого секса для меня. Вместо этого он отослал меня в комнату, как непослушного ребенка.

Что это была за комната. В прилегающей ванной комнате ванна была больше, чем моя спальня дома. Много места, чтобы поплескаться. Это было заманчиво. Но никогда не было ничего хорошего в том, когда меня отправляли в комнату. В редких случаях, когда это происходило дома, я выбиралась через окно и сидела снаружи с книгой. Когда пришло бунтарство, оно во многом испытывало недостаток, но я выполняла требования. Так много было сказано для того, чтобы оставаться спокойным, целеустремленным человеком.

Только идиот остался бы в этой роскошной комнате. Я этого делать не собиралась.

Никто меня не заметил, пока я пробиралась по лестнице вниз. Я проскользнула в ближайший угол и устроилась наблюдать за развлекающейся элитой. Это было ослепительно. Тела сплетались на импровизированном танцполе в середине комнаты. Кто-

то поблизости закурил сигару, наполняя воздух богатым, пряным ароматом. Клубы дыма вздымались к потолку на добрых двадцать футов. Бриллианты сверкали, а зубы блестели, и это было только у нескольких людей. Открытое богатство боролось с гранжем среди смешанной толпы. Вы не смогли бы найти место для более полного наблюдения за людьми, даже если бы попытались. Никаких признаков Мала, к сожалению. По крайней мере, он был дружелюбным.

— Ты новенькая, — произнес голос рядом со мной, очень сильно меня напугав. Я подпрыгнула на мило или, по крайней мере, на несколько дюймов.

Мужчина в черном костюме стоял, опираясь на стену и потягивая из бокала янтарную жидкость. Этот превосходный черный костюм был не таким, как у всех. По всей вероятности, у Сэма он был из магазина, но не этот. Я никогда не понимала притягательности костюма и галстука раньше, но на этом мужчине они смотрелись невероятно хорошо. Он выглядел одного возраста с Дэвидом, и у него были короткие темные волосы. Красивый, конечно. Как и у Дэвида, у него были божественные скулы.

— Знаешь, если ты переместишь еще одну ногу в сторону, то ты полностью исчезнешь за этой пальмой, — он сделал еще глоток своего напитка. — Тогда никто тебя не увидит.

— Я подумаю немного об этом, — я не стала отрицать, что прячусь. Видимо, это было уже всем очевидно.

Он улыбнулся, сверкнув ямочкой. У Томми Бирнса были ямочки. Он приучил меня к их влиянию. Мужчина наклонился ближе, наверное, чтобы его было легче услышать, перебивая музыку. Тот факт, что он сопровождал свои слова приличного размера шагом ко мне, казался ненужным. Личное пространство вещь замечательная. Что-то в этом парне посыпало мороз по моей коже, несмотря на шикарный костюм.

— Я Джимми.

— Эв.

Он поджал губы, глядя на меня.

— Нет, я определенно тебя не знаю. Почему?

— Ты знаешь всех остальных? — я осмотрела комнату, сильно в этом сомневаясь. — Здесь много людей.

— Да, — согласился он. — И я знаю их всех. Всех, кроме тебя.

— Дэвид пригласил меня, — я не хотела упоминать имя Дэвида, но я была загнана в угол, и фигурально, и буквально, так как Джимми наступал на меня.

— Вот как? — его глаза выглядели злыми, зрачки уязвляли. Что-то было не так с этим парнем. Он уставился в ложбинку моей груди, как будто намеревался расположить там свое лицо.

— Да. Он пригласил.

Джимми совершенно точно не выглядел довольным этой новостью. Он запрокинул стакан, допивая содержимое одним большим глотком.

— Итак, Дэвид пригласил тебя на вечеринку.

— Он пригласил меня остановиться тут на несколько дней, — сказала я, и это не было ложью. Надеюсь, он пропустил новость обо мне и Дэвиде. Или, может, он просто слишком пьян, чтобы сложить два плюс два. В любом случае, я этот пробел ему не восполнила.

— В самом деле? Это мило с его стороны.

— Да, это так.

— Какую комнату он тебе предоставил? — он стоял передо мной, затем он небрежно

бросил свой пустой стакан в цветочный горшок. Его ухмылка выглядела безумно. Моя потребность убежать от него стала безотлагательной.

— Белую, — сказала я, высматривая способ обойти его. — Кстати говоря, мне лучше вернуться.

— Белая комната? Ну и ну, разве ты не особенная?

— А разве нет? Извините, — я протиснулась мимо него, отказываясь от светских манер. Он, должно быть, не ожидал этого, потому что отшатнулся назад.

— Эй. Подожди.

— Джимми, — появился Дэвид, мгновенно заработав мою признательность. — Что здесь происходит?

— Ничего, — сказал Джимми. — Просто знакомлюсь с... Эв.

— Что ж, тебе не нужно знать... Эв.

Парень широко улыбнулся:

— Да ладно! Ты же знаешь, как я люблю новые прелестные вещи.

— Пойдем, — сказал мне Дэвид.

— Это на тебя не похоже, быть третьим лишним, Дэйви, — произнес Джимми. — Не тебя ли я ранее видел на балконе с прекрасной Кэтрин? Почему бы тебе не найти ее и не получить от нее то, в чем она так чертовски хороша? Мы с Эв здесь заняты.

— На самом деле, нет, мы не заняты, — сказала я. И почему Дэвид так быстро вернулся назад от развлечений с девушкой-бикини? Несомненно, у него не было возможности побеспокоиться о состоянии своей маленькой жены.

Ни один из них меня не услышал.

— Итак, ты пригласил ее остановиться в моем доме, — сказал Джимми.

— Я был уверен, что Адриан арендовал это место для всех нас, пока мы работаем над новым альбомом. Что-то изменилось, и я не знаю об этом?

Джимми рассмеялся:

— Мне нравится этот дом. Я решил его купить.

— Прекрасно. Дай мне знать, когда сделка состоится, и я обязательно съеду. А пока мои гости — не твое дело.

Джимми взглянул на меня, его лицо светилось злорадством:

— Это она, не так ли? Та, на которой ты, глупый сукин сын, женился.

— Пойдем, — Дэвид схватил меня за руку и потащил к лестнице. Его челюсти были стиснуты так сильно, что стали видны мышцы.

— Я мог бы отыметь ее у стены на гребаной вечеринке, и ты женился на ней?

Дерьмо собачье он смог бы отыметь.

Пальцы Дэвида крепко сжали мою руку.

Джимми расхохотался, как кретин, которым он и был.

— Она ничего, ты извини, бл... Посмотри на нее. Просто посмотри на нее. Скажи мне этот брак не был совершен с благословения водки и кокаина?

Не было ничего такого, чего я не слышала ранее. Хорошо, не считая части о браке. Но его слова еще жалили. Однако, прежде чем я смогла высказать Джимми все, что я о нем думаю, железная хватка, удерживавшая мою руку, исчезла. Дэвид вернулся назад, схватив его за ворот. Они были одинаково равны по силе. Оба были высокого роста, хорошо сложены. Ни один не собирался идти на попятную. В комнате стихло, все разговоры остановились, хотя музыка продолжала грохотать.

— Давай, братишка, — прошипел Джимми. — Покажи мне, кто настоящая звезда этого шоу.

Плечи Дэвида напряглись под тонкой хлопковой футболкой. Затем он с рычанием выпустил Джимми, оттолкнув его на шаг назад.

— Ты такой же испорченный, как и мама. Смотрю на тебя, ты — гребаный мусор.

Я ошеломленно смотрела на них. Эти двое из группы были братьями. Такие же темные волосы и красивые лица. Я явно вышла замуж не в самой счастливой семье. Джимми выглядел почти пристыженным.

Мой муж двинулся мимо меня, хватая мою руку по пути. Все смотрели на нас. Элегантная брюнетка шагнула к нам, вытянув руку. Беспокойство отразилось на ее прелестном лице.

— Ты же знаешь, что он не это имел в виду.

— Не лезь в это, Марта, — не притормаживая, сказал мой муж.

Женщина взглянула на меня с неприязнью. Что еще хуже, чем упрек. Из-за поведения Дэвида у меня было нехорошее предчувствие о том, что происходит вокруг.

Он потащил меня вверх по ступенькам, затем по коридору к моей комнате. Мы молчали. Возможно, на этот раз он захочет запереть меня в комнате, подставив стул под ручку двери. Я могла понять его, отчего он злился на Джимми. Этот парень был придурком в эпических пропорциях. Но что я сделала? Помимо побега из моей плюшевой тюрьмы, конечно.

На полпути по длинному темному коридору, я освободила свою конечность от его нежной заботы. Я должна была что-нибудь сделать до того, как он перекроет кровоснабжение в моих пальцах.

— Я знаю дорогу, — сказала я.

— Все еще хочешь заняться сексом? Ты должна была сказать, я был бы более чем счастлив помочь тебе, — сказал он с фальшивой улыбкой. И эй, ты даже не пьяная сегодня вечером. Скорее всего, ты бы запомнила.

— Ой.

— Я сказал что-то не то?

— Нет, но я все еще думаю, что справедливо будет отметить, что ты ведешь себя, как задница.

Он остановился, как вкопанный, и посмотрел на меня, широко раскрыв глаза, возможно, даже сильно удивился.

— Я веду себя, как задница? Черт побери, ты моя жена!

— Нет, не жена. Ты сам так сказал. Прямо перед тем, как ты ушел забавляться в домике у бассейна со своим другом, — сказала я. Хотя, судя по всему, он не находился долго в домике. Возможно, минут пять-шесть? Я почти чувствовала жалость к девушке-бикини. Это не было обслуживанием с улыбкой.

Темные брови опустились как грозовые тучи. Он был не особо впечатлен. Неудача. Мои чувства к нему были также на рекордно низком уровне.

— Ты права. Моя ошибка. Должен ли я вернуть тебя обратно к моему брату? — спросил он, щелкая костяшками пальцев, как неандерталец, и вглядываясь назад в коридор, откуда мы пришли.

— Нет, спасибо.

— Кстати, это было очень мило, делать для него «трахни-меня» глазки. Из всех там внизу, ты флиртовала с Джимми, — он фыркнул. — Отлично, Эв.

— Вот честно, что ты думаешь, происходило?

— Что у тебя с ним получалось все чертовски удобно там в углу?

— Серьезно?

— Я знаю Джимми, и я знаю девушек, окружающих Джимми. Вот, разумеется, как это выглядело, детка, — он протянул широкие руки. — Докажи, что я не прав.

Я даже не была уверена, что знаю, как делать «трахни-меня» глазки. Но я, несомненно, не делала их такими там внизу. Неудивительно, что так много браков заканчивается разводом. Замужество — отстой, а мужья — хуже всего. Мои плечи опустились. Не думаю, что когда-нибудь чувствовала себя такой униженной.

— Я думаю, что твои личные проблемы с братом, может быть даже хуже, чем твои проблемы с женой, и это уже о чем-то говорит, — я медленно покачала головой. — Спасибо тебе за предоставленную мне возможность защитить себя. Я очень это ценю. Но знаешь что, Дэвид? Я просто не уверена, что твое хорошее мнение имеет значение.

Он вздрогнул.

Я ушла прежде, чем сказала что-нибудь похуже. Забудьте все дружелюбное. Чем раньше мы разведемся, тем лучше.

Когда я проснулась следующим утром, через окна лился солнечный свет. Кто-то стучал в дверь и дергал за ручку, пытаясь попасть внутрь. Я заперла ее прошлой ночью после сцены с Дэвидом на тот случай, если он решит вернуться и продолжить обмен оскорблениями. Несколько часов я не могла уснуть из-за музыки, которая доносилась снизу, и из-за моих вышедших из-под контроля эмоций. Но усталость, в конце концов, победила.

— Эвелин! Эй! — кричал женский голос из коридора. — Ты здесь?

Я сползла с огромной кровати, одергивая край футболки Дэвида. Независимо от того, чем он стирал ее в Вегасе, она не пахла рвотой. Этот мужчина умел стирать. К счастью, потому что, за исключением моего грязного вечернего платья и нескольких топов, одеть мне было нечего.

— Кто там? — спросила я, зевая во весь рот.

— Марта, личный ассистент Дэвида.

Я приоткрыла дверь и выглянула. Элегантная брюнетка, которую я видела прошлой ночью, смотрела на меня без явного восторга. Из-за того, что заставила ждать, или из-за моих растрепанных после сна волос, не знаю. В этом доме каждый выглядит так, словно только что сошел с обложки «Вог»? При виде футболки Дэвида ее глаза превратились в щелочки.

— Его представители уже здесь, чтобы встретиться с тобой. Может, ты оторвешь свою задницу и начнешь собираться? — женщина развернулась и зашагала вниз по коридору, яростно стуча каблуками по терракотовой плитке на полу.

— Спасибо.

Она меня не признала, но, с другой стороны, я от нее этого и не ожидала. Эта часть Лос-Анджелеса явно была сообществом невоспитанных кретинов. Я быстро приняла душ, надела джинсы и чистую футболку. Это было лучшее, что я могла сделать.

Дом стоял в тишине, когда я промчалась по коридору. На втором этаже не было никаких признаков жизни. Я хотела бы нанести немного туши на ресницы, собрать мокрые волосы в хвост, но что бы тогда это было. Я могла либо задержать людей, либо пойти без макияжа. Победила вежливость. Если бы мне предложили кофе, то всё же я бы заставила представителей Дэвида подождать, по меньшей мере, две чашки. Пробегка с нулевым содержанием кофеина казалась самоубийством, учитывая стрессовые обстоятельства. Я поспешила вниз по лестнице.

— Мисс Томас, — позвал мужчина, выходя из комнаты слева. Он был одет в джинсы и белую рубашку поло. На шее висела толстая, золотая цепь. Так, а это кто? Еще один из окружения Дэвида?

— Извините, я опоздала.

— Все в порядке, — он улыбнулся, но я не совсем поверила ему, несмотря на большие белые зубы. Природа явно не принимала участия в его зубах или загаре. — Я Адриан.

— Эв. Привет.

Он проводил меня в комнату. За впечатляюще длинным обеденным столом сидели, ожидая, трое мужчин в костюмах. Над головой сверкала в утреннем свете еще одна хрустальная люстра. На стенах висели красивые, красочные картины. Оригиналы, конечно.

— Джентльмены, это мисс Томас, — объявил Адриан. — Скотт Бейкер, Билл Престон и

Тед Воган — законные представители Дэвида. Почему бы тебе не присесть здесь, Эв?

Адриан говорил медленно, как будто я была глупым ребенком. Он выдвинул для меня стул из-за стола, прямо напротив команды дотошных адвокатов, затем обошел вокруг, чтобы сесть рядом с ними. Ничего себе, это дало мне понять, что проведена граница.

Я вытерла потные ладони о джинсы и распрямилась, изо всех сил стараясь не теряться под их враждебными взглядами. Я определенно могла это сделать. Насколько все же тяжело разводиться.

— Мисс Томас, — начал тот, которого Адриан представил как Теда. Он пододвинул мне черную кожаную папку. — Мистер Феррис попросил нас подготовить документы о расторжении брака. Они охватывают все вопросы, в том числе детали выплат от мистера Ферриса.

Размер стопки бумаг передо мной был пугающим. Эти люди быстро поработали.

— Выплаты мне?

— Да, — ответил Тед. — Можете не сомневаться, мистер Феррис был очень щедр.

Я покачала головой в замешательстве.

— Извините, что...

— С этим мы разберемся в последнюю очередь, — затараторил Тед. — Обратите внимание, что документ предусматривает условия, которые должны быть выполнены вами. Основное ограничение заключается в том, что вы не будете общаться на эту тему ни с одним представителем прессы. Боюсь, это не обсуждается. Это условие остается в силе до вашей смерти. Вы полностью понимаете установленное требование, мисс Томас? Ни при каких обстоятельствах, ни с каким-либо представителем прессы вы не можете обсуждать мистера Ферриса, в любом случае, пока вы живы.

— Так я могу поговорить с ними после своей смерти? — я спросила, слегка смеясь. Тед действовал мне на нервы. Полагаю, я все же не выпалась.

Тед показал мне свои зубы. Они были не настолько впечатляющими, как у Адриана.

— Это очень серьезный вопрос, мисс Томас.

— Эв, — сказала я. — Меня зовут Эв, и я осознаю серьезность этого вопроса, Тед. Я прошу прощения за легкомысленность. Но не могли бы мы вернуться к части про выплаты? Я немного озадачена.

— Очень хорошо, — Тед посмотрел свысока на меня и постучал толстой, золотой ручкой по документам передо мной. — Как я сказал, мистер Феррис был очень щедр.

— Нет, — произнесла я, не глядя на бумаги. — Вы не поняли.

Тед откашлялся и посмотрел на меня поверх очков.

— Это было бы неразумно с вашей стороны пытаться добиться большего в данных обстоятельствах, мисс Томас. Шестичасовой брак в Лас-Вегасе, зарегистрированный, когда вы оба находились под сильным воздействием алкоголя? Согласно Руководству, есть основания для признания брака недействительным.

Дружки Теда захихикали, и мое лицо вспыхнуло. Потребность случайно пнуть болвана под столом все росла и росла.

— Мой клиент не будет делать другое предложение.

— Я не хочу, чтобы он делал другое предложение, — сказала я, повысив голос.

— Аннулирование продолжится, мисс Томас, — сказал Тед. — В этом нет никаких сомнений. Примирения не будет.

— Нет, это не то, что я имела в виду.

Тед вздохнул.

— Нам нужно закончить сегодня, мисс Томас.

— Я не пытаюсь ничего задерживать, Тед.

Два других адвоката смотрели на меня с неприязнью, поддерживая Теда подлыми, понимающими улыбками. Ничего не раздражает меня сильнее, чем кучка людей, пытающаяся запугать кого-то. Хулиганы превратили мою жизнь в ад еще в средней школе. И действительно, все эти люди передо мной были такими же.

Адриан послал мне «больше-зубую-лже-отеческую» усмешку.

— Я уверен, Эв увидела, какая у Дэвида жизнь. Так что, здесь не будет никаких препятствий?

Эти люди, они меня ошеломили. Кстати говоря, интересно, где мой дорогой муж. Слишком занят, трахая моделей в бикини, чтобы присоединиться к своему собственному разводу, бедный парень. Я убрала в сторону свою челку, пытаюсь сообразить, что сказать. Пытаюсь справиться с гневом.

— Подождите...

— Мы все хотим лучшего для тебя, учитывая неблагоприятную ситуацию, — продолжил Адриан, явно произнося ложь сквозь свои большие, блестящие зубы.

— Отлично, — сказала я, беспокойно дергая пальцами под столом. — Это... это на самом деле здорово.

— Пожалуйста, мисс Томас, — Тед властно постучал ручкой около рисунка на документе, и я покорно посмотрела, хотя и не хотела. Там было много нулей. Я имею в виду, на самом деле много. Это безумие. За две жизни я не смогла бы заработать столько денег. Дэвид, должно быть, хотел выставить меня весьма отвратительной. Мой живот нервно урчал, но мои «рвотные» дни прошли. Вся сцена ощущалась ужасающе, как в каком-то плохом второсортном кино или мыльной опере. Девушка из бедного района города охмурила сексуального, богатого парня и обманом заставила его жениться. Теперь все, что ему оставалось, это использовать своих людей, чтобы выгнать меня на все четыре стороны.

Хорошо, он выиграл.

— Все это было просто ошибкой, — сказал Адриан. — Я уверен, Эв так же стремится оставить все это позади, как и Дэвид. А с этой щедрой финансовой выплатой она может двигаться вперед к светлому будущему.

— К тому же вы никогда не попытаетесь вступить снова в контакт с мистером Феррисом, не важно каким способом. Всякая попытка с вашей стороны сделать это будет рассматриваться как нарушение контракта, — Тед отодвинул ручку, с фальшивой улыбкой сел обратно в кресло и скрестил руки на животе. — Это понятно?

— Нет — произнесла я, потирая лицо руками.

Они действительно думали, что я увлеклась, чтобы добраться до денег. Я ничего не сделала, чтобы заработать эти деньги, как бы заманчиво не было принять их. Конечно, они также думали, что я продам свою историю прессе и буду изводить Дэвида каждую свободную минуту, которая будет в моей оставшейся жизни. Они думали, что я дешевая, дрянная сволочь.

— Честно говоря, я думаю, что из этого ничего непонятно.

— Эв, пожалуйста, — Адриан послал мне разочарованный взгляд. — Давайте будем благоразумными.

— Я вам скажу, что..., — я встала и, достав кольцо из кармана джинсов, бросила его на

кучу документов. — Верните это Дэвиду и скажите ему, что мне ничего из этого не нужно. Ничего из этого, — я указала рукой на них, на стол, бумаги и весь этот проклятый дом.

Адвокаты между собой нервно переглянулись, как будто им понадобится еще больше документов, прежде чем позволить мне уйти, беспорядочно размахивая руками.

— Эв.

— Я не хочу продавать его историю или преследовать его, или что-либо еще, что вы скрыли в подпункте 98.2. Мне не нужны его деньги.

Адриан откашлялся, смеясь. Пошел он. Фальшивый ублюдок мог думать все, что ему угодно.

Тед неодобрительно посмотрел на мое большое сияющее кольцо, невинно лежавшее среди беспорядка.

— Мистер Феррис не упоминал кольцо.

— Нет? Хорошо, почему бы вам не передать мистеру Феррису, что он может засунуть его туда, где, как он чувствует, оно подойдет лучше, Тед.

— Мисс Томас, — Тед встал, на его одутловатом лице было возмущение. — Это лишнее.

— Придется с вами в этом не согласиться, Тед, — я выскочила из столовой смерти и направилась к парадной двери так быстро, как мои ноги могли унести меня. Немедленный побег был единственным ответом. Если бы я смогла просто подальше убраться от них, достаточно надолго, чтобы отдышаться, я бы смогла придумать новый план, чтобы справиться с этой нелепой ситуацией. Я была бы в порядке.

Когда я мчалась вниз по ступенькам, подъехал абсолютно новый черный «Джип».

Опустилось стекло, из-за которого показался мой гид с прошлой ночи, Мал, сидевший на месте водителя. Он ухмыльнулся за черными очками.

— Эй, ребенок-невеста.

Я обогнула его и побежала вниз по длинной, извилистой дорожке в сторону ворот. К свободе и независимости, и моей прежней жизни, или тому, что от нее осталось. Если бы я только никогда не ездила Вегас. Если бы я только попробовала сильнее убедить Лорен, что вечеринка дома была бы прекрасна, ничего бы этого не случилось. Боже, я была такой идиоткой. Почему я была настолько пьяна?

— Эв, подожди, — Мал остановился рядом со мной на своем «Джипе». — Что случилось? Куда ты идешь?

Я не ответила. Я со всеми ними покончила. И еще у меня было плохое предчувствие, что я, черт побери, собиралась разреветься. Мои глаза ужасно горели.

— Остановись, — он затормозил и выбрался из машины, догоняя меня. — Эй, извини.

Я молчала. Мне им всем говорить было нечего.

Он осторожно обхватил мою руку, но мне было все равно. Я замахнулась на него. Никогда никого не била и, видимо, я не собиралась начинать сейчас. Он с легкостью увернулся от моего летящего кулака.

— Вау. Хорошо, — Мал отскочил на шаг, настороженно глядя на меня поверх солнцезащитных очков. — Ты сошла с ума. Я понял.

Уперев руки в бока, он оглянулся в сторону дома. Тед и Адриан стояли на крыльце, наблюдая за нами. Даже с этого расстояния неразлучная парочка не казалась счастливой. Злобные мерзавцы.

— Ты, мать твою, шутишь? Он натравил этого круглого болвана Теда на тебя? —

прошипел Мал.

Я кивнула, моргая, пытаюсь вернуть себе контроль.

— С тобой кто-нибудь был? — спросил он.

— Нет.

Он поднял голову.

— Ты собираешься плакать?

— Нет!

— Черт. Пойдем, — он протянул мне руку, а я недоверчиво пялилась на него. — Эв, подумай. Там фотографии и прочее дерьмо, ожидающие снаружи. Даже если ты пройдешь мимо них, куда ты пойдешь?

Он был прав. Я должна была вернуться, забрать сумку. Так глупо с моей стороны, что я не подумала об этом. Взяв себя в руки, я бы смогла сходить и забрать ее, а потом убралась бы отсюда. Я обмахнула лицо руками, сделала большой вдох. Все хорошо.

Между тем, его рука зависла в ожидании. На ней между большим и указательным пальцами было несколько мелких волдырей. Любопытно.

— Ты барабанщик? — спросила я, шмыгнув носом.

По какой-то причине он покатился со смеху, согнувшись практически пополам и схватившись за живот. Может быть, он был на наркотиках? Или, возможно, он еще один сумасшедший в этом гигантском убежище? Бетмэну пришлось бы нелегко держать под контролем это место.

— Что с тобой? — спросила я, делая шаг в сторону от него. Мало ли что.

Его шикарные очки с грохотом упали на асфальт. Он сгреб их и надвинул обратно на лицо.

— Ничего. Совсем ничего. Давай убираться отсюда. У меня есть дом на пляже. Мы спрячемся там. Пойдем, это будет весело.

Я колебалась, посылая подонкам на крыльце убийственный взгляд.

— Почему ты помогаешь мне?

— Потому что ты стоишь помощи.

— В самом деле? Почему ты так думаешь?

— Тебе не понравится мой ответ.

— За все утро мне не понравился ни один ответ, так зачем останавливаться сейчас?

Он улыбнулся:

— Достаточно честно. Мы с Дэвидом старинные друзья. Мы напивались и теряли контроль больше раз, чем я могу вспомнить. У него были девушки старавшиеся заманить его в ловушку в течение многих лет, даже когда у нас не было денег. Он никогда не проявлял интерес к браку. Этого раньше даже не было на его радаре. Так что факт, что он женился на тебе, подсказывает, что тебе стоит помогать. Давай, Эв. Хватит беспокоиться.

— Мне нужно забрать свои вещи.

— Чтобы они загнали тебя в угол? Побеспокойсья об этом позже, — он протянул руку, пальцами подзывая меня. — Давай выбираться отсюда.

Я вложила свою руку в его, и мы уехали.

— Так, подожди, разве эта песня не о его умирающей собаке?

— Это не смешно, — рассмеялась я.

— Мне тоже, — Мал прыснул на противоположном конце дивана, в то время как Тим Макгро^[4] разглагольствовал о своих разновидностях дождя на плоском экране телевизора, занимавшего противоположную стену. — Как ты думаешь, почему все они носят такие большие шляпы?

— Замолчи.

Образ жизни этих людей взорвал мне мозг. Мал, сокращенно от Малкольм, жил в доме на пляже, который по большей части был трехэтажным архитектурным произведением искусства из стали и стекла. Он был поразительный. Не абсурдно огромный, как дома на холмах, но все равно впечатляющий. Мой папа был бы в восторге от такого минимализма, аккуратности линий или чего-то подобного. Я же просто ценила наличие друга в трудное для меня время.

Дом Мала, несомненно, был холостяцким жильем-тире-зачным местом. Было у меня неопределенное намерение приготовить обед, чтобы отблагодарить его за помощь, но в доме не оказалось ни кусочка еды. Холодильник был заполнен пивом, морозилка — водкой. Нет, еще там был пакет апельсинов, которые, судя по всему, использовались как закуска к водке. Он запретил к ним притрагиваться. Однако его супернавороченная кофемашина делала все правильно. У него даже были приличные кофейные зерна. Он был поражен внезапно вырвавшимися у меня несколькими движениями бариста^[5]. Выпив за час три чашки кофе, я стала намного более похожей на ту старую, хорошо спланированную, кофейную себя.

Мал заказал пиццу, и мы до поздней ночи смотрели телевизор. Чаще всего он веселился, высмеивая мой вкус практически ко всему: фильмам, музыке и многому другому. По крайней мере, он делал это по-доброму. Мы не могли выйти наружу, так как несколько фотографов поджидали на пляже. Из-за этого я чувствовала себя скверно, а он просто пожал плечами.

— Что насчет этой песни? — спросил он. — Тебе нравится?

Миранда Ламберт^[6] дефилировала на экране в классном платье в стиле 50-х, и я широко улыбнулась.

— Миранда — это сильно.

— Я знаком с ней.

Я выпрямилась:

— Правда?

Мал снова захихикал:

— Ты впечатлена, что я знаком с Мирандой Ламберт, но ты понятия не имела, кто я. Если честно, женщина, ты сильно ранила мое самолюбие.

— Я видела «золотые» и «платиновые» альбомы, вывешенные в коридоре, приятель. Думаю, ты можешь это учесть.

Он фыркнул.

— Знаешь, ты очень напоминаешь мне моего брата, — я почти успела уклониться от бутылочной пробки, которую он со щелчком бросил в меня. Она отскочила от моего лба. — За что?

— Ты можешь хотя бы притвориться моей поклонницей?

— Нет. Извини.

Полностью игнорируя мою любовь к Ламберт, Мал начал переключать каналы. Домашний магазин, футбол, «Унесенные ветром» и я. Я на экране телевизора.

— Подожди, — сказала я.

Он застонал:

— Не самая хорошая идея.

Сначала промелькнули мои школьные фотографии, следом еще одна, на которой мы с Лорен на выпускном вечере. У них даже был репортер, стоявший через дорогу от Руби, болтающий о моей жизни, до того как я поднялась до всемогущего статуса жены Дэвида. А потом был и сам мужчина на какой-то концертной записи, с гитарой в руках он пел на бэк-вокале. Слова были типичные «моя-женщина-предала-меня»: «Она моя единственная и только она поставила меня на колени...». Интересно, напишет ли он песни обо мне. Если и так, то есть вероятность, что они будут не самыми лестными.

— Дерьмо, — я крепче прижала диванную подушку к груди.

Мал наклонился и распустил мои волосы.

— Дэвид любимчик, дорогая. Он привлекательный, играет на гитаре и пишет песни. Девчушки теряют сознание, когда он проходит мимо. Группа, в которой есть молодой парень, и вот у тебя есть новость недели.

— Мне двадцать один.

— А ему двадцать шесть. Это достаточная разница, если только они это правильно преподнесут, — вздохнул Мал. — Посмотри правде в глаза, ребенок-невеста. В Вегасе ты вышла замуж за одного из любимцев рок-н-ролла, и провел эту церемонию актер, переодетый в Элвиса. Это всегда вызывает шквал дерьма. Учитывая также, что в последнее время с группой творится какая-то ерунда... что с Джимми, отрывающимся, словно это тысяча девятьсот девяносто девятый год, и Дэйв, утрачивающий свое вдохновение в написании музыки. Но на следующей неделе кто-нибудь еще сделает что-нибудь эксцентричное, и все внимание переместится на него.

— Надеюсь.

— Я знаю это. Люди постоянно все портят. Это славно, — он откинулся на спинку с руками за головой. — Давай, улыбнись для дяди Мала. Ты же знаешь, что хочешь.

Я улыбнулась без энтузиазма.

— Это чушь, а не улыбка, и мне стыдно за тебя. Ты никого не сможешь этим обмануть. Попытайся снова.

Я старалась сильнее, улыбаясь, пока не заболели мои щеки.

— Черт. Теперь ты выглядишь, как будто тебе больно.

Стук в парадную дверь прервал наше веселье.

Мал приподнял брови.

— Интересно, как долго он будет стучать.

— Что? — я последовала за ним к двери, прячась за перегородку просто на случай, если это опять пресса.

Он открыл дверь, и Дэвид с требовательным и разъяренным выражением лица заполнил дверной проем.

— Ты — кусок дерьма. Тебе же будет лучше, если ты ее не тронул. Где она?

— Ребенок-невеста в любом случае занята, — Мал поднял голову, впуская Дэвида с

ледяным взглядом. — Почему, черт возьми, тебя это волнует?

— Не начинай. Где она?

Мал спокойно закрыл дверь, встречаясь лицом к лицу со своим другом. Я замешкалась, оставаясь позади. Ладно, таким образом, я трусливо пряталась. Наплевать.

— Где она?

Мал скрестил руки на груди:

— Ты оставил ее одну встретиться с Адрианом и тремя адвокатами. Ты, мой друг, совершенно определенно кусок дерьма в этом конкретном сценарии.

— Я не знал, что Адриан пойдет к ней со всем этим.

— Ты не хотел знать, — сказал Мал. — Ври там кому-нибудь другому, Дэйв. Не мне. И конечно, твою мать, не самому себе.

— Отвали.

— Тебе, мой друг, нужен серьезный жизненный совет.

— Ты что, Опра^[7]?

Скрывая смех кашлем, Мал сполз по стене.

— Чертовски верно. Скоро буду машины раздавать, так что держись поблизости.

— Что она сказала?

— Кто, Опра?

Дэвид просто нахмурился. Он даже не заметил, что я подглядываю. И, к сожалению, даже хмурый Дэвид был созданием редкой красоты. Он многое сделал для меня. Это было непросто. Мое сердце забилося сильнее. Гнев и эмоции в его голосе не могли быть заботой обо мне. Это не имело никакого смысла, не после прошлой ночи и этого утра. Я должна была планировать, и это опротивело, потому что я все еще хотела, чтобы он заботился обо мне. В голове это не имело никакого смысла. Уйти от этого парня было самым безопасным вариантом.

— Дэйв, она была так расстроена, что замахнулась на меня с кулаком.

— Чушь.

— Я не шучу. Она была практически в слезах, когда я нашел ее, — сказал Мал.

Я стукнулась лбом об стену в молчаливом страдании. Зачем, черт возьми, Малу рассказывать это ему?

Мой муж опустил голову.

— Я не думал, что так получится.

— Кажется, ты до хрена чего не думал, — Мал покачал головой, выражая неодобрение. — Ты хотя бы хотел жениться на ней, чувак? Seriously?

Дэвид поморщился, у него на лбу снова появилась морщинка, как у Джеймса Дина^[8].

— Я уже ничего не знаю. Черт. Я поехал в Вегас, потому что так устал от всего этого дерьма, и встретил ее. Она была другая. Она казалось другой той ночью. Я просто... Я для разнообразия захотел чего-то за пределами этого гребанного идиотизма.

— Бедный Дэви. Рок-бог постарел?

— Где она?

— Я чувствую твою мужскую боль, брат. На самом деле. Я имею в виду, все, что тебе хотелось — девушка, которая хотя бы раз не стала бы целовать твою задницу, и теперь ты злишься на нее по той же проклятой причине. Это сложно, не правда ли?

— Пошел ты. Оставь ее в покое, Мал. Все кончено, — мой муж раздраженно вздохнул. — В любом случае, она единственная, кто хочет этот чертов развод. Почему ты ее не

допросишь с пристрастием?

С театральным вздохом Мал широко раскинул руки:

— Потому что она собственно занята тем, что скрывается за углом и подслушивает. Я не могу побеспокоить ее сейчас.

Тело Дэвида замерло и его голубые глаза нашли меня.

— Эвелин.

Ха. Поймали с поличным.

Я отошла от стены и попыталась изобразить счастливое лицо. Не получилось.

— Привет.

— У нее так хорошо получается говорить «привет», — Мал повернулся ко мне и подмигнул. — Так ты действительно попросила могущественного Дэвида Ферриса о разводе?

— Ее вырвало на меня, когда я сказал ей, что мы поженились, — сообщил мой муж.

— Что? — Мал разразился смехом, из его глаз потекли слезы. — Ты серьезно? Черт побери, это нереально. О, чувак, жаль, что меня там не было.

Я послала Дэвиду, как я надеялась, самый недоброжелательный взгляд во всем времени и пространстве. Он смотрел пристально, равнодушно.

— Это был пол, — уточнила я. — Меня вырвало не на него.

— В тот раз, — сказал Дэвид.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Мал, смеясь еще громче. — Это становится все лучше и лучше.

Дэвид не продолжил. Слава Богу.

— Серьезно, я чертовски люблю твою жену, парень. Она удивительная. Можно я оставлю ее себе?

Взгляд, который послал мне Дэвид, говорил о более чем неохотной привязанности. Со складкой между бровями, это было ближе к откровенному раздражению. Я послала ему воздушный поцелуй. Он отвернулся, сжал руки в кулаки, словно он едва сдерживался, чтобы не задушить меня. Чувства были абсолютно взаимными.

Ах, супружеское счастье.

— Вы двое просто лучшие, — из кармана Мала донесся звук звонка, и он достал сотовый телефон. Что бы он ни увидел на экране, смеяться он перестал.

— Знаешь, тебе стоит забрать ее в свой дом, Дэйв.

— Не думаю, что это хорошая идея, — рот Дэвида широко растянулся в поистине огорченном выражении.

Я тоже не думала, что это хорошая идея. Я бы охотно жила дальше никогда не посещая этот дом ужасов. Возможно, если бы я ласково попросила Мала, он бы принес мои вещи. Навязываться ему в дальнейшем было не по душе, но мои варианты почти иссякли.

— Вот, — с мрачным лицом Мал сунул свой телефон Дэвиду.

— Черт, — пробормотал Дэвид. Он обхватил руками заднюю часть шеи и сжал. От обеспокоенного взгляда, который он мне послал из-под темных бровей, в моей голове начал звучать сигнал тревоги. Что-то нехорошее было на этом экране.

По-настоящему плохое.

— Что там? — спросила я.

— О, ты, э... тебе не нужно волноваться об этом, — его взгляд упал снова на телефон, потом он передал его обратно Малу. — В мой дом было бы на самом деле круто. Мы так и

сделаем. Весело. Да.

— Нет.

Если Дэвид настолько мил со мной, значит это должно быть что-то и вправду плохое. Я протянула руку, пальцы дрожали от нетерпения или нервов, или от того и другого.

— Покажи мне.

После того как Дэвид неохотно кивнул, Мал передал мне телефон.

Не могло быть никаких сомнений, что это было, даже на маленьком экране. Было много кожи из-за того, что я была голой от пояса и ниже. Мой голый зад находился в центре внимания во всей его бледной с ямочками славе. Боже, он выглядел огромным. Как будто они использовали широкоугольный объектив или что-то подобное? Вечернее платье было задрано, а я стояла, наклонившись над столом, в то время как тату-мастер усердно трудился раскрашивая мой зад. Мои трусики были стянуты вниз, едва прикрывая главное. Дерьмо. К слову о компрометирующем положении. Принимать участие в порно-съемке определенно не было частью плана.

На другой части кадра наши лица были близко друг к другу, и Дэвид улыбался. Ха. Так вот как он выглядит, когда улыбается.

И тогда я вспомнила гул иглы, и как он разговаривал со мной, держа меня за руки. Поначалу игла причиняла острую боль.

— Ты притворялся, что кусаешь мои пальцы. Тату-мастер рассердился на нас из-за того, что мы дурачились.

Дэвид поднял подбородок.

— Да. Ты должна была не шевелиться.

Я кивнула, пытаюсь вспомнить больше, но не получилось.

Люди увидят эту картинку. Люди увидят это. Люди, которых я знала, и незнакомцы. Любой и каждый. Моя голова одурманено закружилась так же, как это было тогда. Только на этот раз алкоголь был не виноват.

— Где они его взяли? — спросила я, мой голос дрожал, а сердце ушло в пятки. Или возможно это было то, что осталось от моего разорванного в клочья достоинства.

Дэвид послал мне грустный взгляд.

— Я не знаю. Мы были в индивидуальной комнате. Такое не должно было случиться, но люди предлагают большие деньги за такого рода вещи.

Я кивнула и протянула Малу его телефон. Моя рука тряслась.

— Верно. Ну...

Они оба посмотрели на меня, лица напряжены от ожидания, что я расплачусь. Этого не будет.

— Все в порядке, — произнесла я, делая все возможное, чтобы поверить в это.

— Конечно, — сказал Мал.

Дэвид засунул руки в карманы:

— Эта фотография даже не очень четкая.

— Да, нечеткая, — согласилась я. Жалости в его глазах было больше, чем я могла вынести. — Извини, я на минутку.

К счастью, ближайшая ванная комната была неподалеку. Я заперла дверь и села на край джакузи, пытаюсь замедлить свое дыхание, чтобы успокоиться. Не было ничего, что я могла бы сделать. Фотография уже была там. Это не смерть и расчленение. Это была глупая фотография сомной в компрометирующем положении, которое демонстрировало больше

кожи, чем мне понравилось бы, и что с того. Подумаешь. Прими это и двигайся дальше. Несмотря на то, что все кого я знала, скорее всего, видели это. Вещи и похуже происходили в мировой истории. Я просто должна была смириться с обстоятельствами и оставаться спокойной.

— Эв? — Дэвид легонько постучал в дверь. — Ты в порядке?

— Да.

Нет. Не совсем.

— Можно мне войти?

Я страдальчески взглянула на дверь.

— Пожалуйста.

Я медленно подошла и щелкнула замком. Дэвид вошел и закрыл за собой дверь. Сегодня он был без хвостика. Его черные волосы свисали, обрамляя лицо. Три маленькие серебряные сережки в одном ухе виднелись сквозь его волосы. Я смотрела на них, потому что о том, чтобы посмотреть ему в глаза не было и речи. Я не собиралась плакать. Не из-за этого. Что, черт возьми, не так с моими глазами в последнее время? Не плачь перед ним.

Тяжелым, хмурым взглядом он посмотрел вниз на меня.

— Извини.

— Это не твоя ошибка.

— Моя. Я должен был заботиться о тебе лучше.

— Нет, Дэвид, — я с трудом сглотнула. — Мы оба были пьяны. Боже, это все так ужасающе и на удивление глупо.

Он просто пристально разглядывал меня.

— Прости.

— Эй, ты можешь расстраиваться. Это был интимный момент. Это не должно было становиться общественным.

— Нет, — согласилась я. — Я... на самом деле, я хотела бы побыть минутку одна.

Он зарычал и внезапно обхватил меня руками, притягивая к себе. Он застал меня врасплох, и я столкнулась своим носом с его грудью. Больно. Но он хорошо пах. Чистый, мужской и приятный. Знакомый. Какая-то часть меня помнила, как это быть рядом с ним, и это убаюкивало. Кто-то в моей голове сказал «безопасный». Но я не могла вспомнить, как или почему.

Рука беспокойно двигалась по моей спине.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Так чертовски жаль.

Доброты было слишком много. Потекли глупые слезы.

— Я едва ли кому-то показывала свою задницу, а теперь ее увидел весь интернет.

— Я знаю, малышка, — он опустил свою голову мне на макушку, крепко удерживая, пока я рыдала в его футболку. Наличие кого-то, кто поддерживал, помогало. Все будет хорошо. В глубине души я знала, что так и будет. Но прямо тогда я не могла увидеть четко. Стоять там, в его руках, было так правильно.

Не знаю, когда мы начали покачиваться. Дэвид нежно покачивал меня из стороны в сторону, как если бы мы танцевали под какую-нибудь медленную песню. Был непреодолимый соблазн так и стоять с лицом, прижатым к его майке, что заставило меня отступить, взять себя в руки. Его руки легли мне бедра, не разрывая контакт до конца.

— Спасибо, — сказала я.

— Все хорошо.

На груди на его футболке было влажное пятно из-за меня.

— Твоя футболка из-за меня вся мокрая.

Он пожал плечами.

Заплаканная я уродлива. Была у меня такая особенность. Зеркало это подтвердило: дьявольски-красные глаза и покрасневшие флюоресцентно-розовые щеки. С неловкой улыбкой я отступила от него, и его руки упали по бокам. Я плеснула в лицо водой и вытерла полотенцем, пока он, нахмурившись, безучастно стоял.

— Давай уедем, — сказал он.

— В самом деле? — я нерешительно взглянула на него. Дэвид и я наедине? Учитывая ситуацию с женитьбой и наши предыдущие трезвые встречи, это не казалось самым разумным планом.

— Да, — он потер руки, все больше проявляя восторг. — Только ты и я. Мы уберемся на некоторое время отсюда.

— Дэвид, то, что ты сказал там, я не думаю, что это хорошая идея.

— Ты хочешь остаться в Лос-Анджелесе? — усмехнулся он.

— Послушай, ты был по-настоящему милым, с тех пор как вошел в дом. Ну, за исключением того, когда ты рассказал Малу, что меня стошнило на тебя. В этом необходимости не было. Но в предыдущие двадцать четыре часа ты бросил меня одну в комнате, ушел с фанаткой, обвинил меня в попытке заняться сексом с твоим братом и натравил на меня свой отряд юристов.

Он промолчал.

— Не то чтобы это мое дело, что ты ушел с фанаткой.

Он развернулся на пятках и зашагал в другой конец ванной комнаты, его движения были сдержанные, сердитые. Несмотря на то, что эта комната в пять раз больше, чем размер моего дома, все же здесь было не так много места для откровенного разговора, как этот. И Дэвид находился между мной и дверью. Потому что вдруг выйти отсюда показалось мне умной мыслью.

— Я просто попросил их разобраться с документами, — сказал он.

— И они, несомненно, это сделали, — я уперлась руками в бедра, настаивая на своем. — Мне не нужны твои деньги.

— Я слышал, — его лицо было нарочито бесстрастным. Мое заявление не вызвало в нем недоверия или насмешки, которые были у тех хамов в костюмах. К счастью для него. Сомневаюсь, что он поверил мне, но, по крайней мере, он был готов притвориться. — Они составляют новые документы.

— Хорошо, — я смутила его взглядом. — Ты не должен платить мне. Не делай предположений, как это. Если ты хочешь узнать что-то, спроси. И я никогда не собиралась продавать историю прессе. Я не сделала бы этого.

— Ладно, — он прислонился к стене, откинул голову назад и посмотрел вверх, — извини, — сказал он в потолок. Я уверена, штукатурка это безмерно оценила.

Когда я ничего не ответила, его пристальный взгляд, в конце концов, нашел меня. Это должно было быть неправильно или, по меньшей мере, безнравственно, быть таким привлекательным. У обычных людей не оставалось шанса. Мое сердце опускалось каждый раз, когда я смотрела на него. Нет, «опускалось» не описывает это. Это резкий прыжок вниз.

Где Лорен, когда я нуждаюсь в ней больше всего, чтобы сказать мне, что я становлюсь излишне эмоциональной?

— Мне жаль, Эв, — повторил он. — Я знаю, что последние двадцать четыре часа были дерьмовыми. Предложение выбраться отсюда на время, было моим способом попытаться сделать ситуацию лучше.

— Спасибо, — сказала я. — А также за то, что пришел сюда проверить как я.

— Нет проблем, — он смотрел на меня, на этот раз не пряча глаза. И честность в его взгляде поменялась на короткую вспышку чего-то большего. Печаль или одиночество, не знаю. Что-то вроде усталости появилось там, но исчезло, прежде чем я смогла разобрать. Но это оставило свой след. В этом мужчине было намного больше, чем красивое лицо и известное имя. Мне нужно запомнить это и не делать собственных предположений.

— Ты действительно хочешь поехать? — спросила я. — В самом деле?

В его глазах блеснуло веселье.

— Почему бы нет?

Я осторожно ему улыбнулась.

— Мы можем обсудить все что угодно, только ты и я. Мне нужно сделать несколько звонков, затем мы уедем, хорошо?

— Спасибо. Мне это нравится.

С прощальным кивком он открыл дверь и вышел. Они с Малом тихо разговаривали о чем-то в гостиной. Я, воспользовавшись возможностью, еще раз умыла лицо и расчесала пальцами волосы. Пришло время вернуть контроль. На самом деле, я с этим слишком задержалась. Что я делаю, прыгая от одной катастрофы к другой? Это не я. Я люблю все контролировать, иметь план. Время перестать беспокоиться о том, что я не могу изменить, и предпринять решительные меры в том, что могу. У меня были сэкономленные деньги. Скоро моя бедная старая машина умрет, и я, следовательно, планировала заменить ее. Потому что, как только придет зима, станет холодно, серо и мокро, не всегда можно будет прогуляться пешком. Мысль об использовании моих сбережений не вызывала у меня радость, но чрезвычайные меры и все такое.

Адвокаты Дэвида подготовят документы за вычетом денег, и я их подпишу. Не стоит беспокоиться об этой стороне вещей. Однако выйти из общественного внимания за несколько недель было бы хорошо и в пределах моих возможностей. Мне просто нужно остановиться и подумать для разнообразия, вместо того, чтобы реагировать. Я большая девочка и я могу о себе позаботиться. Время доказать это. Я поеду с ним, разберусь с главным и уеду. Сначала спрячусь в отпуске, а затем вернусь к моей обычной, упорядоченной жизни, лишённой любого вмешательства рок-звезд.

Да.

— Дай мне ключи от «Джипа», — сказал Дэвид, встав в боевую стойку напротив Мала в гостиной.

Мал поморщился:

— Я пошутил, что буду раздавать автомобили.

— Ну же. Прекращай ныть. Я приехал на мотоцикле, и у меня нет для нее шлема.

— Прекрасно, — с кислым лицом Мал бросил ключи в протянутую руку Дэвида. — Не только потому, что я люблю твою жену. Не поцарапай, слышишь меня?

— Да, да. — Дэвид обернулся и посмотрел на меня. Его губы изогнулись с намеком на улыбку.

За исключением того дня на полу ванной комнаты, я никогда не видела, чтобы он улыбался, никогда даже не видела приближение улыбки. Эта незначительная линия

заставила меня засветиться изнутри. Мои колени задрожали. Это не нормально, я не должна чувствовать все это тепло и радость только из-за него. Я не могла себе позволить иметь какие-либо чувства к нему. Нет, если я хотела выйти из этого невредимой.

— Спасибо, что приютил меня сегодня, Мал, — сказала я.

— Все удовольствие было мое, — протянул он. — Уверена, что ты хочешь ехать с ним, ребенок-невеста? Гребанный мудака заставил тебя плакать. Я заставляю тебя смеяться.

Улыбка Дэвида исчезла, и он шагнул в мою сторону. Его рука легла, слегка надавив на основание моего позвоночника, теплая даже сквозь слой одежды.

— Мы уходим отсюда.

Мал улыбнулся и подмигнул мне.

— Куда мы едем? — спросила я у Дэвида.

— Не все ли равно? Давай просто двигаться.

У меня затекла шея. Боль пронзила меня, когда я медленно потянулась и зажмурилась. Я потеряла болезненные мышцы, пытаюсь их разблокировать.

— Ой.

Дэвид поднял руку с руля и протянул ее ко мне, чтобы сильными пальцами размять мою шею.

— Ты в порядке?

— Да. Должно быть, я забавно спала, — я приподнялась на сиденье, пытаюсь не наслаждаться массажем шеи так сильно. Потому что, конечно, он был безумно хорош. Казалось, без особых усилий Мистер Магические Пальчики вернул мои мышцы обратно в некоторое подобие порядка. Я не могла сопротивляться. Невозможно. Так что, вместо этого, я громко застонала и позволила ему делать это со мной.

Моим единственным оправданием было то, что я едва проснулась.

Солнце только что встало. За окном мелькали высокие, темные деревья. Пытаюсь выехать из ЛА, мы попали в такую «пробку», подобную которой девушка из Портленда никогда не видела. Несмотря на все мои лучшие побуждения, мы так толком и не поговорили. Мы остановились, заправились и поели. Остальное время из автомагнитолы играл Джонни Кэш^[9], а я репетировала речь у себя в голове. Ни одно из этих слов не было произнесено. Почему-то я отказывалась прекращать наше приключение и уезжать самостоятельно. Это не имеет ничего общего с тем, что я становлюсь большой девочкой, а все дело в том, как мне стало комфортно с ним. Молчание не было неловким. Оно было спокойным, даже приятным, учитывая драму, случившуюся в предыдущий день. Быть с ним в пути... было в этом некоторое освобождение. Около двух часов ночи я уснула.

— Дэвид, где мы?

Он одарил меня косым взглядом, его рука все еще массировала мои мышцы.

— Ну...

Вздых вырвался наружу.

— Мы направляемся в Монтерей?

— Здесь мой дом, — сказал он. — Перестань напрягаться.

— В Монтерее?

— Ага. Что ты имеешь против Монтерея? Плохо провела время на музыкальном фестивале?

— Нет, — я пошла на попятный, не желая выглядеть неблагодарной. — Просто это сюрприз. Я не осознавала, что мы, эмм... Монтерей. Хорошо.

Дэвид вздохнул и съехал с дороги. Поднялась пыль, полетели камни, со стуком ударяясь о «Джип». (Мал был бы не доволен.) Он повернулся ко мне, положив локоть на верхнюю часть пассажирского сидения, окружая меня.

— Поговори со мной, друг, — произнес он.

Я открыла рот и позволила всему выплеснуться наружу.

— У меня есть план. У меня есть немного отложенных денег. Я собиралась уехать куда-нибудь в тихое местечко на несколько недель, пока все не стихнет. Ты не должен убегать. Мне просто нужно забрать вещи из особняка, и я не буду висеть у тебя на шее.

— Хорошо, — кивнул он. — Ну, мы сейчас здесь, и я хотел бы побыть пару дней в своем

доме. Так почему бы тебе не поехать со мной? Просто как друзья. Это не так уж и сложно. Сегодня пятница, адвокаты сказали, что подготовят и вышлют нам новые бумаги в понедельник. Мы подпишем их. Во вторник вечером у меня выступление и мне нужно вернуться в ЛА. Если хочешь, ты можешь остаться в доме на несколько недель, пока все не успокоится. Звучит как план? Мы проведем выходные вместе, потом пойдем каждый своей дорогой. Вот, со всем разобрались.

Это звучало, как хорошая идея. Тем не менее, на секунду я задумалась. И очевидно, эта секунда затянулась.

— Ты беспокоишься о том, что проведешь выходные со мной или о чем-то другом? Я пугаю тебя? — его взгляд удерживал мой, наши лица были на расстоянии меньше ладони. Темные волосы спадали вокруг его совершенного лица. В какой-то момент, я едва не забыла дышать. Я не двигалась. Не могла. Снаружи мимо нас пронесся мотоцикл, затем снова все погрузилось в тишину.

Был ли он пугающим? Парень просто не имел понятия.

— Нет, — солгала я, усмехнувшись.

Не думаю, что он мне поверил.

— Слушай, я сожалею, что повел себя как придурок в ЛА.

— Дэвид, все хорошо, правда. Та ситуация никого не побеспокоила.

— Скажи мне кое-что, — сказал он низким голосом. — Ты вспомнила, как делала татушку. Что-нибудь еще вернулось к тебе?

Вспоминать мой пьяный беспредел было не тем, что мне бы хотелось делать. Не с ним. И не с кем-либо другим. Я плачу за последствия тем, что моя жизнь перевернута вверх ногами и распространена по всему интернету. Нелепо, учитывая, что в моем прошлом не было ничего даже немного постыдного. Ну, кроме того, что было на заднем сиденье машины родителей Томми.

— Это еще имеет значение? В смысле, разве не поздно разговаривать об этом?

— Вероятно, да, — он убрал руку с сидения и опустил на руль. — Тебе нужно размять ноги или что-нибудь еще?

— Туалет — было бы здорово.

— Без проблем.

Мы выехали обратно на дорогу, и в течение несколько минут было тихо. Он выключил стерео, пока я спала. Сейчас тишина была неловкая, и в этом моя заслуга. Чувство вины первое, что было с утра, и от этого было невыносимо. Оно, возможно, не пройдет и позже днем, но начнем с того, что быть даже без капли кофеина, способного поддержать меня, было невыносимо. Он был любезным со мной, пытался поговорить, а я его заткнула.

— Большая часть ночи все еще в тумане, — сказала я.

Он приподнял пару пальцев от руля и легонько махнул ими. Таков был в итоге его ответ. Я сделала глубокий вздох, набираясь мужества двигаться дальше:

— Я помню, как пила «шоты» в полночь. После этого, смутно. Я помню звук иглы в тату-салоне, наш смех, но на этом все. Я никогда в жизни не теряла память. Это пугает.

— Да, — тихо сказал он.

— Как мы встретились?

Он тяжело выдохнул.

— Уф, мы с компанией людей собирались уходить, чтобы пойти в другой клуб. Одна из девушек не смотрела куда идет и столкнулась с официанткой. Видимо, официантка была

новенькая, и она уронила свой поднос. К счастью, там была только пара пустых пивных бутылок.

— И как я оказалась в этом замешана?

Он бросил на меня взгляд, на мгновение отведя глаза от дороги.

— Некоторые из них начали нести чушь, говоря бедной официантке, что собираются добиться ее увольнения. Ты просто подлетела и разобралась с этими задницами.

— Я?

— О, да, — он облизнул губы, уголки его рта изогнулись. — Сказала им, что они отвратительные, надменные, с завышенной самооценкой засранцы, которые должны смотреть, куда они идут. Ты помогла девушке собрать пивные бутылки, а потом ты отделала моих друзей еще немного. На самом деле, это была чертова классика. Я не помню все, что ты сказала. Под конец ты была довольно креативна в оскорблениях.

— И поэтому я тебе понравилась?

Он закрыл рот и ничего не сказал. Целый огромный мир «ничего». На самом деле, за этим «ничего» может скрываться огромное количество причин, если вложить в него достаточно усилий.

— Что было дальше? — спросила я.

— Подошел охранник, чтобы выгнать тебя. Так как они не стали бы спорить с богатенькими детками.

— Да, полагаю, не стали бы.

— Ты выглядела напуганной, так что я вытащил тебя оттуда.

— Ты оставил своих друзей из-за меня? — я посмотрела на него в изумлении.

Он пожал одним плечом. Словно это ничего не значило.

— Что потом?

— Мы ушли и отправились выпить в другой бар.

— Удивлена, что ты не бросил меня, — скорее ошеломлена.

— Почему бы и нет? — спросил он. — Ты отнеслась ко мне, как к нормальному человеку. Мы просто поболтали о повседневных вещах. Ты не пыталась получить что-то от меня. Ты не действовала, словно я другой гребаный биологический вид. Когда ты смотрела на меня, чувствовалось...

— Что?

Он откашлялся.

— Я не знаю. Не важно.

— Да, ты знаешь. И это важно.

Он застонал.

— Пожалуйста?

— Ради всего святого, — пробормотал он, поерзав в водительском сиденье, как будто испытывая неудобство. — Это было реальным, хорошо? Это было правильным. Я не знаю, как еще объяснить это.

Мгновение я сидела в ошеломляющей тишине.

— Хорошее объяснение.

Вдруг он явно ухмыльнулся:

— Плюс, мне никогда так не предлагали переспать.

— Агааа. Отлично, остановись прямо сейчас, — я прикрыла лицо руками и он засмеялся.

— Расслабься, — сказал он. — Ты была очень милой.

— Милой?

— Милая — это неплохо.

Он заехал автозаправку и остановился рядом с колонкой.

— Посмотри на меня.

Я опустила пальцы.

Дэвид смотрел на меня, на его красивом лице была улыбка.

— Ты сказала, что думаешь, что я симпатичный. И, что было бы замечательно, если бы мы поднялись в твою комнату и занялись сексом, и просто потусовались какое-то время, возможно, я был немного в этом заинтересован.

— Ха. Я все это предлагала, — рассмеялась я.

В моей жизни, вероятно, были более неловкие разговоры. Хотя, сомневаюсь. О, боже мой, мысль обо мне, опробовавшей свою стандартную программу обольщения на Дэвиде. На том, у которого были поклонницы и гламурные модели, бросающиеся на него ежедневно. Если было бы достаточно места под автомобильным сидением, я бы спряталась под ним.

— Что ты сказал?

— Что ты думаешь, я сказал? — не отводя взгляда от меня, он открыл бардачок и вытащил бейсболку. — Похоже, что туалеты в той стороне.

— Это так подавляет. Почему ты тоже не забыл?

Он просто смотрел на меня. Ухмылки давно не стало. В течение долгого времени он удерживал мой взгляд в плену, без улыбки. Воздух в машине, казалось, понизился градусов на пятьдесят.

— Я скоро вернусь, — произнесла я, пальцы возились с ремнем безопасности.

— Конечно.

Мне, наконец, удалось расстегнуть глупый ремень, сердце скакало галопом у меня в груди. К концу разговор получился безумно тяжелым. Он застал меня врасплох. Знать, что он поддержал меня в Лас-Вегасе, что он предпочел меня своим друзьям... это меняло положение дел. И это заставило меня задуматься, что еще мне нужно знать о той ночи.

— Подожди, — он пошарил в коллекции солнцезащитных очков, вытянул пару дизайнерских «авиаторов» и вручил их мне.

— Ты тоже знаменита теперь, помнишь?

— Знаменита моя попа.

Он почти улыбнулся. Он надел бейсболку на голову и положил руку на руль. Его тату с моим именем была там же, во всей красе. Она была розовая по краям, и некоторые буквы были в небольших корочках. Я не была единственной навсегда помеченной.

— Скоро увидимся, — сказал он.

— Точно, — я открыла дверь и медленно выбралась из машины. Нужно избежать любой ценой того, чтобы не споткнуться и не приземлиться на задницу прямо перед ним.

Я справила нужду, затем вымыла руки. Девушка в зеркале туалета смотрела на меня безумными глазами. Я побрызгала водой на лицо, немного поправила волосы. Вот так шутка. Этим приключением я согласилась уничтожить любые попытки сохранить контроль. Я, моя жизнь, все это, казалось, было в состоянии постоянного движения. Это не должно было ощущаться так странно хорошо, как это было.

Когда я вернулась, он стоял возле «Джипа», раздавая автографы нескольким парням, один из них был занят, увлеченно выступая с невидимой гитарой. Дэвид рассмеялся, и

хлопнул его по спине, затем они поговорили еще пару минут. Он был добрый, вежливый. Он стоял и улыбался, болтая с ними, пока не заметил меня, зависшую поблизости.

— Спасибо ребята. Если бы вы могли сохранить это в тайне на несколько дней, я был бы признателен. Мы могли бы передохнуть от суеты.

— Не беспокойтесь, — один из парней повернулся и широко улыбнулся мне: — Поздравляю. В жизни ты симпатичнее, чем на фотографиях.

— Спасибо, — я помахала им рукой, не зная, что еще можно сделать.

Дэвид подмигнул и открыл пассажирскую дверь, чтобы я запрыгнула внутрь.

Другой человек достал телефон и начал делать снимки. Дэвид проигнорировал его и пошел к другой стороне машины. Он молчал, пока мы не выехали на дорогу.

— Это недалеко, — сказал он. — Мы все еще направляемся в Монтерей?

— Конечно.

— Круто.

Услышанный рассказ Дэвида о нашей первой встрече, создал новое впечатление о ситуации. Тот разговор пробудил мое любопытство. Что он в ту ночь в какой-то степени выбрал меня... я прежде не думала, что такое возможно. Я предполагала, что мы оба позволили текиле думать, и как-то попали в эту неприятность вместе. Я ошибалась. В этой истории было гораздо больше... Намного больше. Нежелание Дэвида отвечать на некоторые вопросы заставило меня задуматься.

Я хотела ответов. Но действовать нужно было осторожно.

— Это всегда вот так для тебя? — спросила я. — Быть известным? Люди подходят к тебе все время?

— Эти были хорошими. Безумцы доставляют беспокойства, но ты справишься с этим. Это часть моей работы. Людям нравится музыка, так что...

Ко мне подкралось плохое предчувствие.

— Ты сказал мне той ночью, кто ты, так ведь?

— Да, конечно, я сказал, — он одарил меня колким взглядом, нахмутив брови.

Мое плохое предчувствие ушло, только чтобы быть замещенным на стыд.

— Прости.

— Эв, я хотел, чтобы ты знала во что, черт возьми, ты впутываешься. Ты сказала, что я, в самом деле, нравлюсь тебе, но ты не в восторге от моей группы, — он возился с автомагнитолой с полуулыбкой на лице. Вскоре в колонках тихо заиграла рок-композиция неизвестного мне исполнителя. — Собственно, ты из-за этого чувствовала себя довольно скверно. Ты снова и снова продолжала извиняться. Настаивала на покупке гамбургера и коктейля, чтобы компенсировать это.

— Просто я предпочитаю кантри.

— Поверь мне, я знаю. И прекрати извиняться. Ты вольна любить все, что, черт возьми, ты хочешь.

— Это были хороший бургер и коктейль?

Он пожал одним плечом.

— Это было неплохо.

— Хотела бы я помнить.

Он фыркнул.

— Скорее всего.

Не знаю, что именно на меня нашло. Возможно, я просто хотела посмотреть, смогу ли я

заставить его улыбнуться. Подогнув ногу под себя, я потянула ремень, приподнялась и быстро поцеловала его в щеку. Внезапное нападение. Его кожа под моими губами была теплая и гладкая. Мужчина пах значительно лучше, чем он имел на это право.

— Это еще зачем? — спросил он, искоса поглядывая на меня.

— Это за то, что увез меня из Портленда, а затем из ЛА. За то, что рассказываешь мне с той ночи, — я пожалала плечами, пытаюсь закончить. — Много всего.

Небольшая морщинка появилась над его переносицей. Когда он заговорил, его голос был грубым.

— Верно. Нет проблем.

Его рот оставался закрытым, а рука поднялась к щеке, прикасаясь к тому месту, куда я поцеловала. Хмурое выражение лица, с взглядом, отведенным в сторону, оставалось довольно долго. Из-за этого я задалась вопросом, а не опасается ли Дэвид Феррис меня так же, как и я его. Такая реакция была даже лучше, чем улыбка.

*

Расположенный на краю обрыва, дом из камня и бревен возвышался над деревьями. Место впечатляло на совершенно другом уровне, чем особняк в ЛА. Ниже, океан соответствовал себе, он был захватывающим.

Дэвид выбрался из машины и подошел к дому, взяв с ключами в кармане. Затем открыл входную дверь и остановился, чтобы набрать код в системе безопасности.

— Ты идешь? — прокричал он.

Я задержалась возле машины, осматривая изумительный дом. Он и я наедине. Внутри дома. Хм. Поблизости волны разбивались о скалы. Клянусь, что слышала нарастающий звук оркестрового аккомпанемента где-то неподалеку. Место было бесспорно с атмосферой. И эта атмосфера была строго романтической.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В чем проблема? — Дэвид возвращался ко мне по каменной тропинке.

— Ни в чем... Я просто...

— Хорошо, — он не остановился. Я не знала, что происходит, пока не обнаружила себя висящей вверх тормашками на его плече в хватке пожарного.

— Черт! Дэвид!

— Расслабься.

— Ты меня уронишь!

— Я не уроню тебя. Прекрати извиваться, — сказал он, его рука крепче сжала мои ноги. — Выкажи немножко доверия.

— Что ты делаешь? — я начала колотить руками по джинсам на его заднице.

— Это традиция — перенести невесту через порог.

— Но не так же.

Он похлопал меня по попе, по стороне с его именем:

— Зачем нам сейчас становиться обычными?

— Я думала, мы были просто друзьями.

— Это по-дружески. Ты, вероятно, должна прекратить трогать мою задницу или я пойму тебя неправильно. Особенно, после того поцелуя в машине.

— Я не трогаю твою задницу, — проворчала я и перестала использовать его ягодицы

для опоры. Как будто это я виновата в том, что у меня нет другой альтернативы, кроме как держаться за его крепкую задницу.

— Пожалуйста, ты на мне повсюду. Это отвратительно.

Я против воли засмеялась.

— Ты забросил меня к себе на плечо, идиот. Конечно, я на тебе повсюду.

Мы прошли вверх по ступенькам, затем на широкую деревянную террасу и в дом. Темно-коричневые деревянные полы и не разобранные коробки, много-много коробок. Я не смогла увидеть что-либо еще.

— Это может стать проблемой, — сказал он.

— Что может стать проблемой? — спросила я, все еще в перевернутом положении, волосы закрывали мне обзор.

— Держись, — он осторожно опустил меня и поставил на ноги. Вся кровь отлила от головы, и я зашаталась. Он подхватил меня за локти, удерживая в вертикальном положении.

— Порядок? — спросил он.

— Ага. В чем проблема?

— Я думал, здесь будет больше мебели, — сказал он.

— Ты не был здесь прежде?

— Я был занят.

Кроме коробок, там было еще больше коробок. Они были повсюду. Мы стояли в большом центральном зале с огромным каменным камином, расположенным у дальней стены. При желании в нем можно было бы зажарить корову целиком. Лестница вела на второй этаж и еще на один этаж вниз. Столовая и кухня открытой планировки располагались дальше. Помещение также было от пола до потолка из стекла, с аккуратными рядами бревен или серого камня. Идеальное сочетание старых и новых дизайнерских приемов. Это ошеломляло. Но, казалось, так было со всеми местами, где он жил.

Я задумалась, что он сделал бы с нашей с Лорен крошечной, потрепанной квартирой. Глупая мысль. Как будто он когда-нибудь увидел бы ее.

— По крайней мере, они приобрели холодильник, — он потянул, чтобы открыть, одну из больших из нержавеющей стали дверей. Каждый дюйм пространства внутри был заполнен едой и напитками.

— Превосходно.

— Кто «они»?

— А, люди, которые присматривают за этим домом для меня. Мои друзья. Они раньше заботились о нем для предыдущего владельца. Я позвонил им, попросил их разобрать некоторые вещи для нас, — он вытащил «Корону» и щелкнул крышкой. — Будем здоровы.

Я улыбнулась, смущенная.

— На завтрак?

— Я не спал в течение двух дней. Я хочу пиво, а затем я хочу в кровать. Надеюсь, они подумали приобрести кровать, — с пивом в руке он побрел обратно через зал и вверх по лестнице. Я заинтересованная последовала за ним.

Он открывал одну за другой двери в спальни. Четыре комнаты, все имели свою ванную комнату, потому что крутые, богатые люди явно не могли пользоваться ванной совместно. У последней двери, в конце холла, он остановился и осел с облегчением.

— Спасибо, черт возьми, за это.

Кровать поистине королевских размеров, застеленная чистыми белыми простынями,

ожидала внутри. И еще несколько коробок.

— Что во всех этих коробках? — спросила я. — Они приобрели только одну кровать?

— Иногда в путешествиях я покупаю вещи. Иногда люди дарят мне вещи. В последние несколько лет я отправляю все это сюда. Посмотри, если хочешь. И да, тут только одна кровать, — он сделал еще глоток пива. — Ты думаешь, я печатаю деньги?

Я раздраженно усмехнулась.

— Говорит парень, который заставил «Картье» открыться для того, чтобы я смогла выбрать кольцо.

— Ты вспомнила это? — он улыбнулся.

— Нет, просто предположила, учитывая, что это должно было быть ночное время, — я подошла к стене из окон. Такой удивительный вид.

— Ты попыталась выбрать какую-то дерьмовую маленькую вещь. Я не мог в это поверить, — он уставился на меня, но его взгляд был отстраненный.

— Я швырнула кольцо адвокатам.

Он вздрогнул и посмотрел на свои ботинки.

— Да, я знаю.

— Извини. Они просто сильно разозлили меня.

— Адвокаты, они такие, — он сделал еще глоток пива. — Мал сказал, что ты замахивалась на него с кулаком.

— Я промахнулась.

— Вероятно, к лучшему. Он идиот, но в хорошем смысле.

— Да, он и правда был добр ко мне, — сложив руки на груди, я осмотрела остальную часть его спальни и прошла в ванную. Эта джакузи заставила бы ту, что была у Мала, поморщиться от стыда. Место было роскошным. Снова чувство не принадлежности и не соответствия сильно задевало меня.

— Что-то очень хмурый взгляд, друг, — сказал он.

Я попыталась улыбнуться.

— Я просто все еще пытаюсь осмыслить все это. Я имею в виду, почему ты сделал этот шаг в Вегасе? Потому что ты несчастлив? И, за исключением Мала, окружен идиотами?

— Бл*ть, — он откинул голову назад. — Мы должны продолжать разговаривать о той ночи?

— Я просто пытаюсь понять.

— Нет, — сказал он. — Это произошло не поэтому, окей?

— Тогда почему?

— Мы были в Вегасе, Эв. Такое случается.

Я захлопнула свой рот.

— Я не имею в виду... — он потер лицо руками. — Черт. Послушай, не думай, что единственная причина всего случившегося, это то, что все напились и тусовались. Причина того, почему мы встретились. Я не хочу, чтобы ты так думала.

Я махнула рукой. Это, казалось, единственным правильным ответом.

— Но это то, что я думаю. Это в точности то, что я думаю. Это единственный вариант, который умещается у меня в голове. Когда девушка, такая как я, просыпается замужем за парнем, как ты, что еще она может подумать? Боже, Дэвид, посмотри на себя. Ты красивый, богатый и успешный. Твой брат был прав, в этом нет никакого смысла.

Он повернулся ко мне с напряженным лицом.

— Не делай этого. Не опускай себя вот так.

Я просто вздохнула.

— Я серьезно. Ты ни в коем случае не делала то, что тот или какой-то другой мудака подумали, поняла? Ты не ничтожество.

— Тогда дай мне что-нибудь. Расскажи мне, на что похоже то, что было между нами той ночью.

Он открыл рот, затем внезапно закрыл.

— Нет. Я не хочу вспоминать все это, ты же знаешь, что было то прошло. Я просто не хочу, чтобы ты думала, что вся ночь была каким-то пропитанным алкоголем безумством или чем-то таким, вот и все. Честно говоря, ты даже не казалась пьяной, большую ее часть.

— Дэвид, ты уходишь от ответа. Да ладно тебе. Это не справедливо, что ты помнишь, а я нет.

— Нет, — сказал он, его голос твердый, холодный, таким я его еще не слышала. Он навис надо мной, челюсть сжата. — Это не справедливо, что я помню, а ты нет, Эвелин.

Я не знала что сказать.

— Я уйду, — в подтверждение своих слов, он вылетел за дверь. Тяжелые шаги эхом отдавались по коридору и дальше по лестнице. Я осталась смотреть ему вслед.

*

Я дала ему время остыть, затем последовала за ним на пляж. Утренний свет ослеплял, голубое небо было полностью чистое. Это было великолепно. Соленый морской воздух немного прояснил мои мысли. Слова Дэвида вызывали больше вопросов, чем давали ответов. Разгадка той ночи поглощала мои мысли. Я пришла к двум выводам. Оба меня беспокоили. Первый — то, что ночь в Вегасе была особенной для него. Мое назойливое любопытство или упрощение события расстраивали его. Второй — то, как я подозревала, что он не был мертвецки пьян. Похоже, он точно знал, что он делал. В этом случае, как, черт побери, должно быть, он чувствовал себя на следующее утро? Я собственноручно отвергла его и наш брак. Скорее всего, он глубоко страдал, был унижен.

Для моего поведения были серьезные причины. Однако, я все еще была невероятно безрассудна. Я не знала Дэвида тогда. Но сейчас я начинала узнавать. И чем больше мы общаемся, тем больше он мне нравится.

Дэвид сидел на камнях с пивом в руке, глядя на море. Прохладный океанский ветер отбрасывал его длинные волосы. Ткань футболки натянута на широкой спине. Руками он обхватил колени. От этого он казался моложе, чем был, более уязвимым.

— Привет, — сказала я, садясь на корточки рядом с ним.

— Хей, — с сощуренными от солнца глазами он посмотрел на меня, лицо — защитная маска.

— Извини, что давила на тебя.

Он кивнул, перевел взгляд обратно на воду.

— Все хорошо.

— Я не хотела расстраивать тебя.

— Не беспокойся об этом.

— Мы все еще друзья?

Он раздраженно усмехнулся.

— Конечно.

Я сидела рядом с ним, пытаюсь сообразить, что сказать дальше, чтобы все исправить между нами. На ум ничего не приходило, кроме слов, что мы навестаем Вегас. Мне нужно больше времени с ним. Тиканье часов к бумагам об аннулировании с каждой минутой становилось все громче. Это расстраивало меня, мысль, что наше время сокращалось. То, что скоро все закончится, и я не увижу или не поговорю с ним снова. То, что я не смогу разгадать головоломку, которая была с нами. Моя кожа покрылась мурашками еще больше, чем до этого от ветра.

— Дерьмо. Ты замерзла, — произнес он, обнимая меня рукой за плечи и притягивая ближе.

И я с радостью прильнула.

— Спасибо.

Он поставил бутылку пива, обхватывая меня обеими руками.

— Надо отвести тебя внутрь.

— Давай еще немного посидим, — нервно потерла большими пальцами остальные. — Спасибо, что привез меня сюда. Это прекрасное место.

— Мм.

— Дэвид, серьезно, мне так жаль.

— Эй, — он положил палец под мой подбородок, приподнимая его. Гнев и боль ушли, уступив место доброте. Он слегка пожал плечами. — Давай просто отпустим это.

От этой идеи я запаниковала по-настоящему. Я не хотела отпускать его. Понимание этого было поразительным. Я уставилась на него, позволяя этому осесть.

— Я не хочу.

Он моргнул

— Хорошо. Ты хочешь навестать это со мной?

Я сомневалась, что мы говорим об одном и том же, но все равно кивнула.

— У меня есть идея.

— Выкладывай.

— Твою память могут пробудить разные вещи, верно?

— Думаю, да, — произнесла я.

Так что, если я тебя поцелую, ты, может быть, вспомнишь, как мы были вместе.

Я перестала дышать.

— Ты хочешь поцеловать меня?

— Ты не хочешь, чтобы я поцеловал тебя?

— Нет, — быстро сказала я. — Все в порядке с твоими поцелуями.

Он подавил улыбку.

— Очень мило с твоей стороны.

— И этот поцелуй будет в целях научного эксперимента?

— Ага. Ты хочешь знать, что произошло той ночью, а я и правда не хочу говорить об этом. Так что, я полагаю, как ни крути, но лучше всего, если ты сможешь вспомнить что-то самостоятельно.

— Это имеет смысл.

— Отлично.

— Как далеко мы зашли той ночью?

Его взгляд опустился на вырез моей майки и окружности груди.

— Вторая база.

— Футболки?

— Сняты. Мы оба были топлесс. Объятия топлесс самые лучшие, — он смотрел, как я впитываю информацию, его лицо так близко к моему.

— Лифчик?

— Конечно же, нет.

— О, — я, тяжело дыша, облизала губы. — Итак, ты действительно думаешь, что нам следовало бы это сделать?

— Ты слишком много думаешь.

— Извини.

— И перестань извиняться.

Мой рот открылся, что бы повторить извинение, но я быстро его закрыла.

— Все хорошо. Ты освоишься с этим.

Мой мозг споткнулся, и я уставилась на его рот. У него был очень красивый рот, с полными губами, которые вытягивались немного по краям. Потрясающе.

— Скажи мне, о чем ты думаешь, — сказал он.

— Ты сказал мне не думать. И, если честно, я и не думаю.

— Хорошо, — сказал он, наклоняясь еще ближе. — Это хорошо.

Его губы задели мои, успокаивая меня. Мягкие, но решительные, не сомневающиеся. Зубами он поиграл с моей нижней губой, затем пососал ее. Он целовался не так, как парни, которых я знаю, хотя, я не могла точно определить разницу. Это просто было лучше и... больше. Бесконечно больше. Его рот прижимался к моим губам, язык проскользнул в мой рот, потерся об мой язык. Боже, у него приятный вкус. Мои пальцы скользнули в его волосы, как будто они всегда этого хотели. Он целовал меня, пока я не смогла вспомнить ничего, что произошло раньше. Ничего из этого не имело значения.

Его рука плавно скользнула вокруг задней части моей шеи, удерживая меня на месте. Поцелуй все продолжался. Он воспламенил меня с ног до головы. Я никогда не хотела, чтобы это закончилось.

Он целовал меня, пока моя голова не закружилась, а я держалась изо всех сил. Затем он отступил, задыхаясь, и снова прижал свой лоб к моему.

— Почему ты остановился? — спросила я, когда смогла сформировать связное предложение. Мои руки притягивали его, пытаюсь вернуть его к моим губам.

— Ш-ш. Расслабься, — он сделал глубокий вдох. — Вспомнила что-нибудь? Что-нибудь из всего этого тебе знакомо?

Мой одурманенный поцелуем мозг полностью вернулся. Проклятие.

— Нет. Я так не думаю.

— Жаль, — между его бровей образовалась складка. Синяки под его прекрасными голубыми глазами, казалось, еще больше потемнели. Я разочаровала его снова. Я впала в отчаяние.

— Ты выглядишь усталым, — сказала я.

— Да. Возможно, время немного поспать? — он запечатлел небольшой поцелуй у меня на лбу. Это был дружеский поцелуй или больше? Я не могла сказать. Может, это тоже было просто в научных целях.

— Мы попытались, да? — сказал он.

— Ага. Мы попытались.

Он поднялся на ноги, забрал свою пивную бутылку. Без него, согревающего меня, бриз дул прямо сквозь меня, сотрясая тело. Это был поцелуй, который действительно потряс меня. Он взбудоражил мой никогда не влюблявшийся разум. Подумать только, у меня была ночь таких поцелуев, и я забыла это. Мне необходима пересадка мозга при первой же возможности.

— Не возражаешь, если я пойду с тобой? — спросила я.

— Вовсе нет, — он подал мне руку, чтобы помочь подняться на ноги.

Вместе мы побрели обратно к дому, вверх по лестнице в хозяйскую спальню. Я сняла обувь, пока Дэвид тоже разувался. Мы легли на матрас, не касаясь друг друга. Оба уставились на потолок, словно там могли быть ответы.

Я молчала. В течение целой минуты. Мой мозг бодрствовал и болтал со мной.

— Думаю, что теперь я немного лучше понимаю, почему мы в итоге поженились.

— Понимаешь? — он повернул голову, чтобы посмотреть в мое лицо.

— Да, — меня никогда так раньше не целовали. — Понимаю.

— Иди сюда, — сильная рука обхватила меня за талию, перетаскивая меня на середину кровати.

— Дэвид, — я потянулась к нему с робкой улыбкой. Я была более чем готова к большему количеству поцелуев. К большему от него.

— Ложись на бок, — сказал он, его руки передвигали меня, пока он не разместился позади. Одна рука скользнула под шею, а другая — поверх талии, притягивая меня ближе к нему. Его бедра идеально подходили к моей заднице.

— Что мы делаем? — спросила я, сбитая с толку.

— Ложимся в позицию «ложки». Мы той ночью недолго так полежали. Пока ты не почувствовала себя плохо.

— Мы лежали в позе «ложки»?

— Ага, — сказал он. — Стадия вторая в процессе восстановления твоей памяти, поза «ложки». А теперь спи.

— Я только час назад проснулась.

Он уткнулся лицом в мои волосы и даже забросил на меня ногу, прижав к кровати.

— Не везет. Я устал и хочу позу «ложки». С тобой. И, насколько я помню, ты должна мне. Так что мы лежим в этой позиции.

— Ладно.

Его дыхание согревало мою шею, посылая мурашки по моей спине.

— Расслабься. Ты так напряжена, — его руки сжались вокруг меня.

Через мгновение я подняла его левую руку, пробежала кончиками пальцев по его мозолям. Используя его как игрушку для снятия стресса. Кончики его пальцев были твердыми. Внизу большого пальца также была неровность, и еще одна небольшая в нижней части его пальцев там, где они соединяются с ладонью. Он явно проводил много времени с гитарой в руках. На обратной стороне его пальцев было выбито слово FREE (англ. свободная – прим.пер.). На его правой руке слово LIVE (англ. жизнь – прим.пер.). Я не могла не задаться вопросом, что если брак посягнет на его свободу. Волны в японском стиле и извивающийся дракон покрывали его руку, цвета и детали впечатляли.

— Расскажи мне о своей специализации, — сказал он. — Ты занимаешься архитектурой, верно?

— Да, — ответила я, немного удивленная. Очевидно, я рассказала ему об этом в Вегасе.

— Как мой отец.

Он сцепил свои пальцы с моими, положив конец моему беспокойству.

— Ты всегда хотел играть на гитаре? — спросила я, стараясь не сильно отвлекаться на то, как он обернут вокруг меня.

— Да. Музыка — это единственное, что когда-либо имело для меня значение. Не могу представить, чтобы заниматься чем-то еще.

— Да, — это должно быть хорошо, быть чем-то настолько увлеченным. Мне нравилась идея стать архитектором. Большинство из моих детских игр включали строительные блоки или рисование. Но я точно не испытывала необходимости заниматься этим. — У меня практически нет музыкального слуха.

— Это многое объясняет, — он тихонько засмеялся.

— Будь скромнее. Я также никогда не была хороша в спорте. Мне нравится рисовать, читать и смотреть фильмы. И я люблю путешествовать, но это не то, что я делаю часто.

— Да?

— Хм.

Он чуть подвинулся позади меня, устраиваясь удобнее.

— Когда я путешествую, то это всегда из-за концертов. Не остается достаточно времени, чтобы посмотреть окрестности.

— Жаль.

— И иногда такой «геморрой» с тем, что тебя могут узнать. Периодически это неприятно. На нас порядочно давят, и не всегда я могу делать то, что хочу. По правде говоря, отчасти я готов замедлить ход, проводить больше времени дома.

Я ничего не ответила, снова прокручивая его слова у себя в голове.

— Группа через какое-то время состарится. Повсюду люди, все проклятое время.

— Не сомневаюсь, — и все же там, в ЛА на нем все еще висела поклонница, воркуя при каждом его слове. Очевидно, части его образа жизни по-прежнему привлекали. Части, в которых я не уверена, что смогла бы конкурировать, даже если бы захотела. — Ты не будешь по этому скучать?

— Честно говоря, я все это делал так чертовски долго, что не знаю.

— Ну, у тебя есть великолепный дом, чтобы жить здесь.

— Хм, — на мгновение он затих. — Эв?

— Да?

— Стать архитектором было твоей идеей или твоего отца?

— Я не помню, — призналась я. — Мы всегда говорили об этом. Мой брат никогда не был заинтересован в перекладывании ответственности на себя. Он всегда дрался и прогуливал уроки.

— Ты говорила, у тебя тоже были трудные времена в старшей школе.

— Разве не у всех они были? — я изогнулась, переворачиваясь так, чтобы мне было видно его лицо. — Я обычно не говорю об этом с другими людьми.

— Мы разговаривали об этом. Ты говорила, что тебя дразнили из-за твоих габаритов. Я сообразил, что ты поэтому так отделала моих друзей. Факт, что они запугивали ту девушку, как стая гребаных школьников.

— Думаю, так и было, — поддразнивание не было темой, которую мне нравилось поднимать. Слишком легко возвращались все дерьмовые чувства, связанные с этим. Однако руки Дэвида не позволяли чему-нибудь из этого проскользнуть. — Большинство учителей

просто игнорировали это. Как будто это были дополнительные хлопоты, которые им были не нужны. Но там была одна учительница, мисс Холл. Она всегда заступалась, когда они издевались надо мной или кем-то еще. Она была замечательной.

— Звучит классно. Но на самом деле ты не ответила на мой вопрос. Ты хочешь стать архитектором?

— Ну, это то, что я всегда планировала сделать. И я, эх, мне нравится идея заниматься дизайном чьего-то дома. Не знаю, мое ли это призвание стать архитектором, как музыка для тебя, но я думаю, что смогу это делать хорошо.

— Я не сомневаюсь в этом, детка, — сказал он мягким, но четким голосом.

Я попыталась не позволить проявлению нежности превратить меня в мокрый беспорядок на матрасе. Нежность была ключом. Я сделала больно ему в Вегасе. Если я серьезно относилась к этому, желая, что бы он дал нам еще один шанс, мне нужно быть осторожной. Создать ему хорошие воспоминания, чтобы заменить плохие. Воспоминания, которые мы смогли бы разделить на этот раз вместе.

— Эв, это то, что ты хочешь сделать со своей жизнью?

Я остановилась. У меня уже были стандартные ответы, нужна была дополнительная мысль. План существовал так долго, что я не подвергала его сомнению. Он был безопасным и комфортным. Но Дэвид хотел большего, и я хотела бы дать ему это. Может быть, поэтому я проболталась ему об этом секрете в Вегасе. Что-то в этом мужчине привлекало меня, и я не хотела бороться с этим.

— Честно, я не уверена.

— Это нормально, ты знаешь, — его взгляд не отрывался от моего. — Тебе только двадцать один.

— Но я обязана быть взрослой сейчас, принять ответственность за саму себя. Я должна знать такие вещи.

— Ты ведь несколько лет живешь со своей подругой? Оплачиваешь собственные счета, учишься и все такое?

— Да.

— В таком случае разве ты не берешь на себя ответственность? — он заправил длинные темные волосы за ухо, убирая их от лица. — Так начни работать архитектором и посмотри, как пойдет.

— У тебя это звучит так просто.

— Это так. Ты либо придержишься этого, либо пробуешь что-то еще, смотришь, как это подходит тебе. Это твоя жизнь. Твой выбор.

— Ты играешь только на гитаре? — спросила я, желая узнать о нем больше. Желая увести тему разговора от меня. Узел напряжения, появившийся во мне, не был приятным.

— Нет, — уголки губ приподнялись в улыбке. Он точно знал, почему я спросила. — Бас-гитара и ударные тоже. Конечно.

— Конечно?

— Любой, кто сносно играет на гитаре, может сыграть и на бас-гитаре, если включит мозг. И любой, кто может удержать две палочки одновременно, может сыграть на ударных. Не забудь рассказать Малу, что я это сказал, когда в следующий раз увидишь его, ладно? Ему понравится.

— Можешь быть в этом уверен.

— И я пою.

— Ты поешь? — спросила я взволнованно. — Споешь что-нибудь для меня? Пожалуйста?

Он издал неопределенный звук.

— Ты пел мне той ночью?

Он улыбнулся немного огорченно.

— Да, пел.

— Тогда это вероятно вернет мне память.

— Ты собираешься сейчас это применить? Каждый раз, когда ты чего-то захочешь, ты будешь бросать этим в меня.

— Эй, это ты начал. Ты захотел поцеловать меня из научного интереса.

— Это и было из научного интереса. Поцелуй между друзьями по причинам чистой логики.

— Это был очень дружеский поцелуй, Дэвид.

Ленивая улыбка осветила его лицо.

— Да, был.

— Пожалуйста, спой мне что-нибудь?

— Ладно, — сказал он раздраженно. — Поворачивайся. Тогда мы были в позиции «ложки».

Я устроилась, отодвинувшись к нему, и он переместился поближе. Это так замечательно быть у Дэвида «игрушкой для объятий». Я и представить не могла ничего лучше. Жаль, что он придерживался научного объяснения. Не то, чтобы я обвиняла его. На его месте я бы относилась к себе с осторожностью.

Меня захлестнул его глубокий, грубый в самом лучшем смысле этого слова голос, когда он запел балладу:

*«У меня то чувство, что приходит и уходит
Десять сломанных пальцев и сломанный нос
Темные воды так холодны
Знаю, я сделаю это дома
Это полное сожаления солнце выжгло все небо
Оно вне пределов досягаемости и очень высоко
Ее ложе было из камня
Я знаю, что сломяу ее власть
Эти сломанные кости не удержат меня
Мои стоптанные туфли, им уже хватит
Эти дымовые трубы сожгут их дотла
Этот океан позволит им утонуть».*

Когда он закончил, я притихла. Он сжал меня, вероятно, проверяя жива ли я. Я сжала его руку в ответ, не оборачиваясь, чтобы он не увидел слезы в моих глазах. Сочетание его голоса и тоскливой баллады погубило меня. Я всегда устраивала беспорядок вокруг него, плакала или меня тошнило. Почему он хотел иметь что-то общее со мной, я не имела понятия.

— Спасибо тебе, — сказала я.

— В любое время.

Я лежала, пытаюсь разгадать стихи. Что они могли значить, почему он выбрал именно эту песню, чтобы спеть мне.

— Как она называется?

— «Тоскующий по дому». Я написал ее для последнего альбома, — он приподнял одну бровь и наклонился посмотреть мне в лицо. — Дерьмо, я заставил тебя грустить. Мне жаль.

— Нет. Это было красиво. У тебя изумительный голос.

Он нахмурился, но снова лег, прижавшись грудью к моей спине.

— В следующий раз я спою тебе что-нибудь радостное.

— Если захочешь, — я прижалась губами к тыльной стороне его ладони, пересеканной венами, покрытой темными волосками. — Дэвид?

— Хм?

— Почему ты не поешь в группе? У тебя такой великолепный голос.

— Я на бэк-вокале. Джимми любит быть в центре внимания. Это всегда была больше его склонность, — его пальцы переплелись с моими. — Он не все время был таким мудаком, как сейчас. Мне очень жаль, что он донимал тебя в ЛА. Я мог бы убить его за то, что он сказал то дерьмо.

— Все в порядке.

— Нет, это не так. Он был пьян. Он не имел понятия, о чем говорил, — его большой палец беспокойно двигался по моей руке. — Ты прекрасна. Тебе не нужно ничего менять.

Сначала я не знала, что сказать. Джимми говорил ужасные вещи, и они останутся со мной. Забавно, что со всем дрянным обычно так и бывает.

— Меня рвало и, к тому же, я кричала на тебя. Ты точно уверен в этом? — я наконец-то пошутила.

— Да, — сказал он просто. — Мне нравится, что ты такая, какая есть, высказываешь все, что крутится у тебя в голове. Не пытаешься играть со мной или использовать меня. Ты просто... со мной. Ты мне нравишься.

Мгновение я просто безмолвно лежала, захваченная врасплох.

— Спасибо тебе.

— Всегда, пожалуйста. В любое время, Эвелин. В абсолютно любое время.

— Ты мне тоже нравишься.

Его губы коснулись шеи. У меня по коже побежали мурашки.

— Нравлюсь?

— Да. Очень сильно.

— Спасибо, малышка.

Потребовалось много времени, чтобы его дыхание выровнялось. Его конечности отяжелели, и он успокоился, уснув за моей спиной. Мои ноги покалывало от онемения, но это не имело значения. Я не спала ни с кем прежде, кроме случайного платонического раздела кровати с Лорен. Судя по всему, сон — это все, что я буду делать сегодня.

Честно говоря, так хорошо лежать с ним рядом.

Так правильно.

Глава 8

— Привет, — Дэвид спустился по лестнице через семь часов, с обернутым на талии полотенцем. Его мокрые волосы были приглажены, а татуировки выставлены полностью на показ, подчеркивая его стройный торс и мускулистые руки. Слишком много кожи на виду. Это мужчина был визуальным наслаждением. Я сделала сознательное усилие, чтобы сдержать язык за зубами. Удержаться от приветливой улыбки на лице было вне моих возможностей. Я планировала вести себя спокойно, чтобы не испугать его. Этот план провалился.

— Что делаешь? — спросил он.

— Ничего особенного. Это доставили для тебя, — я указала на пакеты и коробки, ожидающие у двери. Весь день я размышляла над нашей проблемой. Единственное, что я придумала — это то, что я не хочу, чтобы наше время закончилось. Я не хотела подписывать бумаги об аннулировании. Пока нет. От этой мысли меня снова начинало тошнить. Я хотела Дэвида. Я хотела быть с ним. Мне нужен новый план.

Подушечкой большого пальца я потеряла нижнюю губу, туда и обратно, туда и обратно. Ранее я ходила на длительную прогулку по пляжу, наблюдала, как волны разбиваются о берег, и оживляла в памяти тот поцелуй. Снова и снова, я проигрывала его в своей памяти. То же самое и с нашими разговорами. На самом деле, я собирала каждый момент нашего совместно проведенного времени, исследуя каждый нюанс. Каждый момент, который я смогла вспомнить, во всяком случае, я чертовски сильно пыталась вспомнить все.

— Доставка? — он присел рядом с ближайшим свертком и начал рвать упаковку. Я отвела взгляд, прежде чем краешком глаза взглянуть на его полотенце, несмотря на то, что было дико любопытно.

— Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим телефоном? — спросила я.

— Эв, тебе не нужно спрашивать. Бери что угодно.

— Спасибо, — Лорен и мои родители, вероятно, сходили с ума, гадая, что же случилось. Пришло время мужественно встретиться с последствиями фотографии моей попы. Я застонала внутри себя.

— Этот для тебя, — он подал мне толстый сверток, обернутый бумагой и перевязанный лентой, следом бумажный пакет с брендом, напечатанным сбоку, о котором я никогда не слышала. — И этот, на мой взгляд, тоже.

— Это?

— Да, я попросил Марту заказать для нас кое-какие вещи.

— Ох.

— Ох? Нет, — Дэвид покачал головой. Затем он встал на колени передо мной и сорвал коричневую бумагу со свертка в моих руках. — Никакого «ох». Нам нужна одежда. Все очень просто.

— Очень любезно с твоей стороны, Дэвид, но я в порядке.

Он не слушал. Вместо этого, он достал красное платье, такое же, едва прикрывающее бедра, как и у тех девушек из особняка.

— Что за черт? Ты это не оденешь, — дизайнерское платье полетело в сторону, а он полез в бумажный пакет у моих ног.

— Дэвид, ты не можешь просто выбросить его.

— Конечно, могу. Вот, это немного лучше.

Черная майка без рукавов упала мне на колени. По крайней мере, она была нужного размера. Короткое красное платье было абсурдом четвертого размера^[10]. Не исключено, что оно подразумевало неприязнь Марты по поводу моего возвращения в ЛА. Не важно.

На майке висела этикетка. Цена. Вот дерьмо. Они не серьезно.

— Ого, я могла бы неделями платить аренду с этого топа.

Вместо ответа он мне бросил черные обтягивающие джинсы.

— Вот, они тоже нормальные.

Я отложила джинсы в сторону.

— Эта обычная хлопковая майка. Как она может стоить двести долларов?

— Что ты думаешь об этом? — длинная шелковистая зеленая ткань свисала с его руки.

— Мило, да?

— Они прошивают швы нитью из золота? Так?

— О чем ты говоришь? — он поднял голубое платье, поворачивая его так и этак. — Черт, нет, это с открытой спиной. Вероятно, в этом будет видно верхнюю часть попы, — оно присоединилось к красному платью на полу. Мои руки чесались, чтобы спасти их, сложить их аккуратно. Но Дэвид просто разорвал следующую упаковку. — Что ты сказала?

— Я говорила о цене этого топа.

— Черт, нет. Мы не будем говорить о цене этой майки, потому что мы не говорим о деньгах. Это спорный вопрос для тебя, и я не собираюсь это обсуждать, — джинсовая микро-мини-юбка была следующей. — О чем, черт возьми, думала Марта, заказывая тебе такие вещи?

— Ну, честно говоря, это обычное дело, что на тебе висят девушки, одетые в бикини. Для сравнения, платье с открытой спиной еще вполне приличное.

— Ты другая. Ты мой друг, так?

— Да, — я не совсем поверила звуку своего голоса.

Его лоб брезгливо поморщился.

— Черт побери. Посмотри на длину этого. Я даже не могу сказать, должно ли это быть юбкой или гребаным поясом.

Смех вырвался из меня, и он послал мне страдальческий взгляд, большие голубые щенячьи глаза были чрезвычайно печальными и недовольными. Очевидно, я ранила его сердце.

— Извини, — сказала я. — Но ты говоришь, как мой папа.

Он затолкал микро-мини-юбку обратно в пакет. Она, хотя бы, не оказалась на полу.

— Да? Мне следует познакомиться с твоим отцом. Думаю, мы хорошо поладим.

— Ты хочешь познакомиться с моим папой?

— Зависит от того, будет ли он при виде меня стрелять?

— Нет, — наверное, нет.

Он просто кинул на меня пытливый взгляд и зарылся в следующей коробке.

— Так-то лучше. Вот.

Затем передал мне пару сдержанных футболок, черную и голубую.

— Не думала, что ты будешь выбирать для меня одежду монашки, друг, — сказала я, ошеломленная его поведением. — Отчасти, это лицемерно.

— Это не одежда монашки. Просто она прикрывает самое основное. Я прошу слишком много? — следующий, наполненный до отказа, пакет был передан мне целиком.

— Вот.

— Ты признаешь, что, тем не менее, это немного лицемерно?

— Ничего не признаю. Адриан научил меня этому давным-давно. Загляни в пакет.

Я так и сделала, а он расхохотался, очевидно, у меня было смешное выражение лица.

— Что это? — спросила я, ощущая, что мои глаза открываются от удивления все шире. Это, вероятно, были бы трусики «танга», если бы производители добавили к ним чуть больше ткани.

— Я одеваю тебя, как монашку.

— «Ла Перла», — прочитала я на этикетке, затем перевернула ее, чтобы посмотреть цену.

— Дерьмо. Не смотри на цену, пожалуйста, Эв, — Дэвид прыгнул на меня, а я отклонилась назад, пытаюсь разобрать цифры на безумно качающейся этикетке, которая по размеру была больше, чем клочок кружева. Его большая рука сомкнулась над моей, захватывая трусики. — Не надо. Ради всего святого.

Мой затылок ударился о край ступеньки, и я поморщилась от боли, мои глаза наполнились слезами.

— Ой.

— Ты в порядке? — его тело растянулось над моим. Рукой он бережно потер мой затылок.

— Хм, да, — запах его мыла и шампуня был чистым блаженством. Господи, помоги мне. Но там было что-то еще. Его парфюм. Он не был тяжелым. Просто легкий аромат специй. Было в нем что-то очень знакомое.

Этикетка висела перед моим лицом, при этом незамедлительно приведя меня в смятение.

— Триста долларов?

— Это того стоит.

— Святое дерьмо. Нет, не стоит.

Он повесил трусики на кончик пальца с сумасшедшей, наглой улыбкой на лице.

— Поверь мне. За такое я бы заплатил в десять раз больше. Без вопросов.

— Дэвид, я могла бы купить точно такую же вещь менее чем за десятую часть этой цены в нормальном магазине. Это неразумно.

— Нет, не смогла бы, — он перенес свой вес на локоть, опираясь на ступеньку рядом с моей головой, и начал читать этикетку. — Видишь, это тончайшее кружево сделано вручную местными мастерами в небольшом регионе северной Италии, который славится такой искусной работой.

— Да, полагаю, не смогла бы.

Он издал преисполненный самодовольства мурлыкающий звук и посмотрел на меня нежным, затуманенным взглядом. Затем его улыбка поблекла. Он отстранился и скомкал трусики в руке.

— Забей.

— Подожди, — мои пальцы обвилились вокруг его бицепсов, удерживая его на месте.

— Что такое? — спросил он, его голос натянутый.

— Просто дай мне... — я подняла лицо к его шее. Там аромат был сильнее. Вдохнула его глубже, позволяя себе насладиться его запахом. Я закрыла глаза и вспомнила.

— Эвелин? — мышцы на его руках дернулись и напряглись. — Я не уверен, что это

хорошая идея.

— Мы плыли на гондоле в «Венецианце»^[11]. Ты сказал, что не умеешь плавать, и что я должна спасти тебя, если мы перевернемся.

Его кадык дернулся.

— Да.

— Ты меня напугал.

— Я знаю. Ты повисла на мне так крепко, что я едва мог дышать.

Я отстранилась, чтобы видеть его лицо.

— Почему ты думаешь, мы так оставались в ней так долго? — спросил он. — Ты практически сидела у меня на коленях.

— Ты умеешь плавать?

Он негромко рассмеялся:

— Конечно, я умею плавать. Не думаю, что там было так уж глубоко.

— Так это все было уловкой. Ты хитрец, Дэвид Феррис.

— И ты забавная, Эвелин Томас, — его лицо расслабилось, глаза снова смягчились. —

Ты что-то вспоминаешь.

— Да.

— Это замечательно. Еще что-нибудь?

Я печально улыбнулась:

— Нет, извини.

Разочарованный он отвернулся, думаю, он старался этого не показывать.

— Дэвид?

— Мм?

Я наклонилась, чтобы прижаться губами к его губам, желая поцеловать его, нуждаясь в этом. Он снова отпрянул. Мои надежды скрылись из виду.

— Извини. Мне жаль.

— Эв, что ты делаешь?

— Целую тебя?

Он ничего не ответил. Он отвернулся, сжав челюсть.

— Ты имеешь право целовать меня, обнимать меня и покупать мне безумно дорогое белье, а я не могу тебя поцеловать? — Мои руки соскользнули вниз к его, и он удержал их. По крайней мере, он не отталкивает меня совсем.

— Почему ты хочешь поцеловать меня? — спросил он суровым голосом.

Мгновенье я изучала наши переплетенные пальцы, приводя мысли в порядок.

— Дэвид, может быть, я так и не вспомню все о той ночи в Лас-Вегасе. Но я подумала, что мы, возможно, смогли бы создать какие-то новые воспоминания об этих выходных. Что-то, что мы оба могли бы разделить.

— Только эти выходные?

Мое сердце подскочило к горлу.

— Нет. Я не знаю. Просто... такое ощущение, что там между нами было что-то большее.

— Больше чем друзья? — он смотрел на меня глазами полными решимости.

— Да, ты мне нравишься. Ты добрый и милый, и красивый, и с тобой легко общаться.

Когда мы не спорим о Вегасе. Такое чувство, как будто...

— Что?

— Как будто этот уик-энд второй шанс. Не хочу позволить этому ускользнуть. Думаю, я

сожалела бы об этом долгое время.

Он кивнул и поднял голову:

— Так что, это твой план? Просто поцеловать меня, и посмотреть что произойдет?

— Мой план?

— Я знаю о тебе и твоих планах. Ты мне все рассказала о том, насколько ты дотошная.

— Я тебе это рассказала? — я была идиоткой.

— Да. Ты сделала это. Главным образом ты рассказала мне о большом плане, — он окинул меня сверху вниз напряженным взглядом. — Ты знаешь... закончить колледж, затем провести три-пять лет в среднего уровня фирме адаптируясь, прежде чем перейти в ряды какой-нибудь более престижной, и к тридцати пяти начать свой собственный небольшой консалтинговый бизнес. Затем, возможно, придет время для отношений и тех раздражающих неуместных детей.

Внезапно мое горло стало пустыней.

— Я была по-настоящему болтливой в ту ночь.

— Мм. Но вот что было интересно так это то, что ты не говорила о плане, как о чем-то хорошем. Ты говорила о нем, словно это клетка, а ты громко стучишь по решетке.

У меня ничего не было.

— Ну же, давай, — приглушенно сказал он, поддразнивая меня. — Какой тут план, Эв? Как ты собираешься убедить меня?

— О, ну я, гм... думаю, я собиралась соблазнить тебя. И посмотреть, что произойдет. Да...

— Как? Выражая недовольство из-за того, что я покупаю тебе вещи?

— Нет. Это было дополнительным бонусом. Обращайся.

Он облизал губы, но я увидела улыбку.

— Ладно. Давай, покажи мне свои методы.

— Мои методы?

— Твои методы соблазнения. Давай, не трать время, — я заколебалась, и он нетерпеливо щелкнул языком. — На мне только полотенце, малышка. Разве это может быть сложным?

— Прекрасно, прекрасно... — я крепко удерживала его пальцы, отказываясь отпустить. — Итак, Дэвид?

— Да, Эвелин?

— Я подумывала...

— Хм?

Я так безнадежно отстаю от его уровня. Я дала ему единственное, что смогла придумать. У этого единственного, насколько я знала, был послужной список.

— Я считаю, что ты на самом деле милый парень и хотела узнать, может быть, ты бы поднялся в мою комнату и занялся со мной сексом и, возможно, потусовался там какое-то время. Вероятно, тебя бы это заинтересовало...

Его глаза потемнели, обвиняющие и несчастные. Он снова начал отступать.

— Теперь ты шутишь.

— Нет, — я перенесла руку на его затылок, под влажные волосы, пытаюсь вернуть его ко мне. — Нет, я очень, очень серьезна.

Он уставился на меня с напряженной челюстью.

— Ты спросил меня этим утром в машине, пугаешь ли ты меня. Я ответила «да». Ты до

смерти пугаешь меня. Я не знаю, что я здесь делаю. Но мне ненавистна мысль о том, чтобы уехать от тебя.

Его взгляд изучал мое лицо, но он все равно молчал. Он собирался от меня отвернуться. Я знала это. Я просила слишком многого, очень далеко его оттолкнув. Он уходил от меня, и кто после всего мог его винить?

— Все в порядке, — сказала я, подбирая с пола то, что осталось от моей гордости.

— Эх, черт, — вздохнул он. — Ты отчасти тоже меня пугаешь.

— Я?

— Да, ты. И убери эту улыбку со своего лица.

— Прости.

Он повернул голову и поцеловал меня, его губы твердые и такие приятные. Мои глаза закрылись, а рот приоткрылся. Его вкус завладел мной. Мята его зубной пасты, и его язык, скользящий к моему. Все это за пределами совершенства. Он прижал меня спиной к ступенькам. Новый ушиб на затылке пульсировал в знак протеста, когда я ударилась еще раз. Я вздрогнула, но не остановилась. Дэвид обхватил мой затылок, защищая от дальнейших повреждений.

Вес его тела удерживал меня на месте, не то чтобы я пыталась сбежать. Края ступенек давили на спину, но это беспокоило меньше всего. Я бы с радостью лежала там часами с ним надо мной, теплый аромат его кожи возбуждал меня. Его бедра держали мои ноги широко разведенными. Если бы не мои джинсы и его полотенце, ситуация стала бы интересной быстрее. Боже, тогда я ненавидела хлопок.

Мы ни разу не прервали поцелуй. Ногами я обхватила его талию, а руками обняла его за плечи. Никогда не чувствовала себя так хорошо. Мое желание быть с ним возросло и воспламенилось, распространяясь прямо сквозь меня. Мои ноги сжались вокруг него, мышцы горели. Я не могла подобраться достаточно близко. Поговорим о том, что расстраивает. Его рот двигался по моей челюсти и ниже по шее, разжигая меня изнутри. Он покусывал и лизал, находя чувствительные места под моим ухом и на изгибе моей шеи. Места, о которых я не знала. Мужчина — волшебник. Он знал вещи, которые я не знала. Где он научился своим трюкам, не имело значения. Не прямо сейчас.

— Встаем, — сказал он неровным голосом. Он медленно встал, одна рука под моей попой, а другая все еще защищает мою голову.

— Дэвид, — я подтянулась, чтобы укрепить хват на его спине.

— Эй, — он отстранился посмотреть в мои глаза. Его зрачки были огромными, почти полностью поглотившими небесно-голубую радужку. — Я не планирую ронять тебя. Этого никогда не будет.

Я сделала глубокий вдох.

— Хорошо.

— Ты доверяешь мне?

— Да.

— Хорошо, — его рука скользнула вниз по моей спине. — Теперь обними меня за шею.

И я, и мой баланс сразу же почувствовали себя лучше. Обе руки Дэвида держали мой зад, а я крепко сцепила свои ноги за его спиной. На его лице не появилось никаких признаков боли или неизбежного падения назад. Пожалуй, он был достаточно сильным, чтобы нести меня на себе.

— Вот так, — он улыбнулся и поцеловал мой подбородок. — Все хорошо?

Я кивнула, не доверяя себе высказываться.

— Кровать?

— Да.

Он усмехнулся так, будто делал что-то плохое для меня.

— Поцелуй меня, — сказал он.

Я так и сделала, без колебаний, приблизила свой рот к его. Скользнула языком между его губ и снова в нем затерялась. Он застонал, крепко удерживая меня руками.

Каково было, когда дверной звонок в дверь издал низкий, печальный звук, который отдался эхом в моем сердце, и паху.

— Нееет.

— Ты, черт возьми, шутишь, — лицо Дэвида скривилось, и он окинул высокие двойные двери ужаснейшим взглядом. По крайней мере, я не одна. Я застонала и сильно обняла его всем телом. Это было бы весело, если не было бы так обидно.

Рукой он потер мне спину, скользя под край моего топа, чтобы погладить кожу под ним.

— Клянусь, такое ощущение, будто вселенная не хочет, чтобы я был в тебе, — проворчал он.

— Сделай, чтобы они ушли. Пожалуйста.

Он усмехнулся, сжимая меня крепче.

— Это обидно.

Он застонал и поцеловал меня в шею.

— Дай мне посмотреть, кто там, и избавиться от них, потом я позабочусь о тебе, хорошо?

— Твое полотенце на полу.

— Это проблема. Спрыгивай.

Я неохотно ослабила хватку и опустила ноги на пол. Снова, как будто звук гонга заполнил дом. Дэвид схватил пару черных джинсов из сумки и быстро натянул их. Все, что я заметила, была мелькнувшая загорелая задница. Удерживать свой взгляд отведенным, должно быть, было самым сложным, что я когда-либо делала.

— Держись позади на всякий случай, если это пресса, — он посмотрел в маленький экран встроенный рядом с дверью. — Эх, блин.

— Проблема?

— Нет. Хуже. Старые друзья с едой, — он кратко взглянул на меня. — Если от этого ты почувствуешь себя лучше, то мне тоже обидно.

— Но...

— Предвкушение делает это слаще. Я обещаю, — сказал он, затем распахнул дверь. Рука потянула вниз край футболки, пытаюсь скрыть очевидную выпуклость на его джинсах. — Тайлер. Пэм. Привет, рад видеть вас.

Я собиралась убить его. Медленно. Задушить его дорогушими трусиками. Подходящая смерть для рок-звезды.

Внутри вошла пара в возрасте моих родителей, нагруженная кастрюлями и бутылками вина. Мужчина, Тайлер, высокий, худой и покрытый татуировками. Пэм выглядела так, словно среди ее предков были коренные американцы. Красивые длинные черные волосы свисали на ее спину в косе, толщиной с запястье. У них обоих были широкие улыбки, и они окидывали меня любопытными взглядами. Мое лицо вспыхнуло, когда они заметили белье и одежду, разбросанные по полу. Это, вероятно, выглядело так, как будто мы участвовали в

оргии для двоих. Что было правдой, но все же.

— Как ты, черт возьми? — зарычал Тайлер с австралийским акцентом, обнимая Дэвида одной рукой, в другой он держал мультиварку. — А это должно быть Эв? Мне приходится читать об этом в гребаной газете, Дэйв? Серьезно? — он послал моему мужу строгий взгляд, одна бровь высоко выгнулась. — Пэм была расстроена.

— Извините. Это было... это было непредвиденно, — Дэвид поцеловал Пэм в щеку и забрал у нее противень и нагруженную сумку. Она по-матерински погладила его по голове.

— Познакомь меня, — сказала она.

— Эв, это Пэм и Тайлер, мои старые друзья. Также они заботятся об этом доме, — он выглядел расслабленно, когда стоял между этими людьми. Его улыбка была легкой, а глаза блестели. Я еще не видела его настолько счастливым. Ревность подняла свою уродливую голову, вгрызаясь в меня.

— Привет, — я протянула руку для приветствия, но Тайлер захватил меня в объятия.

— Она такая хорошенькая, ну разве она не прелесть, дорогая? Тайлер отступил в сторону, а Пэм подошла поближе с теплой улыбкой на лице.

Я была тупицей. Они милые люди. Я должна быть глубоко благодарна, что не каждая женщина, которая знакома с Дэвидом, трется об него сиськами. Черт, мои кричащие гормоны сделали меня неприветливой.

— Конечно она хорошенькая. Привет, Эв, я Пэм. — кофейно-коричневые глаза женщины были на мокром месте. Она, казалось, была готова расплакаться. В порыве, она взяла мои руки и крепко сжала пальцы. — Я просто так счастлива, что наконец-то он нашел хорошую девушку.

— Ох, спасибо, — мое лицо покраснело от смущения.

Дэвид послал мне кривую ухмылку.

— Хорошо, хватит об этом, — сказал Тайлер. — Давай позволим этим голубкам заняться своей личной жизнью. Мы можем зайти в другой раз.

Дэвид стоял в стороне, все еще держа противень и сумку. Когда он увидел, что я наблюдаю, он подмигнул.

— Я должен как-нибудь показать тебе оборудование внизу, — сказал Тайлер. — Вы здесь надолго?

— Мы не уверены, — сказал он, мельком взглянув на меня.

Пэм держала мои руки, не желая отпускать.

— Я сделала энчиладас с курицей^[12] и рис. Ты любишь мексиканскую кухню? Дэвид ее обожает, — брови Пэм нахмурились. — Но я не подумала проверить, приемлемо ли это для тебя. Ты можешь оказаться вегетарианкой.

— Нет, я не вегетарианка. И я люблю мексиканскую кухню, — сказала я, сжимая ее пальцы в ответ, хотя и не так сильно. — Спасибо большое.

— Уф, — усмехнулась она.

— Милая, — позвал Тайлер.

— Иду, — Пэм на прощание погладила мои пальцы. — Если тебе понадобится что-нибудь, пока ты здесь, позвони мне. Хорошо?

Дэвид ничего не сказал. Это было, несомненно, мое решение, остаться им или уйти. Мое тело все еще гудело от желания. Это, и мы, казалось, добились большего успеха наедине. Я не хотела делиться им, потому что я была легкомысленной и хотела горячего секса. Я хотела всего его только для себя. Но так было правильно. И, если предвкушение

сделает его слаще, ну что же, возможно на этот раз стоит принять правильное решение, к тому же лучшее решение.

— Оставайтесь, — произнесла я, запинаясь. — Пообедайте с нами. Вы приготовили так много. Мы, наверное, все это никогда не съедим.

Взгляд Дэвида перескочил на меня, с одобряющей улыбкой на лице. Он выглядел почти по-мальчишески, пытаясь скрыть свое волнение. Будто я только что сказала ему, что его день рождения был перенесен. Кто бы ни были эти люди, они важны для него. Я чувствовала, словно я только что прошла какой-то тест.

Пэм вздохнула.

— Тайлер прав, вы молодожены.

— Оставайтесь. Пожалуйста, — сказала я.

Пэм посмотрела на Тайлера.

Тайлер пожал плечами, но улыбнулся, очевидно, довольный.

Пэм хлопнула в ладоши от радости.

— Давайте поедим.

Когда взошло солнце, мою майку сдвинули вверх теплые руки. Затем внизу спины появились горячие поцелуи, посылая дрожь по позвоночнику. Моя кожа незамедлительно покрылась мурашками, несмотря на поистине ужасное время суток.

— Эв, малышка, повернись, — прошептал Дэвид мне на ухо.

— Сколько сейчас времени?

После ужина мы все спустились вниз в студию звукозаписи, чтобы посмотреть «одним глазком». В полночь Пэм ушла, сказав Тайлеру, чтобы он позвонил ей, когда они закончат. Никто не ожидал, что это будет в ближайшее время, так как они открыли бутылку бурбона. Я растянулась на большом диване, пока Дэвид и Тайлер возились, перемещаясь между аппаратной и студией. Я хотела быть поближе к Дэвиду, слушать, как он играет на гитаре и поет фрагменты песен. У него был великолепный голос. То, что он мог делать с шестью струнами в своих руках, взорвало мой мозг. Его взгляд стал отсутствующим, он погрузился в себя. Это было так, как будто ничего другого не существовало. Время от времени я чувствовала себя немного одиноко, лежа там и наблюдая за ним.

В тот момент, когда песня заканчивалась, он встряхивал головой и разминал пальцы, возвращаясь на землю. Его взгляд находил меня, и он улыбался. Он вернулся.

На каком-то этапе я задремала. Понятия не имею, как я смогла встать, чтобы отправиться в постель. Должно быть, Дэвид отнес меня. Одно было очевидно: я чувствовала запах выпивки.

— Почти пять утра, — сказал он. — Повернись.

— Устала, — пробормотала я, не сдвигаясь ни на миллиметр.

Матрас прогнулся, когда он оседлал мои бедра и положил руки по обе стороны моей головы, наклоняясь надо мной, накрывая меня.

— Догадайся что? — спросил он.

— Что?

Он нежно отодвинул мои волосы с лица. Затем облизал ухо. Я поерзала, щекотно.

— Я написал две песни, — сказал он немного невнятным и слегка пьяным голосом.

— Ммм, — я улыбнулась, но глаза не открыла. Надеюсь, он понял, что я поддержала его. Я не была способна на большее, особенно когда спала меньше, чем четыре часа. Я просто не привыкла к этому. — Это круто.

— Нет, ты не понимаешь. Я не писал ничего в течение двух лет. Это чертовски круто, — он уткнулся носом в мою шею. — И они о тебе.

— Твои песни? — спросила я, ошеломленная. И все еще полусонная. — Правда?

— Да, я просто... — он глубоко вздохнул и укусил меня за плечо, заставляя мои глаза широко раскрыться.

— Эй!

Он наклонился так, чтобы я могла видеть его лицо, его темные волосы свисали вниз.

— Это ты. Именно так, я думал о тебе и неожиданно я нашел, что сказать. У меня не было ничего, что хотелось бы рассказать долгое время. Мне было наплевать. Просто было все одно и то же. Но ты изменила все. Ты исцелила меня.

— Дэвид, я рада, что ты вернул свое вдохновение, но ты невероятно талантлив. Ты никогда не был сломлен. Возможно, тебе просто нужно было немного передохнуть.

— Нет, — он нахмурился, глядя на меня сверху вниз. — Повернись. Я не могу говорить с тобой так, — я колебалась, и он шлепнул меня по попе. По стороне без татуировки, к счастью для него. — Давай, малышка.

— Осторожнее с укусами и шлепками, приятель.

— Так повернись уже, — прорычал он.

— Хорошо, хорошо.

Он перекатился с меня на другую сторону гигантского матраса, и я села, подтягивая колени к груди. Мужчина был без рубашки. Он пристально смотрел на меня, одетый только в джинсы. Как, черт возьми, он постоянно теряет свою рубашку? От вида его обнаженной груди у меня потекли слюнки. Джинсы уж точно вынуждали меня это сделать. Никто не носил джинсы, как Дэвид. И от того, что я мельком увидела его без них, стало только хуже. Мое воображение двинулось в своего рода сексуальное бешенство. Мою голову заполнили изображения... Я понятия не имела, откуда они все взялись. Картинки были удивительно вульгарными и подробными. Я была абсолютно уверена, что не была достаточно гибкой для того, чтобы суметь выполнить некоторые из них.

Весь воздух покинул комнату. Правда была в том, что я хотела его. Все в нем. Хорошее и плохое, и ссоры между нами. Я хотела его так сильно, как ничто и никогда в своей жизни.

Но не когда он пьян. Мы уже прошли это, совершили такую ошибку. Я совершенно не понимала, что происходит между нами, но и не хотела это испортить.

Так, верно. Никакого секса. Плохо.

Я должна была перестать смотреть на него. Так что я сделала глубокий вдох и стала изучать свои коленки. Свои голые коленки. Я ложилась спать в джинсах. Теперь же я была одета только в трусики и майку. Мой лифчик также таинственным образом исчез.

— Что случилось с остальной моей одеждой?

— Она ушла, — сказал он, с серьезным лицом.

— Ты снял ее?

Он пожал плечами.

— Тебе было бы неудобно спать в этом.

— Как же тебе удалось снять мой лифчик, не разбудив меня?

Он хитро улыбнулся.

— Я больше ничего не делал. Клянусь. Я просто... снял его из соображений безопасности. Косточки опасны.

— Ну, дааа.

— Я даже не смотрел.

Я прищурилась, глядя на него.

— Это ложь, — признался он, пожимая плечами. — Я смотрел. Но мы все еще женаты, так что это нормально.

— Нормально? — было просто невозможно злиться, когда он смотрел на меня так. У глупенькой девочки внутри меня кружилась голова.

Никакого. Секса.

— Что ты делаешь на том конце кровати? Это не сработает, — сказал он, совсем не зная о моих возбужденных и в тоже время несчастных гормонах.

Вероятно, быстрее, чем я подумала, принимая во внимание количество спиртного в его дыхании, он схватил меня за ноги и протаскил по кровати. Моя спина ударилась об матрас, а голова отскочила от подушки. Дэвид растянулся надо мной, прежде чем я смогла

попробовать еще маневры по уклонению. Его вес вжал меня в матрас. Говорить «нет» в таких условиях было сложнее.

— Не думаю, что мы сейчас должны заниматься сексом, — выпалила я.

Уголок его рта приподнялся.

— Расслабься. Нет, мы не будем трахаться прямо сейчас.

— Нет? — черт возьми, я фактически завыла. Моя печаль не знала конца.

— Нет. Когда мы сделаем это в первый раз, мы оба будем абсолютно трезвыми. Поверь мне, это так. Я не хочу снова проснуться утром и обнаружить, что ты сходишь с ума, потому что ничего не помнишь или передумала, или что-то еще. Я готов быть мудаком сейчас.

— Я никогда не думала, что ты мудака, Дэвид, — или, по крайней мере, не совсем. Подонок, может быть, и, определенно, вор лифчиков, но не мудака.

— Нет?

— Нет.

— Нет, даже в Вегасе, когда я начал с тобой ругаться и хлопнул дверью? — его пальцы скользнули в мои волосы, поглаживая кожу головы. Невозможно не прижиматься к его прикосновениям, как счастливый маленький котенок. У него волшебные руки. Он даже утро сделал сносным. Хотя только пять утра.

— То утро не было хорошим для каждого из нас, — сказала я.

— Как насчет ЛА, когда та девушка висела на мне?

— Ты спланировал это?

Он закрыл один глаз и посмотрел на меня.

— Возможно, мне нужна была какая-то защита от тебя.

Я не знала, что сказать. Поначалу.

— Это не мое дело, кто вешался тебе на шею.

Его улыбка была одним огромным самодовольством.

— Ты приревновала.

— Мы должны делать это прямо сейчас? — я толкнула его твердое тело, ничего не вышло. — Дэвид?

— Не можешь честно признаться в этом?

Я не ответила.

— Эй, я не смог заставить себя прикоснуться к ней. Только не тогда, когда ты была там.

— Ты не смог? — я успокоилась из-за этого заявления. Мое учащенное сердцебиение замедлилось. — Мне было интересно, что же произошло. Ты вернулся так быстро.

Он хмыкнул, приблизившись.

— Наблюдая тебя с Джимми...

— Ничего не было. Клянусь.

— Да, я знаю. Извини за это. Я перегнул палку.

Мои предприимчивые руки вернулись к ласкам. Так забавно. Они скользили по его плечам, вокруг его шеи, играли с его волосами. Я просто хотела почувствовать тепло его кожи и удержать его ближе. Он поспособствовал эмоциональному подъему, превратив меня из несчастной и раздраженной в обожающую менее чем за восемь секунд. — Это здорово, что ты написал несколько песен.

— Мм. Как на счет того, что я оставил тебя с Адрианом и адвокатами? Тогда ты рассердилась на меня?

Я тяжело вздохнула.

— Хорошо. Должна признаться, что немного расстроилась из-за этого.

Он медленно кивнул, не отрывая взгляда от моих глаз.

— Когда я вернулся, и они рассказали мне, что произошло, что ты уехала с Малом, я потерял контроль. Сломал мою любимую гитару, используя ее, чтобы разбить установку Мала. Все еще не могу поверить, что я сделал это. Я просто так чертовски сердился и ревновал, что злился сам на себя.

Мое лицо поморщилось от неверия.

— Ты сделал это?

— Да, — его глаза были решительны и широко открыты. — Да, сделал.

— Зачем ты рассказал мне это сейчас, Дэвид?

— Я не хотел, чтобы ты слышала это от кого-то еще, — он сглотнул, приводя горло в движение. — Послушай, я не такой, Эв. Это не произойдет вновь, обещаю. Просто я не привык к такому. Ты добралась до меня. Вся эта ситуация достала. Я не знаю, я чертовски растерян. Ты понимаешь?

Позже, он, возможно, даже не вспомнит ничего из этого. Но прямо сейчас, он выглядел таким искренним. Мое сердце страдало из-за него. Я посмотрела в его налитые кровью глаза и улыбнулась.

— Полагаю, что так. Это точно не повторится?

— Нет. Клянусь, — облегчение в его голосе было ощутимым. — Мы в порядке?

— Да. Ты собираешься попозже сыграть мне песни? — спросила я. — Я хотела бы их послушать.

— Они еще не закончены. Когда они будут готовы, я сыграю. Я хочу,

чтобы для тебя они были идеальными.

— Хорошо, — сказала я. Он написал песни обо мне. Как невероятно, разве что они нелестного характера, в этом случае нам надо поговорить. — Они не о том, как сильно я иногда раздражаю тебя?

Он помахал рукой в воздухе.

— Немного. В хорошем смысле.

— Что? — воскликнула я.

— Верь мне.

— Неужели ты действительно написал в этих песнях какая я «заноза в заднице»?

— Не именно этими словами. Нет, — он усмехнулся, его хорошее настроение вернулось. — Ты же не хочешь, чтобы я лгал и писал всегда о гребаных единорогах и радуге?

— Может быть. Да. Люди будут знать такое обо мне. Моя репутация, как постоянное развлечение, ее надо защитить.

Он застонал.

— Эвелин, посмотри на меня.

Я так и сделала.

— Ты — постоянное офигенное очарование. Не думаю, что кто-то сомневается в этом.

— Ты ужасно милый, когда врешь.

— Я? Эти песни о любви, малышка. Любовь не всегда спокойная и прямолинейная. Она может быть неприятной и мучительной, — сказал он. — Это не значит, что она все еще не самая невероятная вещь, которая когда-нибудь может случиться с тобой. Это не означает, что я не без ума от тебя.

— Ты? — спросила я, мой голос напрягся от эмоций.

— Конечно, я.

— Я тоже без ума от тебя. Ты красивый, снаружи и внутри, Дэвид Феррис.

Он прижался своим лбом к моему и на мгновение закрыл глаза.

— Ты такая чертовски милая. Но, ты знаешь, мне нравится, что ты тоже можешь огрызнуться. Как ты в Вегасе сделала с этими придурками. Мне нравится, что ты заботилась, отстаивая ту девушку. Мне даже нравится, когда ты меня бесишь. Хоть и не все время. Дерьмо. Я снова запутался...

— Все в порядке, — прошептала я. — Ты нравишься мне и запутавшийся.

— Так ты не сердишься на меня за то, что я потерял самообладание?

— Нет, Дэвид. Я не сержусь на тебя.

Не говоря ни слова, он отполз от меня и лег на моей стороне. Он притянул меня в свои руки, устраивая одну руку подо мной, а другую на моем бедре.

— Эв?

— Хм?

— Сними свою майку. Я хочу быть кожа к коже, — сказал он. — Пожалуйста? Ничего больше, обещаю.

— Хорошо, — я села и через голову стянула майку, затем прижалась обратно к нему. Топлесс нравилось мне больше. Он подтолкнул меня под свой подбородок, чувствовать его теплую грудь было идеально, волнуяще и успокаивающе одновременно. Каждый дюйм моей кожи, казалось, был переполнен ощущениями. Но то, что я находилась подобным образом рядом с ним, успокаивало дикий шторм внутри. Мне никогда не приходилось беспокоиться о моем животе или бедрах или о подобном дерьме.

Не смотря на то, что запах выпивки не полностью исчез с его кожи, я просто хотела быть поближе к нему.

— Мне нравится спать с тобой, — сказал он, его рука гладила мою спину. — Не думаю, что я был способен спать с кем-то еще в кровати, но с тобой хорошо.

— Ты никогда прежде ни с кем не спал?

— Нет, в течение долго времени. Мне нужно собственное пространство, — его пальцы играли с ремешком моих мальчишеских шортов, заставляя меня извиваться.

— Ха.

— Так быть с тобой — пытка, но это хорошая пытка.

Все затихло на несколько минут, и я подумала, что возможно он провалился в сон. Но он не уснул.

— Поговори со мной. Мне нравится слушать твой голос.

— Ладно. Я хорошо провела время с Пэм. Она милая.

— Да. Она такая, — его пальцы блуждали вверх и вниз по моему позвоночнику. — Они хорошие люди.

— Это очень мило с их стороны принести нам ужин, — я не знала, что сказать. Я была не готова признаться, что я думаю о том, что он сказал о моем обучении на архитектора. О том, что я начала подвергать сомнению всемогущий план. Говорить я боялась, я бы ошиблась и как-нибудь разрушила наши отношения, это также не казалось умным. Так, вместо этого, я выбрала говорить банальности. — Мне нравится, как здесь слышно океан.

— Мм, — промурлыкал он свое согласие. — Малышка, я не хочу подписывать эти бумаги в понедельник.

Я держалась совершенно неподвижно, мое сердце колотилось.

— Ты не хочешь?

— Нет, — его рука ползла вверх, пальцы поглаживали под грудью, прослеживая линию моей грудной клетки. Мне пришлось напомнить себе, что надо дышать. Но он, казалось, даже не осознавал, что он это делал, как будто просто рисовал на моей коже так же, как на бумаге. Его руки сжали меня крепче. — Нет причин, это не может ждать. Мы могли бы провести какое-то время вместе, посмотреть, как все пойдет.

Надежда нахлынула на меня, горячая и волнующая.

— Дэвид, ты серьезно об этом?

— Да, серьезно, — вздохнул он. — Я знаю, я пьян. Но я думал над этим. Я не... дерьмо, я даже не хотел оставлять тебя вне поля моего зрения на несколько часов, но ты выглядела так, словно тебе нужен был сон. Я не хочу, чтобы мы подписывали эти бумаги.

Я плотно сжала мои глаза и беззвучно произнесла молитву.

— Тогда мы не будем.

— Ты уверена?

— Да.

Он притянул меня к себе теснее.

— Ладно. Ладно, это хорошо.

— У нас все будет прекрасно, — радостно вздохнула я. Облегчение сделало меня слабой. Если я бы не лежала, я бы приземлилась на пол.

Неожиданно он понюхал свои плечи и подмышки.

— Дерьмо, я воняю бурбоном. Я собираюсь принять душ, — он быстро поцеловал меня и выкатился из кровати. — Выгони меня из кровати в следующий раз, когда я попытаюсь прийти с таким запахом. Не давай мне прижиматься к тебе.

Мне нравилось, что он говорил о нашей совместной жизни, как будто это было повседневной вещью. Я любила это так сильно, что меня даже не заботило насколько плохо он пах.

Настоящая любовь.

Гонг дверного звонка раздался эхом по всему дому после десяти утра. Дэвид спал, прижавшись к моей спине. Он вообще не шевелился. Несколько часов сна и я почувствовала себя наполовину человеком. Я выползла из-под его руки, стараясь не побеспокоить. Натянула джинсы и майку и помчалась вниз по лестнице, делая все возможное, чтобы при этом не сломать себе шею. По всей вероятности, это была еще одна доставка.

— Ребенок-невеста! Впусти меня! — кричал Мал с другой стороны двери. Он сопровождал это внушительными ударами, стуча своими руками по прочному дереву. Определенно барабанщик. — Эвви.

Никто не называл меня Эвви. Я искоренила это прозвище много лет назад. Однако это лучше, чем «ребенок-невеста».

Я открыла дверь, и внутрь влетел Мал, Тайлер тащился следом. Учитывая, что Тайлер с Дэвидом пили и играли в студии до предрассветных часов, я была не очень удивлена его состоянием. Бедный мужчина явно страдал от похмелья. Синяки от недосыпания были настолько ужасными, что он выглядел так, будто его ударили в оба глаза. У его губ была банка с энергетическим напитком.

— Мал, что ты здесь делаешь? — я остановилась, потеряла свои заspanные глаза. Напоминание: это даже не мой дом. — Извини, это было грубо. Просто я удивилась, увидев тебя. Привет, Тайлер.

Я надеялась, что мой муж на сегодня будет только моим, но видимо это было не так.

Мал опустил к ногам мой рюкзак. Он был так занят, осматриваясь вокруг, что, казалось, даже не слышал мой вопрос, грубый или нет.

— Дэвид еще спит, — сказала я и заглянула в сумку. Ох, мои вещи. Мои чудесные вещи. Кошелек и телефон, в частности, были отрадой для моих глаз. Много сообщений от Лорен, плюс несколько от папы. Я и не знала, что он умеет писать смс. — Спасибо, что привез их.

— Дэйв позвонил мне в 4 утра и сообщил, что он написал кое-какой новый материал. Я подумал, что приеду и посмотрю, что происходит. Предположил, что ты хотела бы получить свои вещи, — с руками на бедрах, Мал стоял перед стеной из окон размышляя о великолепии природы. — Чувак, зацени это вид.

— Хороший, да? — сказал Тайлер из-за своего напитка. — Подожди, пока не увидишь студию.

Мал сложил руки вокруг рта.

— Король хипстеров^[13]. Спускайся вниз!

— Привет, дорогая, — Пэм зашла, крутя на пальце связку ключей. — Я пыталась заставить их отложить это на несколько часов, но как видишь, я проиграла. Извини.

— Ничего, — сказала я. Обычно я много не обнимаюсь. Мы не часто делали это в моей семье. Мои родители предпочитали более бесконтактное общение. Но Пэм была такая милая, что я обняла ее в ответ сразу же, как только она обхватила меня руками.

Прошлой ночью мы проговорили несколько часов в студии звукозаписи. Это было поучительно. Будучи замужем за популярным музыкантом и продюсером, она вела такой образ жизни уже больше двадцати лет. Туры, записи, поклонницы... она испытала на себе все эти рок-н-рольные темы. Они с Тайлером посетили музыкальный фестиваль и влюбились в Монтерей с его изрезанной береговой линией и потрясающим видом на океан.

— Диван и пара кроватей уже в пути, скоро придут. Мал, Тайлер помогите передвинуть коробки. Мы поставим их рядом с камином, — вдруг Пэм остановилась, осторожно мне улыбаясь. — Погодите! Ты хозяйка дома. Ты здесь распоряжаешься.

— О, рядом с камином звучит замечательно, спасибо, — сказала я.

— Вы слышали ее, ребята. Шевелитесь.

Тайлер заворчал, но поставил свою банку и неуклюже двинулся к коробкам, волоча ноги как оживший мертвец.

— Подожди, — Мал чмокнул губами на Пэм и меня, — я еще не получил свой приветственный поцелуй, — он схватил Пэм в медвежьи объятия, отрывая ее ноги от пола, и закружил, пока она не засмеялась. Следом, с широко расставленными руками, он шагнул ко мне. — Иди к папочке, растрепанная девочка.

Смеясь, я подняла руку, чтобы остановить его:

— Это на самом деле возмутительно, Мал.

— Отстань от нее, — сказал Дэвид с верхней ступеньки лестницы, зевая и протирая заспанные глаза. На нем по-прежнему были только джинсы. Он был моим криптонитом. Вся сила моего убеждения быть осторожной исчезла. Мои ноги в данный момент задрожали. Я ненавидела это.

Сегодня мы женаты или нет? Он был мертвецки пьян прошлой ночью. Пьяные люди и обещания не сочетаются, мы оба научились этому на горьком опыте. Я могла только надеяться, что он помнит наш разговор, и все еще чувствует то же самое.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — прорычал мой муж.

— Я хочу услышать новый материал, мудака. Смирись с этим, — Мал уставился на него с напряженной челюстью, отказываясь уступить. — Мне следовало бы выбить из тебя все дерьмо. Бл*ть, мужик. Это была моя любимая установка.

Выпрямившись, Дэвид начал спускаться по ступенькам:

— Я сказал, что сожалею. Я не шутил.

— Возможно. Но все же время за это заплатить, ты кусок дерьма.

Некоторое время Дэвид не отвечал. Напряжение появилось на его лице, а в глазах была неминуемость.

— Хорошо. Как?

— Это должно причинить боль. Сильную.

— Хуже, чем ты неожиданно появившийся, когда мы с Эв проводили время наедине?

Мал как ни странно выглядел немного пристыженным.

Дэвид остановился на ступеньках, ожидая.

— Ты хочешь сделать это на улице?

Пэм и Тайлер ничего не сказали, просто наблюдали сцену. Я почувствовала, что это не первый раз, когда эти двое меряются силами. Мальчишки есть мальчишки, и все на этом. Но я стояла рядом с Малом, каждый мускул напрягся. Если он сделает шаг к Дэвиду, я прыгну на него. Потяну его за волосы или еще что-то сделаю. Я не знала как, но я остановлю его.

Мал оценивающе посмотрел на него.

— Я не буду бить тебя. Не хочу травмировать руки, когда у нас есть работа, которую надо сделать.

— Что тогда?

— Ты уже разбил свою любимую гитару. Так что придется сделать кое-что другое, — Мал потер руки. — Кое-что, что не купишь за деньги.

— Что? — спросил Дэвид, внезапно его взгляд насторожился.

— Привет, Эвви, — Мал широко улыбнулся и закинул руку мне на плечо, притягивая к себе.

— Эй, — возразила я.

В следующий момент его рот, совершенно непрошенный, накрыл мой. Дэвид вскрикнул протестуя. Рука обхватила мою спину, и Мал придвинул меня к себе ближе, жестко целуя, ранив мои губы. Я схватила его за плечи, опасаясь, что упаду на пол. Однако, когда он попытался засунуть свой язык в мой рот, я не сомневаясь его укусила.

Этот идиот взвыл.

Получай.

Так же быстро как схватил меня, он поставил меня на место. У меня закружилась голова, и я оперлась рукой о стену, чтобы не упасть. Вытерла рот, пытаюсь избавиться от его вкуса, в то время как Мал послал мне обиженный взгляд.

— Черт побери. Это больно, — он осторожно коснулся своего языка, проверяя наличие повреждений. — Я истекаю кровью!

— Хорошо.

Пэм и Тайлер усмехнулись, крайне изумленные.

Руки обняли меня сзади, и Дэвид прошептал мне на ухо:

— Хорошая работа.

— Ты знал, что он собирается это сделать? — явно стервозно спросила я.

— Черт, нет, — он потерся лицом о макушку, путая мои растрепанные волосы. — Я не хочу, чтобы кто-то еще прикасался к тебе.

Это был правильный ответ. Мой гнев растаял. Я положила свои руки поверх его и крепко сжала.

— Ты хочешь, чтобы я выбил из него дерьмо? — спросил Дэвид. — Только скажи.

Я сделала вид, что обдумываю это, пока Мал с интересом наблюдал за нами. Мы, похоже, выглядели более дружно, чем когда были в ЛА. Но это никого не касается. Ни его друга, ни прессу, никого.

— Нет, — прошептала я, мой желудок сделал сальто. Я влюблялась в него так быстро, что это пугало меня. — Думаю, лучше не стоит.

Дэвид повернул меня в своих руках, и я вписалась в него, обнимая его за его талию. Это было естественным и правильным. Запах его кожи вознес меня до небес. Я могла бы стоять там, дышать им часами. Это ощущалось так, словно мы были вместе, но я больше не доверяла собственным рассуждениям, даже если я когда-нибудь и начинала.

— Малкольм присоединяется к вам в ваш медовый месяц? — голос Пэм был мрачным от недоверия.

Дэвид усмехнулся.

— Нет, это не наш медовый месяц. Если у нас будет медовый месяц, это будет где-то вдали от всех. Конечно, черт побери, его там не будет.

— Если? — спросила она.

Я очень люблю Пэм.

— Когда, — поправил он, крепко удерживая меня.

— Это все очень мило, но я приехал заняться музыкой, — объявил Мал.

— Тогда тебе придется, черт возьми, подождать, — сказал Дэвид. — У нас с Эв есть планы на сегодняшнее утро.

— Мы ждали два года, чтобы написать что-то новое.

— А мне пофиг. Ты сможешь подождать еще несколько часов, — Дэвид взял меня за руку и повел обратно к лестнице. Возбуждение быстро распространилось по мне. Он выбрал меня, и это замечательно.

— Эвви, прости за схватку ртами, — сказал Мал, сидя на полу, на ближайшей коробке.

— Ты прощен, — сказала я с царственным взмахом, чувствуя себя великодушной, когда мы поднимались вверх по лестнице.

— Ты собираешься извиниться за то, что укусила меня? — спросил Мал.

— Нет.

— Ну, это не очень-то мило, — крикнул он нам вслед.

Дэвид хихикнул.

— Ну, люди, нам нужно передвинуть коробки, — услышала я, как сказала Пэм.

Дэвид пронесся по коридору, затем закрыл и заблокировал за нами дверь.

— Ты надела свою одежду обратно, — сказал он. — Теперь снимай ее.

Он не стал ждать, когда я сделаю это, схватил край моей майки, поднял его к моей голове и снял.

— Не думала, что открывать дверь абсолютно голой было хорошей идеей.

— Согласен, — прошептал он, притягивая меня к себе и прислоняя к двери. — Ты выглядела чем-то обеспокоенной внизу. Чем?

— Ничем.

— Эвелин, — было что-то в том, как он произнес мое имя. Это превратило меня в дрожащий беспорядок. К тому же он загнал меня в угол, прижав свое тело к моему. Я положила руки ему на грудь. Не отталкивая его, просто нуждаясь прикоснуться к нему.

— Я задавалась вопросом, — сказала я. — После нашего разговора этим утром, когда мы обсуждали, подписывать ли нам бумаги в понедельник.

— И что? — спросил он, глядя прямо на меня. Я не смогла бы отвернуться, даже если бы попыталась.

— Ну, я не уверена, чувствуешь ли ты то же самое. То, что не хочешь их подписывать, я имею в виду. Ты был очень пьян.

— Я не меняю свое мнение, — его таз находился на одной линии с моим, а его руки развели мои в стороны. — Ты поменяла свое мнение?

— Нет.

— Хорошо, — его теплые руки обхватили мою грудь, и я потеряла всякую способность мыслить ясно.

— С этим все в порядке? — он направил взгляд на свои руки.

Я кивнула. По-видимому, способность говорить покинула меня вместе с мышлением.

— Тогда вот план. Так как я знаю, тебе нравятся планы. Мы собираемся остаться в этой комнате, пока оба не будем убеждены, что у нас единое мнение в том, что касается нас. Согласна?

Я кивнула снова. Без сомнения, план имел мою полную поддержку.

— Хорошо, — он положил ладонь одной руки между моими грудями. — Твое сердце бьется очень быстро.

— Дэвид.

— Хмм.

Нет, у меня все еще не было слов. Вместо этого, я накрыла его руку своей, удерживая

прямо напротив моего сердца. Он улыбнулся.

— Это драматическая инсценировка ночи, когда мы поженились,— объявил он, глядя на меня из-под темных бровей. — Держись. Мы сидели на кровати в твоём номере мотеля. Ты сидела на мне.

— Я?

— Да, — он подвел меня к кровати, и сел на краю. — Давай.

Я забралась к нему на колени, ноги обернула вокруг него. — Так?

— Так, — его руки схватили меня за талию. — Ты отказалась пойти в мой съют [\[14\]](#) в «Белладжио» [\[15\]](#). Сказала, что я не имею представления о реальной жизни, и мне нужно увидеть, как живут простые люди.

Я застонала смущаясь.

— Это было немного высокомерно.

Его рот изогнулся в легкой улыбке.

— Это было забавно. Но, к тому же, ты была права.

— Лучше не говори мне такое слишком часто, иначе это вскружит мне голову.

Его подбородок приподнялся.

— Прекрати острить, малышка. Я серьезно. Я нуждался в дозе реальности. В ком-то, кто действительно время от времени говорил бы мне нет, и немедленно останавливал все дерьмо. Это то, что мы делаем. Мы вытаскиваем друг друга из нашей зоны комфорта.

Это имело смысл.

— Думаю, ты прав... достаточно ли этого?

Он снова протянул руку к моему сердцу и столкнулся кончиком своего носа с моим.

— Чувствуешь, что мы делаем? Мы кое-что строим.

— Да, — я чувствовала это, связь между нами, непреодолимая потребность быть с ним. Ничто другое не имело значения. Это было естественно, то, как он вскружил мне голову быстрее, чем что-либо, что я раньше испытывала. Каким замечательным он был, такой теплый утром после сна, но я хотела большего от него, чем только это. Я хотела слышать его голос, слушать его рассказы обо всем и обо всех.

Я ощутила, что все осветилось внутри. Как мощное соединение гормонов мчалось во мне со скоростью света. Его другая рука обхватила затылок, притягивая мой рот к его. Поцелуй Дэвида выбросил внутри меня смесь керосина. Его язык проскользнул в мой рот, чтобы погладить мой язык, прежде чем начать дразнить мои зубы и губы. Я никогда не ощущала что-то настолько потрясающее. Пальцы ласкали мою грудь, делая восхитительные вещи, заставляя меня задыхаться. Боже, жар его голой кожи. Я переместилась вперед, стремясь к большему, нуждаясь в этом. Его рука оставила мою грудь, чтобы раскинуться по всей моей спине, прижать меня к нему. Он был тверд. Я могла чувствовать его через оба слоя джинсов. Давление, которое появилось между моих ног, было божественным. Невероятным.

— Вот так, — прошептал он, пока я покачивалась рядом с ним, в поисках большего.

Наши поцелуи были агрессивными, голодными. Его горячий рот двинулся по моей челюсти и подбородку, к шее. У ключицы он остановился и втянул кожу. Во мне все натянулось.

— Дэвид.

Он отстранился и посмотрел на меня, его глаза расширились. Совершенно также возбужденный, как я. Спасибо Боже, я не одна тяжело дышала. Палец медленно прочертил дорожку между грудями вниз к поясу моих джинсов.

— Ты знаешь, что произойдет дальше, — сказал он. Его рука медленно скользила. — Скажи это, Эв. — Когда я заколебалась, он наклонился вперед и прикусил мою шею. — Давай. Скажи мне.

Укусы никогда раньше меня не привлекали, ни в мыслях, ни в действиях. Не то чтобы было много действий. Но ощущение от зубов Дэвида, вдавленных в мою кожу, вывернуло меня наизнанку. Я плотно закрыла глаза. Немного из-за укуса, но в основном, чтобы сказать слова, которые он хочет.

— Я делала это только однажды.

— Ты нервничаешь. Не нервничай, — он поцеловал меня туда, куда только что укусил. — Значит, как бы там ни было, давай поженимся.

Мои веки открылись, и хохот вылетел из меня.

— Держу пари это не то, что ты сказал мне той ночью.

— Я, вероятно, был немного обеспокоен твоей неопытностью. И мы, возможно, больше разговаривали об этом, — он слабо улыбнулся и поцеловал в уголок рта. — Но все вышло хорошо.

— Что за разговор? Расскажи мне, что произошло.

— Мы решили пожениться. Ляг на кровать.

Он схватил меня за бедра, помогая мне подняться с него и лечь на матрас. Мои руки скользнули по гладкой, прохладной хлопковой простыне. Я легла на спину, и он быстро расстегнул мои джинсы, затем избавился от них. Кровать прогнулась, когда он встал надо мной на колени. Я чувствовала, что готова взорваться, мое сердце бешено стучало, но он, казалось, абсолютно спокоен и все держит под контролем. Приятно, что один из нас это делал. Конечно, он делал это десятки раз.

Вероятно больше, с поклонницами и все такое. Сотни? Даже тысячи?

Я на самом деле не хотела думать об этом.

Его взгляд поднялся, чтобы встретиться с моим, когда его пальцы зацепились за мои трусики. Не спеша, он потянул последнюю вещь из моей одежды вниз по ногам. Желание прикрыть себя было огромным. Но вместо этого я сжала простыню, перетирая ткань между пальцами.

Он расстегнул свои джинсы. Были только звуки шороха его одежды. Мы не разрывали контакт. Не раньше, чем он повернулся к тумбочке и достал презерватив, осторожно подсовывая его под подушку рядом со мной.

Обнаженный Дэвид не поддавался описанию. Слово «красивый» даже близко не описывало его, все эти жесткие линии его тела и татуировки, покрывавшие его кожу, но он не дал мне много времени, чтобы рассмотреть.

Он забрался обратно на кровать, лег рядом со мной и приподнялся на локоть. Руку опустил на мое бедро. Темные волосы спадали вперед, загораживая его лицо. Я хотела видеть его. Он наклонился, целуя меня в этот раз нежно, мои губы, лицо. Его волосы слегка коснулись моей кожи.

— На какой стадии мы были? — спросил он, его голос низко урчал.

— Мы решили пожениться.

— Мм, потому что я только что провел лучшую ночь в моей жизни. Первый раз я не чувствовал себя одиноко так чертовски долго. Мысль, не быть с тобой каждую ночь... Я не смог сделать это, — его рот путешествовал по моей шее. — Я не мог отпустить тебя. Особенно, когда я узнал, что у тебя был только один парень.

— Я думала, это беспокоит тебя?

— Это беспокоило меня, — сказал он и поцеловал мой подбородок. — Ты была явно готова дать сексу еще одну попытку. Если я бы я был настолько глуп, чтобы отпустить тебя, ты, возможно, встретила бы кого-нибудь еще. Я не смог смириться с мыслью, что ты трахаешься с кем-то, но не со мной.

— Ох.

— Ох, — согласился он. — Кстати говоря, какие-нибудь сомнения о том, что мы делаем здесь?

— Нет, — много нервов, но никаких сомнений.

Рука на моем бедре продвинулась к моему животу. Там сделала несколько кругов вокруг моего пупка, прежде чем опуститься ниже, заставляя меня дрожать.

— Ты так чертовски красива, — выдохнул он, — каждая твоя часть. И когда я рискнул предложить тебе отбросить в сторону свой план и убежать со мной, ты сказала «да».

— Я?

— Ты.

— Спасибо, боже, за это.

Пальцы погладили мою плоть, прежде чем продвинуться к мышцам бедра плотно сжатым вместе. Если я хотела, чтобы это зашло дальше, я должна была раздвинуть мои ноги. Я знала это. Конечно, да. Воспоминания о боли в прошлый раз заставили меня засомневаться. Мои пальцы ног сжались, и от такого напряжения угрожала начаться судорога в моей икроножной мышце. Нелепо. Томми Бирнс был легкомысленным ублюдком. Дэвид таким не был.

— Мы можем двигаться так медленно, как ты хочешь, — сказал он, прочитав меня просто отлично. — Доверься мне, Эв.

Его теплая рука гладила мое бедро, в то время как его язык путешествовал по всей длине моей шеи. Это удивительное ощущение, но этого было не достаточно.

— Мне нужно, — я повернула лицо к нему, в поисках его рта. Он нашел своими губами мои, делая все правильно. Поцелуй Дэвида излечил бы любого больного. Напряженный узелок во мне превратился во что-то сладкое с его вкусом, ощущение его тела напротив моего. Одна рука оказалась в ловушке подо мной, но другую я использовала в полной мере, касаясь всего его в пределах досягаемости. Массировала его плечо и ощущала твердую, гладкую спину.

Когда я пососала его язык, из его горла вырвался стон, и моя уверенность возросла. Его рука скользнула между моих ног. Только давления его ладони было достаточно, чтобы увидеть звезды. Я прервала поцелуй, не способная дышать. Он прикоснулся ко мне сначала нежно, позволяя привыкнуть к нему. К тому, что могут проделывать его пальцы.

— Элвис не смог быть с нами сегодня, — сказал он.

— Что? — спросила я озадаченная.

Он остановился и положил два пальца в свой рот, увлажняя их или пробуя меня, не знаю. Не имеет значения. Важнее было то, что он быстро вернул руку в меня.

— Я не хотел бы делиться этим ни с кем, — кончик его пальца продвинулся в меня, немного остановился внутри. Отступил прежде, чем надавить снова. Это не были те острые ощущения, как когда он поглаживал меня, но это было не больно. Пока еще.

— Так как Элвиса нет. Я буду задавать вопросы, — сказал он.

Я нахмурилась, глядя на него, с трудом пытаюсь сосредоточиться на том, что он говорил.

Это не могло быть так важно, как он прикасающийся ко мне. Моим разумом управляла погоня за удовольствием. Возможно, он болтал во время прелюдии. Я не знаю. Если он хотел, я была более чем готова выслушать его позже.

Его взгляд задержался на моей груди, пока, наконец, он не опустил голову, захватывая в рот одну из грудей. Моя спина выгнулась, проталкивая его палец дальше внутрь. Способ, которым его рот обращался со мной, стирал любой дискомфорт. Он ласкал меня между ног, и удовольствие росло. Когда я делала это, это было приятно. Когда Дэвид делал это, это достигало захватывающих высот, звездных. Я знала, он офигенно хорошо играет на гитаре, но в этом он на самом деле талантлив. Честно.

— Боже, Дэвид, — я выгнулась к нему, когда он перешел к другой груди. Два пальца работали внутри меня, немного неудобно, но ничего такого, с чем я не могла бы справиться. Не так долго, пока он удерживал свой рот на мне, уделяя внимание моей груди. Его большой палец потер вокруг сладкого места, и мои глаза закатились. Так близко. Сила, которая росла, была ошеломляющей. Взрывная сила. Мое тело, должно быть, разлетится в пыль на мелкие частички, когда это произойдет.

Если он остановится, я заплачу. Заплачу и буду умолять. И, может быть, убью.

К счастью, он не остановился.

Я застонала, каждый мускул натянут. Это было почти что слишком. Почти. Я парила, мое тело двигалось с трудом, удовлетворенное надолго. Или, по крайней мере, до следующего раза.

Когда я снова открыла глаза, он был там, ожидая. Он зубами надорвал упаковку, затем натянул презерватив. У меня перехватило дыхание, когда он приподнялся надо мной, разместившись между моих ног.

— Хорошо? — спросил он с довольной улыбкой.

Кивок было лучшим, что я могла сделать.

Он перенес большую часть своего веса на локти, его тело вдавливая меня в кровать. Я заметила, что он любил использовать свои габариты на пользу нам обоим. Это работало. Вне всякого сомнения, в этой позиции не было ничего скучного или относящегося к клаустрофобии. Не знаю, почему я думала, что будет. На заднем сиденье родительской машины Томми Бирнса мне было тесно и неудобно, но тут не было ничего подобного. Лежать под ним, чувствуя тепло его кожи на моей, было идеально. И не могло быть никакого сомнения, как сильно он хотел этого. Я лежала там, ожидая, когда он войдет в меня.

Все еще ждала.

Он коснулся своими губами моих.

— Ты, Эвелин Дженнифер Томас, согласна остаться замужем за мной, Дэвидом Винсентом Феррисом?

О, вот что говорил Элвис. Он тот, кто поженил нас. Ха. Я убрала его волосы назад, мне необходимо видеть его глаза. Я должна была попросить, чтобы он собрал их сзади. Это усложняло задачу моим попыткам оценить его серьезность.

— Ты, правда, хочешь делать это сейчас? — спросила я, немного отстраняясь. Я была так занята, беспокоясь о сексе, что такого не ожидала.

— Определенно. Мы повторим наши клятвы прямо сейчас.

— Да? — сказала я.

Он приподнял голову, прищурено глядя на меня. Выражение его лица было определенно

обиженным.

— Да? Ты не уверена?

— Нет. Я имею в виду, да, — повторила я более точно. — Да. Я уверена. Да.

— Спасибо, черт побери, за это, — его рука нырнула под подушку рядом со мной, вытаскивая оттуда огромное кольцо, сверкающее между пальцами. — Руку.

Я подняла мою руку между нами, и он одел мне кольцо. Мои щеки болели от того, как сильно я улыбалась.

— Ты тоже говоришь «да»?

— Да, — он притянул мой рот в жестком поцелуе. Его рука скользнула вниз по мне, поверх живота, чтобы остановиться между ног. Там все еще было чувствительным и, несомненно, влажным. Жажда в его поцелуях и то, как он касался, заверили меня, что он определенно не возражал.

Он подвинулся и вошел в меня. Вот оно. И вдруг, дерьмо, я не смогла расслабиться. Воспоминание о боли в прошлый раз, когда я пробовала делать это, замарало мой разум. Влажность не имела значения, когда мои мышцы не поддавались. Я ахнула, мои бедра сжали его. Дэвид был твердый и толстый, и это причиняло боль.

— Посмотри на меня, — сказал он. Синева его глаз потемнела, а челюсть сжата. Его влажная кожа поблескивала в слабом освещении. — Хей.

— Хей, — мой голос прозвучал неуверенно даже для моих ушей.

— Поцелуй меня, — он опустил свое лицо, и я так и сделала, просовывая свой язык в его рот, нуждаясь в нем. Осторожно, он качнулся в меня, продвигаясь глубже внутрь. Подушечкой большого пальца он играл с моим клитором, нейтрализуя неприятные ощущения. Боль стихла, переходя ближе к тому старому-доброму дискомфорту на грани удовольствия. Нет проблем. С этим я могла справиться.

Пальцы, прежде обхватывающие ногу, скользнули к моей попе. Он потянул меня на себя и продвинулся еще глубже. Качнулся ко мне, пока я не приняла его всего. Что было проблематично, потому что там во мне было не слишком много гребаного места для него.

— Все хорошо, — простонал он.

Легко ему говорить.

Дерьмо.

С телами, плотно прижатыми друг к другу, мы лежали, не двигаясь. Мои руки прижимали его голову так плотно, что я не уверена, дышал ли он. Каким-то образом он сумел повернуть лицо достаточно, чтобы поцеловать меня в шею, слизать пот с моей кожи. Вверх по моей челюсти, к моему рту. Мертвая хватка, которой я вцепилась в него, ослабла, когда он меня поцеловал.

— Вот так, — сказал он. — Постарайся и расслабься для меня.

Я нервно кивнула, готовая, чтобы мое тело расслабилось.

— Ты так чертовски красива, и, боже, ты ощущаешься чертовски удивительно, — его большая рука ласкала мою грудь, мозолистые пальцы поглаживали мой бок, успокаивая меня. Мои мышцы начали постепенно расслабляться, приспосабливаясь к его присутствию. Боль исчезала с каждым разом, когда он касался меня, нашептывая слова похвалы.

— Все хорошо, — сказала я, наконец, размещая руки на его бицепсах. — Я в порядке.

— Нет, ты лучше, чем в порядке. Ты потрясающая.

Я послала ему головокружительную улыбку. Он сказал самые лучшие слова.

— Ты подразумеваешь, что я могу двигаться? — спросил он.

— Да.

Он начал раскачиваться ко мне снова, продвигаясь немного дальше с каждым разом. Постепенно набирая обороты, в то время как наши тела ловко двигались вместе. Мы подходили друг другу, по большей части. И мы на самом деле делали это. Говоря о чувстве близости с кем-либо. Невозможно быть физически ближе. Я так рада, что это было с ним. Это было для меня всем.

С Томми это продолжалось две секунды. Достаточно долго, чтобы порвать мою девственную плеву и причинить мне боль. Дэвид прикасался ко мне, целовал меня и не торопился. Медленное, приятное тепло, то ощущение растущего давления, вернулось снова. Он заботливо уделял этому внимание, обеспечивая меня долгими, влажными поцелуями. Ласкал меня собой внутри таким образом, который приносил только удовольствие. Он был невероятным, смотрел на меня так внимательно, оценивая мою реакцию на все, что он делал.

В конце концов я цеплялась за него, и достигла предела. Это было похоже на новогодний фейерверк внутри меня: горячо, ярко, и идеально. Настолько много всего внутри и снаружи меня, его кожа прилипла к моей. Я бормотала его имя, и он сильнее прижался ко мне. Когда он застонал, все его тело содрогнулось. Он зарылся своим лицом в мою шею, его дыхание согревало мою кожу.

Мы сделали это.

Хм

Вау.

Там побаливало. На этот счет люди были правы. Но ничего такого, как в прошлый раз.

Он осторожно вышел из меня и свалился на кровать рядом со мной.

— Мы сделали это, — прошептала я.

Он открыл глаза. Его грудь все еще сильно вздымалась, работая, чтобы вдохнуть больше воздуха. Через некоторое время, он повернулся на бок, лицом ко мне. Никогда не было мужчины лучше. В этом я уверена.

— Да. Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — я пододвинулась ближе, в поисках тепла его тела. Он скользнул своей рукой по моей талии, притягивая меня. Давая мне знать, что я желанна. Наши лица на расстоянии ладони. — Это было намного лучше, чем в прошлый раз. Я думаю, что в итоге мне нравится секс.

— Ты понятия не имеешь, какое облегчение, слышать это от тебя.

— Ты переживал?

Он усмехнулся, двигаясь ближе.

— Не так, как ты. Я рад, что тебе это понравилось.

— Я люблю это. Ты мужчина с большим количеством талантов.

Его улыбка приобрела некую теплоту.

— Ты же не собираешься теперь становиться со мной нахальным? Все эти умышленные каламбуры.

— Я бы не решился. Я доверяю тебе удерживать меня приземленным, миссис Феррис.

— Миссис Феррис, — сказала я с большим удивлением. — Как тебе?

— Хм, — его пальцы гладили мое лицо.

Я поймала его голую руку.

— У тебя нет кольца.

— Нет. Мы должны это исправить.

— Да, должны.

Он улыбнулся.

— Хей, миссис Феррис.

— Хей, мистер Феррис.

Во мне не хватало места для всех чувств, которые он пробудил.

Даже близко.

Остаток дня мы провели внизу в студии звукозаписи с Тайлером и Малом. Когда Дэвид не играл, он притягивал меня к себе на колени. Когда он был занят гитарой, я слушала, внимая с благоговейным трепетом к его таланту. Он не пел, так что я осталась в неведении относительно текста песен. Но музыка была прекрасна в грубой рок-н-рольной манере исполнения. Мал, казалось, был доволен новым материалом, время от времени качая головой под музыку.

Тайлер управлял производящим впечатление пультом с кнопками и ручками регулировки.

— Сыграй этот лик снова, Дэйв, — мой муж кивнул, и его пальцы задвигались по всему грифу, создавая магию.

Пэм была занята, пока мы с Дэвидом были наверху, она начала распаковывать коллекцию коробок. Когда она собралась ранним вечером вернуться к работе, я пошла с ней. Добровольно или нет, было не справедливо, что она справлялась с работой самостоятельно. Плюс это понравилось моей внутренней потребности организовывать. Время от времени я пробиралась вниз, когда проходили часы, крала поцелуи, затем возвращалась назад, чтобы снова помогать Пэм. Дэвид и компания оставались погруженными в музыку. Они приходили в поисках еды или напитков, но немедленно возвращались в студию.

— Вот на что похоже, когда они записываются. Они теряют счет времени, заикленные на музыке. Тайлер пропустил бесчисленное количество ужинов просто потому, что забыл, — сказала Пэм, распаковывая последнюю коробку. — Это их работа, но также это их первая любовь, — продолжила она, стирая пыль с миски в азиатском стиле. — Ты знаешь, что одна бывшая подружка околачивается поблизости, звонит им пьяная в любое время и просит, чтобы они приехали?

Я засмеялась.

— Как ты справляешься с тем, что никогда не находишься на первом месте?

— Тебе следует удерживать баланс. Музыка часть их, которую ты должна принять, дорогая. Была ли ты по-настоящему чем-то страстно увлечена?

— Нет, — ответила я со всей честностью, присматриваясь к струнному инструменту, подобных которому я никогда не видела. Он был с затейливым резным орнаментом, закручивающимся вокруг резонаторного отверстия. — Мне нравится колледж. Мне нравится быть бариста, это замечательная работа. Мне очень нравятся люди. Но я не могу готовить кофе всю оставшуюся жизнь.

— Ты вполне можешь готовить кофе всю оставшуюся жизнь, если это твой выбор, — сказала она. — Но иногда это занимает время, найти свое дело. Не надо торопиться. Я была рождена и воспитана фотографом.

— Это здорово.

Пэм улыбнулась, ее взгляд устремился вдаль.

— Так мы с Тайлером и встретились. Я на пару дней присоединилась к туру группы, в которой он в то время был. Кончилось тем, что я колесила с ними по Европе. Мы поженились в Венеции в конце тура, и с тех пор вместе.

— Чудесная история.

— Да, — вздохнула Пэм. — Это было чудесное время.

— Ты изучала фотографию?

— Нет, меня учил мой отец. Он работал на «National Geographic». Он дал мне в руки камеру в шесть лет, и я отказалась отдавать ее. На следующий день он принес мне старую подержанную камеру. Я повсюду носила ее с собой, куда бы ни пошла. Все, что я видела, было через видоискатель. Ну, ты понимаешь, я имею в виду... мир стал иметь смысл, когда я смотрела на него таким образом. Лучше, она сделала все красивым, особенным, — она достала несколько книг из коробки, поставив их на полки, встроенные в одну из стен. Мы уже успели наполовину заполнить их различными книгами и памятным подарками.

— Знаешь, за последние годы Дэвид встречался с множеством женщин. Но с тобой он другой. Не знаю... то, как смотрит на тебя, думаю, это восхитительно. Впервые за шесть лет он кого-то сюда привел.

— Почему дом так долго пустовал?

Улыбка Пэм погасла, и она старалась не смотреть мне в глаза.

— Он хотел, чтобы это было место, куда он может прийти домой, но потом все изменилось. Группа сильно на это повлияла. Полагаю, все усложнилось. Лучше всего это мог бы объяснить он.

— Верно, — сказала я, заинтригованная.

Пэм присела на корточки, осматривая комнату.

— Послушай. Мы провели здесь целый день. Думаю, мы заслужили перерыв.

— Согласна.

Почти половина коробок была открыта. Содержимое, которое мы не смогли придумать, куда поместить непосредственно в доме, было выстроено в линию вдоль стены. Привезли большой черный диван. Он идеально подходил дому и его владельцу. С различными коврами, картинами и инструментами, размещенными повсюду, место начало походить на дом. Интересно, одобрит ли Дэвид. Я легко могла представить нас проводящими здесь время, когда я не на учебе. Или, может быть, выходные мы будем проводить на гастролях. Наше будущее было прекрасным, изумительным, наполненным обещаниями.

Однако в данный момент я все еще не поговорила с Лорен. Это обстоятельство вызывало у меня громадное чувство вины. Как объяснить эту ситуацию не вовлекая и не признавая мои быстрорастущие чувства к Дэвиду.

— Ладно, пойдем, перехватим чего-нибудь вкусенького дальше по улице. В баре подают лучшие ребрышки, каких ты и не пробовала. Тайлер сходит по ним с ума, — сказала Пэм.

— Это отличная идея. Я дам ему знать, что мы уходим. Мне нужно переодеться? — на мне были черные джинсы, майка и пара конверсов. Это была единственная пара обуви, среди покупок Марты, у которой не было каблуков высотой в четыре дюйма. На этот раз я выглядела почти «по-рок-н-рольному». На Пэм были джинсы и белая рубашка, и также тяжелое бирюзовое ожерелье вокруг ее шеи. В теории это была повседневная одежда, но Пэм была эффектной женщиной.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала она. — Не беспокойся. Очень непринужденно.

— Хорошо.

Из студии все еще доносились звуки музыки. Когда я спустилась туда, горел красный свет. Я увидела Тайлера в наушниках, который был занят за пультом. Со всеми недавними волнениями я забыла зарядить свой телефон, но у меня не было номера телефона Дэвида, так что в любом случае я не могла написать ему сообщение. Я не хотела прерывать их и, в

конце концов, оставила записку на кухонном столе. Мы уходили ненадолго. Дэвид, вероятно, даже не заметит.

Бар был традиционной деревянной страной чудес с большим музыкальным автоматом и тремя бильярдными столами для пула. Когда мы вошли, люди из персонала крикнули Пэм «привет». На меня даже никто не глянул, какое облегчение. Место было переполнено. Так хорошо снова быть среди людей, просто частью толпы. Пэм перед выходом позвонила, но заказ еще был не готов. Видимо кухня была также загружена, как и бар. Мы захватили несколько напитков, и присели в ожидании. Это было хорошее место, очень расслабляющее. Там было много смеха, и из музыкального автомата гремела кантри-музыка. Мои пальцы постукивали в такт.

— Пойдем, потанцуем, — сказала Пэм, хватая меня за руку и вытягивая со стула. Она пританцовывала и покачивалась, когда я вышла следом за ней на танцпол, заполненный людьми.

Было так хорошо дать себе волю. «Sugarland»^[16] превратился в Миранду Ламберт, и я подняла руки, двигаясь под музыку. Сзади ко мне приблизился парень и схватил за бедра, но отступил на шаг, когда я с улыбкой покачала головой. Он ухмыльнулся в ответ и продолжил танцевать, не отходя. Мужчина покрутил Пэм и она радостно вскрикнула, позволяя ему притянуть себя в объятия. Казалось, они знали друг друга.

Когда парень позади меня придвинулся чуть поближе, я не возражала. Он держал руки при себе, все было достаточно дружелюбно. Я не знала следующую песню, но это был хороший ритм и мы продолжили двигаться. Моя кожа стала влажной от пота, волосы прилипали к моему лицу. Потом заиграл Диркс Бентли^[17]. Я была ужасно влюблена в него с двенадцати лет, но это было все из-за его светлых волос и несколько из-за его музыки. Моя любовь к нему была постыдной.

Парень номер один ушел, и его место занял другой, скользя своими руками вокруг моей талии, и пытаюсь притянуть меня к себе. Я положила руки на его грудь и оттолкнула, посылая ему улыбку и качая головой, это сработало с предыдущим. Похоже, он был примерно моего роста, несмотря на огромную шляпу, но сложен крепко. У него была большая бочкообразная грудь, и от него несло сигаретами.

— Нет, — сказала я, все еще пытаюсь оттолкнуть его от меня. — Извини.

— Не извиняйся, дорогая, — прокричал он мне в ухо, ударяя по лбу полями своей шляпы. — Потанцуй со мной.

— Отпусти.

Он ухмыльнулся, и его руки сильно шлепнули по моей попе. Болван начал тереться об меня.

— Эй! — я оттолкнулась от него, но это ни к чему не привело. — Прекрати меня трогать!

— Лапочка... — извращенец наклонился, чтобы поцеловать меня, снова шлепнув по носу полями своей шляпы. Больно. К тому же, я ненавидела его. Если бы я могла просто просунуть мою ногу между его ног и коленом пнуть засранца в пах, я была бы в состоянии уравнивать игровое пространство. Или оставила бы его корчиться на полу и звать свою мамочку. Результатом я была бы довольна.

Я протолкнула свою ногу между двумя его, приближаясь к своей цели. Ближе...

— Отпусти ее, — Дэвид чудесным образом появился в толпе около нас, на его челюсти подергивалась мышца. О, черт. Он выглядел готовым убивать.

— Дождись своей очереди, — ковбой прокричал назад, прижимаясь ко мне своим тазом. Боже, это отвратительно. Меня может стошнить. Это было бы меньшее, что он заслужил.

Дэвил зарычал. Затем он схватил шляпу парня и бросил ее в толпу. Глаза парня округлились как тарелки, и его руки упали с меня.

Я отпрыгнула на шаг назад, наконец, освобожденная.

— Дэвид...

Он посмотрел на меня и в этот момент ковбой ударил. Его кулак врезался в челюсть. Голова Дэвида откинулась, он споткнулся. Ковбой бросился на него. Они резко приземлились, растянувшись на весь танцпол. Кулаки летали. Ноги пинали. Я едва могла видеть, кто что делал. Люди окружили их, наблюдая. Никто не сделал ничего, чтобы остановить их. Кровь брызнула, опрыскивая пол. Пара перекатывалась, толкалась, и Дэвид преуспевал. Затем так же быстро, он упал в стороне. Мой пульс стучал в ушах. Жестокость была поразительной. Натан раньше постоянно дрался после школы. Я ненавидела это. Кровь и грязь, бессмысленный гнев.

Но я не могла просто стоять в стороне, охваченная ледяным ступором. Не хотела.

Сильная рука схватила меня за руку, пресекая мой импульс двинуться вперед.

— Нет, — сказал Мал.

Потом вмешались он и несколько других ребят. На меня нахлынуло облегчение. Мал и Тайлер оттащили Дэвида от ковбоя. Другая пара сдерживала дурака с кровавым лицом, который вопил снова и снова о своей шляпе. Чертов идиот.

Они вытолкнули Дэвида из бара, утаскивая его в обратном направлении. Они прошли через входные двери и вниз по ступенькам, пока его ноги противились, пытаюсь вернуться назад. А он продолжал рваться в бой, пока они не бросили его рядом с большим черным «Джипом» Мала.

— Прекрати! — Мал крикнул ему в лицо. — Все кончено.

Дэвид навалился на машину. Из одной ноздри сочилась кровь. Его темные волосы завешивали лицо. Даже в тени он выглядел опухшим, деформированным. Не настолько плохо как другой парень, но все же.

— Ты в порядке? — я подошла ближе, чтобы взглянуть на его раны.

— В полном, — ответил он, его плечи были все еще напряжены, он уставился в землю. — Пойдем.

Медленно передвигаясь, он повернулся и открыл пассажирскую дверь, залез внутрь. Пробормотав «до свидания» Пэм и Тайлер направились к своей машине. Несколько человек стояли на ступеньках, ведущих в бар, наблюдая. Один парень держал в руках битку, как будто он ожидал дальнейших неприятностей.

— Эв. Садись в машину, — Мал открыл заднюю дверь и пропустил меня внутрь. — Давай. Могут приехать копы. Или кто похуже.

Похуже была пресса. Сейчас я это знала. Им не нужно много времени, чтобы появиться здесь.

Я села в машину.

Мал исчез, как только мы вернулись в дом. Дэвид поднялся наверх в нашу спальню. Была ли она еще наша? Я не имела ни малейшего понятия. Но я последовала за ним. Он повернулся и посмотрел на меня, как только я зашла в спальню. Выражение его лица было свирепым, темные брови опущены, а рот превратился в жесткую линию.

— Ты называешь это дать нам шанс?

Вау. Я облизнула свои губы, давая себе время.

— Я называю это выйти, чтобы немного перекусить. Еда задерживалась, мы взяли пиво. Нам понравилась музыка, так что мы решили пойти потанцевать несколько песен. Ничего больше.

— Он был всем телом прижат к тебе.

— Я собиралась пнуть его по яйцам.

— Ты ушла без единого гребаного слова,— крикнул он.

— Не кричи на меня, — сказала я, в поисках спокойствия, которого во мне не было. — Я оставила тебе записку на кухне.

Он запустил руки в волосы, видимо борясь за спокойствие.

— Я не видел ее. Почему ты не пришла и не сказала мне сама?

— Был включен красный свет. Ты записывался, и я не хотела беспокоить тебя. Мы не собирались уходить надолго.

С разбитым разъяренным лицом он отходил на несколько шагов, затем повернувшись, возвращался. Он не успокоился, это я могла сказать, не взирая на его расхаживания. Но, по крайней мере, он, казалось, пытался. Его характер был третьим субъектом в комнате, и он занимал все гребаное пространство.

— Я волновался. Ты даже не взяла свой телефон. Я нашел его на чертовом столе. Телефон Пэм не отвечал.

— Мне очень жаль, что заставила тебя волноваться, — я перестала искать оправдания нам обоим. — Я забыла зарядить мой телефон. Такое иногда случается. Я попытаюсь быть более внимательной в будущем. Но, Дэвид, ничего не произошло. Мне ведь разрешено выходить из дома.

— Черт. Я знаю это. Просто я...

— Ты занимался своими делами, и это замечательно.

— Это было что-то вроде гребаного наказания? — он выдавил слова через стиснутые зубы. — Что это было?

— Нет. Конечно, нет, — вздохнула я. Спокойно.

— Так ты не пыталась подцепить его?

— Я сделаю вид, что ты этого не говорил, — стукнуть бы его по голове, но об этом не могло быть и речи. Я держала мои сжатые кулаки в безопасности по бокам, сопротивляясь порыву.

— Почему ты позволила ему дотрагиваться до тебя?

— Я не позволяла. Я попросила его отодвинуться, а он отказался. В этот момент ты и пришел, — я потерла пальцами рот, мое терпение быстро заканчивалось. — Мы просто ходим по кругу. Может быть, мы поговорим об этом позже, когда у тебя получится успокоиться.

С трясущимися руками я повернулась к двери.

— Ты уходишь? Мать твою, великолепно, — он упал на кровать. Послышался смех, абсолютно лишенный веселья. — Вот сколько мы продержались вместе.

— Что? Нет. Я не хочу ссориться с тобой, Дэвид. Я собиралась спуститься вниз, прежде чем мы начали бы говорить то, что не имели в виду. Вот и все.

— Иди, — сказал он грубым голосом. — Я, черт возьми, так и знал.

— Боже, — проворчала я, поворачиваясь лицом к нему. Желание завизжать и накричать на него, чтобы попытаться найти какой-то смысл в этом, вышло во мне из-под контроля. — Ты точно слушаешь меня? Ты слышишь меня вообще? Я не уйду от тебя. С чего ты так решил?

Он не ответил, просто уставился на меня осуждающим взглядом. В этом не было никакого смысла.

Я чуть не споткнулась, неуклюже возвращаясь к нему. Приземлиться лицом вниз было бы идеально. Это было точно там, откуда мы и начинали. Я уже не понимаю, из-за чего мы ссоримся, если вообще когда-то понимала.

— С кем ты сравниваешь меня сейчас? — спросила я, не менее злая, чем он. — Поскольку я — не она.

Он продолжал смотреть прямо на меня.

— Ну?

Его губы оставались закрытыми, и мое недовольство и ярость подскочили. Я хотела схватить его и потрясти. Заставить его признаться в чем-нибудь, в чем угодно. Заставить его сказать мне, что, черт побери, на самом деле происходит.

Я поползла по кровати, пока не приблизилась к его лицу.

— Дэвид, поговори со мной!

Ничего.

Отлично.

Я отодвинулась с дрожащими ногами и попыталась слезть с матраса. Он схватил меня за руки, пытаясь удержать. И каким же придурком он был. Я дернулась сильнее. Воюя конечностями, мы свалились с кровати и покатались по полу. Его спина ударилась о деревянный пол. Тотчас же он перевернул нас снова, чтобы я оказалась под ним. В ушах шумела кровь. Я пинала и толкала, и боролась с ним со всей той обидой, которой он меня наполнил. Прежде чем он смог сориентироваться, я переكاتила нас вновь, возвращая себе позицию сверху. Он не сможет остановить меня, подонок. Побег был неминуем.

Но этого не произошло.

Дэвид схватил мое лицо обеими руками, и расплющил своими губами мои, поцелуем сбивая с меня спесь. Я открыла рот, и его язык проскользнул внутрь. Поцелуй был грубым и возбуждающим. Вдохнуть было невозможно. У нас у обоих была проблема с управлением гневом, и ни один из нас не воздержался от укусов. С его раненым ртом, он, определено, имел больше шансов проиграть. Довольно скоро металлический привкус крови попал на мой язык.

Он отстранился, шипя, на его опухшей верхней губе появилась свежая кровь.

— Черт.

Он схватил меня за руки. Я не облегчила это для него, борясь изо всех сил, которые были. Но он был сильнее. Относительно легко он придавил их к полу выше моей головы. Давление его эрекции между моих ног ощущалось совершенно, безумно. И, чем больше я

сопротивлялась ему, тем лучше это становилось. Адреналин уже разлился внутри меня, возбуждая меня. Потребность заняться с ним сексом сидела под кожей, покалывая, делая меня гиперчувствительной ко всему.

Так что это был агрессивный секс. Я не смогла решиться сделать ему больно, не по-настоящему. Но в этой ситуации были другие способы самоутвердиться. Он вернулся к моему рту, и я осторожно укусила его вновь.

Безумная улыбка появилась на его лице. Она, вероятно, соответствовала моей собственной. Мы оба задыхались, борясь с воздухом. Оба чертовски настойчивые. Без лишних слов он отпустил мои запястья и отстранился. Быстро схватил меня за талию и перевернул, поставив на локти и колени. Устраивая меня так, как ему хотелось. Дикие руки оторвали пуговицу и расстегнули мои джинсы. Он дернул вниз мои джинсы и безумно дорогие стринги, его тело нависло над моим.

Его руки поглаживали мою попу. Зубы продолжили все тот же путь над чувствительной кожей ягодицы, прямо над татуировкой с его именем. Одна рука проскользнула ниже, накрывая мою киску. Давление его пальцев там заставило меня увидеть звезды. Когда они начали гладить меня, вознося меня выше, я не смогла сдержать стон. Он ущипнул меня за попу, посылая острые ощущения. Потом он прижался поцелуем к моему позвоночнику. Щетина на его подбородке оцарапала мое плечо.

Отсутствие слов, абсолютная тишина, за исключением нашего тяжелого дыхания, усилила все это. Это происходило по-другому.

Один палец проскользнул внутрь меня. Этого далеко не достаточно, черт побери. Он засунул второй палец, немного расширяя меня. Несколько раз он медленно вдавливал их в меня. Я подалась назад к его руке, нуждаясь в большем. Затем послышались звук открываемой прикроватной тумбочки, он искал презерватив. Его пальцы выскользнули из меня, и эта потеря причинила страдания. Я услышала, как расстегнулась его молния, шелест одежды и шуршание упаковки презерватива. Потом его член прижался ко мне, потерся о мой вход. Он продвигался медленно и спокойно, заполняя меня, пока не осталось ничего, кроме меня и его. На мгновение он остановился, позволяя мне привыкнуть.

Но ненадолго.

Руки сжали мои бедра, и он начал двигаться. Каждый толчок был немного быстрее и сильнее, чем предыдущий. Тяжелое дыхание и хлопки кожи об кожу поглощали тишину. Насыщенный запах секса висел в воздухе. Я подалась назад к нему, встречая его толчок толчком, стимулируя его. Не было ничего милого и медленного этим утром. Ни один из нас не был нежен. Мои джинсы сковали меня в коленях, побуждая меня скользить немного вперед с каждым толчком. Его пальцы впились в мои бедра, удерживая меня на месте. Он задел что-то во мне, и я начала ловить ртом воздух. Снова и снова, он достигал этого места, делая меня безумной. Я чувствовала, что перегреваюсь. Как будто во мне пылает огонь. По моей коже стекал пот. Я наклонила голову, закрыла глаза и держалась за пол из последних сил. Мой голос вырвался без моего согласия, произнося его имя. Проклятье. Мое тело не было моим. Я кончила, покачиваясь на волнах ощущений. Моя спина прогнулась, растягивая каждую мышцу.

Дэвид толкнулся в меня, его руки проскользнули по моей влажной коже. Он кончил молча через секунду, оставаясь глубоко во мне. Его лицо опустилось на мою спину, руки обернулись вокруг моего тела, это было удачно. Я потеряла силу притяжения. Медленно я сползла на пол. Если бы он не держал меня, я бы впечталась лицом в пол. Сомневаюсь, что

меня это заботило.

В тишине он поднял меня, отнес в ванную комнату и посадил на раковину. Не суетясь он снял презерватив и начал набирать ванну, удерживая руку под краном, проверяя температуру. Он раздел меня, как будто я была ребенком — расшнуровал мои кроссовки, снял носки, джинсы, трусики. Стянул с меня майку и расстегнул мой лифчик. Его собственная одежда была сорвана с него менее осторожно. Я чувствовала себя необычно — находясь голой рядом с ним, из-за того, как он вел себя со мной. Был таким заботливым, несмотря на мои манеры и неповоротливость. Он относился ко мне, словно я драгоценность. Будто я фарфоровая кукла. В определенных обстоятельствах он, очевидно, мог заниматься со мной грубым сексом. Еще раз он проверил воду, затем поднял меня вновь, и мы шагнули в ванну.

Я прижалась к нему, кожа быстро остывала. Мои зубы стучали. Он крепко обнял меня, положив щеку на макушку.

— Извини, если был слишком груб, — наконец, сказал он. — Я не думал так, когда обвинял тебя в подобном дерьме. Я просто... черт. Извини.

— Грубость не проблема, а вот с доверием проблема... нам нужно поговорить об этом как-нибудь, — я положила голову на его плечо, посмотрев вверх в его обеспокоенные глаза.

Его подбородок дернулся, когда он кивнул мне.

— Но прямо сейчас я хочу поговорить о Вегасе.

Руки вокруг меня напряглись.

— А что с Вегасом?

Я смотрела на него, все еще пытаюсь все обдумать. Я не хотела, чтобы он понял это неправильно, как бы то ни было.

Наша женитьба, вот о чем это было.

Дерьмо.

— Мы многое обсудили за прошедшие двадцать четыре часа, — сказала я.

— Да, полагаю, что так.

Я показала на свою руку, на мое блестящее кольцо. Размер бриллианта был не важен. То, что Дэвид одел его мне, вот это делало кольцо важным.

— Мы говорили о многих вещах. Мы спали вместе и мы дали друг другу обещания, важные.

— Ты жалеешь о чем-нибудь?

Моя рука проскользнула на его затылок.

— Нет, Однозначно нет. Но, если ты проснешься завтра и каким-то образом забудешь все это. Если это станет пустым для тебя, как будто это никогда не происходило, я буду очень зла на тебя.

Он наморщил лоб.

— Я ненавижу тебя за то, что ты забыла, когда для меня это значило все, — он облизнул свои губы и выключил кран ногой. Без льющейся воды комната тотчас погрузилась в тишину. — Ага, — сказал он. — Я был зол.

— Я не собираюсь злить тебя, таким образом, снова.

Подо мной его грудь тяжело поднялась и опустилась.

— Хорошо.

— Знаю, чтобы научиться кому-то доверять, нужно много времени. Но между тем, мне нужно, чтобы ты, по крайней мере, верил мне на слово.

— Я знаю, — голубые глаза смотрели на меня с настороженностью.

Я села повыше и дотянулась до губки на краю ванны.

— Позволь мне немного помыть тебя.

На его челюсти был темный синяк. Кровь запеклась под носом и около рта. Большой красный след появился на ребрах.

— Ты должен показаться врачу, — сказала я.

— Ничего не сломано.

Осторожно я вытерла кровь с уголка его рта и под носом. Видеть, как ему больно, было ужасно. От понимания, что я причина все этого, мой желудок скручивало.

— Скажи мне, если я нажимаю слишком сильно.

— Все хорошо.

— Мне жаль, что тебе причинили боль. Сегодня в баре и в Вегасе. Я не хотела, чтобы это случилось.

Его взгляд смягчился, а руки заскользили по мне.

— Я хочу, чтобы ты вернулась в ЛА со мной. Хочу, что ты была со мной. Я знаю, что твоя учеба, в конце концов, начнется, и нам надо будет что-то решать. Но что бы ни случилось, я не хочу, чтобы мы разлучались.

— Мы не будем этого делать.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Меня разбудил утренний свет. Я повернулась и потянулась. Дэвид лежал на спине возле меня и крепко спал. Его рука была на лице, прикрывая глаза. Быть здесь с ним, в моем мире все было правильно. И к тому же все было выставлено на показ. Он скинул с себя простыню ночью. Таким образом, утренний стояк оказался правдой. Вот так дела. В этом Лорен была права.

Я широко улыбалась как чокнутая, когда проснулась рядом с ним с обручальным кольцом, вернувшись обратно на мой палец. Конечно, пробуждение рядом с голым-приголым Дэвидом заставило бы улыбнуться кого угодно. Между ног слегка побаливало после прошлой ночи, но не слишком сильно. Этого было недостаточно, чтобы отвлечь меня от вида моего мужа.

Я переместилась чуть ниже по кровати, на этот раз оценивая его не спеша. У него не было большого пупка. Было маленькое углубление и тонкая дорожка темных волосков, ведущая вниз по его плоскому животу непосредственно к нему. А он был твердый, толстый и длинный.

Это был его пенис, конечно.

Хм. Нет, это звучит не очень.

Его член. Да, вот так лучше.

Прошлой ночью по его настоянию мы какое-то время сидели в теплой ванне, отмокали. Мы всего лишь болтали. Это было восхитительно. В разговоре больше не упоминалась женщина, которая, очевидно, изменила ему и/или бросила его когда-то в прошлом. Но я чувствовала ее скрытое присутствие. Время прогонит ее через заднюю дверь, я в этом уверена.

Он слегка пах мылом и, похоже, мускусом. Я не замечала раньше, что тепло имеет запах, но именно так пах Дэвид. Теплом, как будто он был чистым солнечным светом. Теплом, уютом и домом.

Я быстро осмотрела его лицо. Его глаза по-прежнему были скрыты под длинной рукой, спасибо боже. Его грудь равномерно поднималась и опускалась. Еще не хватало, чтобы он поймал меня обнюхивающей его промежность, независимо от того насколько поэтичны мои мысли. Это было бы смущение в таком масштабе, который я предпочла бы не испытывать.

Кожа выглядела супергладкой, несмотря на вены, а головка отчетливо выделялась. Он был необрезанный. Любопытство взяло надо мной верх. Вся передняя часть была в моем распоряжении, и вот тут-то я возбудилась. Я нежно положила ладонь на него. Кожа была мягкой и теплой. Осторожно, я обхватила его пальцами. Член дернулся, и я отпрянула, удивленная.

Дэвид разразился смехом, громким и долгим.

Подонки.

Смущение было плотиной, которая прорвалась внутри меня. Жар опалил мою шею.

— Извини, — сказал он, дотягиваясь до меня своей рукой. — Но ты должна была видеть свое лицо.

— Это не смешно.

— Малыш, ты не поверишь, как это было чертовски забавно, — он обхватил пальцами мое запястье, подтягивая меня вверх к себе. — Иди сюда. Ой, кончики твоих ушей

полностью розовые.

— Нет, не розовые, — пробормотала я, ложась ему на грудь.

Он провел рукой по моей спине, все еще хихикая.

— Все же не позволяй этому оставить отпечаток на всю жизнь. Мне нравится, когда ты трогаешь меня.

Я неопределенно вздохнула.

— Ты же знаешь, такое будет случаться всегда, когда ты играешь с моим членом.

Гарантирую.

— Знаю, — изгиб его шеи был удобным, чтобы зарыться в нем пылающим лицом, чем я и воспользовалась. — Это меня застало врасплох.

— Уверен, застало, — он сильнее сжал меня, а потом скользнул рукой вниз, чтобы накрыть ладонью мою попу. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Да?

— Немного больно, — признала я. — И много счастья. Хотя это было до того, как ты грубо надо мной насмеялся.

— Бедная малышка. Дай мне посмотреть, — произнес он, перекатывая меня на матрас, пока сам не оказался сверху.

— Что?

Он сел между моих ног, удерживая рукой мои колени разведенными. Он осмотрел меня опытным взглядом.

— Ты не выглядишь опухшей. Вероятно, немного болит внутри, да?

— Наверное, — я попыталась сдвинуть ноги, чтобы сомкнуть их. Потому что сильно сомневалась, что от того, как он смотрит на меня там, цвет моих ушей вряд ли изменится.

— Мне следовало быть более осторожным с тобой.

— Я в порядке. Не такая уж и хрупкая, честно.

— Мм.

— Нужно больше, чем раунд грубого секса на полу, чтобы начинать беспокоиться обо мне.

— Это так? Лежи спокойно, — сказал он, сползая ниже, чтобы улечься на край матраса.

Он устроился прямо между моих ног, лицом к лицу с моими женскими частями тела, и я гарантированно никуда не собиралась уходить. Я слышала много хорошего об этом, много такого, что заставляло меня чрезмерно смущаться. Плюс мне было любопытно.

Он прикоснулся губами к моей киске, тепло его дыхания заставило меня дрожать. Мышцы живота сжались в предвкушении.

Его взгляд встретился с моим поверх моего тела.

— Хорошо?

Я нетерпеливо кивнула.

— Положи еще одну подушку под свою голову, — проинструктировал он. — Хочу, чтобы ты могла наблюдать.

У моего мужа отличные идеи. Я сделала, как он сказал, устроилась, чтобы наблюдать, хотя мои ноги дрожали. Он поцеловал внутреннюю сторону бедер, сначала одного бедра, затем другого. Все во мне сфокусировалось на ощущениях исходящих оттуда. Мой мир был маленьким идеальным местечком. За пределами нашей кровати не существовало ничего.

Его глаза закрылись, но мои оставались открытыми. Он оставил дорожку из поцелуев

над моими половыми губами, а затем проследил кончиком языка место их разделения. Это сработало. Тепло заполнило меня изнутри. Его руки обхватили нижнюю часть моих бедер, а пальцы выписывали маленькие круги на моей коже. Его губы не покидали мою киску. Это было так, как будто он целовался со мной там. Рот широко открыт, а язык ласкает, заставляя меня извиваться. Хватка на моих бедрах усилилась, удерживая меня рядом с ним. Даже прикосновение его волос и ощущение покалывания от его щетины на мне были захватывающими. Не знаю, когда я перестала наблюдать. Мои глаза закрылись сами собой от наступающего удовольствия. Это было потрясающе. Я не хотела, чтобы это заканчивалось. Но давление внутри меня росло, и я не могла больше держаться. Я кончила с криком, мое тело натянулось до кончиков пальцев. Каждая часть меня покалывала. Он не отстранялся, пока я лежала абсолютно неподвижно, сосредоточившись только на дыхании.

— Я прощен за то, что смеялся над тобой? — спросил он, передвигаясь вверх по кровати, чтобы оставить поцелуй на моем плече.

— Конечно.

— А как насчет грубого секса на деревянному полу? Я и за это прощен?

— Ммхмм.

Матрас прогнулся подо мной, когда он двинулся выше. Его теплый рот задержался на изгибе моей груди, на линии ключицы.

— Мне правда понравилось это, — сказала я тихо и лениво. Мои глаза понемногу открылись.

— Тебе к лицу быть опьяненной от секса, Эвелин, — рука погладила мое бедро, и он улыбнулся, глядя вниз на меня. — Я буду питаться тобой всегда, как только ты захочешь. Стоит тебе только попросить.

Я улыбнулась ему в ответ. И улыбка, возможно, немного дернулась в уголках. Говорить о подобных вещах было все еще ново для меня.

— Скажи мне, что тебе понравилось, что я лизал твою великолепную киску.

— Я сказала, мне понравилось это.

— Ты стесняешься, — Дэвид сдвинул брови. В его глазах появилось озорство. — Ты можешь говорить о грубом сексе на полу, но не можешь о кунилингусе? Скажи «киска».

Я закатила глаза:

— Киска.

— Еще раз. Не так, как будто ты говоришь «кошка».

— Я не говорю это, как «кошка». Киска. Киска, киска, киска. Киска не та, которая «кошка». Доволен? — я засмеялась, скользя рукой вниз по его груди, направляясь к паху.

— Могу я чем-нибудь помочь тебе сейчас?

Он взял мою руку, поднес ее к своим губам и поцеловал.

— Я собирался подождать до сегодняшней ночи, когда мы сможем заняться любовью вновь, если ты будешь себя хорошо чувствовать.

— Мы займемся любовью сегодня вечером, Мистер Совершенство?

— Конечно, — он ухмыльнулся, поднимаясь с кровати. — Мы будем снова заниматься любовью, а затем снова трахаться. Думаю, мы должны уделить побольше времени тому, чтобы выяснить различия. Будет весело.

— Хорошо, — быстро согласилась. Я не была глупой.

— Вот это моя девочка, — он протянул мне руку. — Ты так чертовски прекрасна. Знаешь, я не способен ждать до сегодняшней ночи.

— Нет?

— Нет. Посмотри на себя, ты лежишь голая в моей кровати. Я никогда не видел ничего, чтобы мне нравилось больше, — он покачал головой со страдальческой гримасой на лице, когда его глаза путешествовали по моему телу. Мой муж был невероятно полезен для моего самомнения. Но в тоже время он заставлял меня чувствовать себя робкой и благодарной.

— Я был гребаным идиотом, когда предложил подождать, — сказал он, отступая назад и маня меня пальцем. — И ты ведь знаешь, как я ненавижу находиться вдалеке от тебя. Пойдем, поможешь в душе? Ты получишь хорошие практические навыки.

Я сползла за ним с кровати.

— Думаешь?

— О, да. И ты знаешь, насколько серьезно я отношусь к тебе и твоему образованию.

*

— Ты отстой, — произнесла Лорен, ее голос отражался эхом на линии. Пэм предупреждала меня, что в некоторых местах на берегу телефон ловил плохо. — Не говорю, что по-прежнему не люблю тебя, — сказала она. — Но, знаешь...

— Понимаю. Мне жаль, — ответила я, устраиваясь в углу дивана. Мужчины были заняты в студии, записывая музыку. Пэм ушла выполнять поручения в городе. У меня тоже были дела. Распаковка коробок. Мечты о счастливом браке, которые разрослись до безумных, нереальных размеров в моей голове.

— Не важно. Рассказывай, — приказала она.

— Ну, мы все еще женаты. На сей раз все хорошо.

Лорен кричала мне в ухо. Ей понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться.

— О, мой бог, я верила, что что-нибудь получится. Он так чертовски сексуален.

— Да, это действительно так. Но он больше, чем только это. Он замечательный.

— Продолжай.

— Я имею в виду, по-настоящему замечательный.

Она расхохоталась.

— Ты уже использовала слово «замечательный». Придумай другое слово, Золушка. Дай моей внутренней фанатке что-нибудь, о чем я могла бы помечтать.

— Не мечтай о моем муже. Это не прикольно.

— Ты опоздала на шесть лет с этим предупреждением. Я мечтала о Дэвиде Феррисе задолго до того, как ты одела на него колечко в Вегасе.

— На самом деле, у него нет кольца.

— Нет? Ты должна это исправить.

— Хмм, — я уставилась в окно на океан. Высоко в небе птичка лениво наматывала круги. — Мы в его доме в Монтерее. Здесь красиво.

— Ты уехала из ЛА?

— ЛА не так уж хорош. С этими поклонницами, и адвокатами, и менеджерами, и всем подобным, там было достаточно дерьмово.

— Подробности, детка. Выкладывай.

Я подтянула колени к груди и поправила свои джинсы, испытывая противоречия. Обсуждать наши личные с Дэвидом дела у него за спиной было неправильно. Даже, если

обсуждать с Лорен. Все поменялось. Заметнее всего изменился наш брак. Но было кое-что, что я могла рассказать.

— Люди, которые там были, как будто с другой планеты. Я не вписывалась. Хотя тебе бы понравились вечеринки, которые они устраивают. Дом был битком набит кучей гламурных людей. Это было впечатляюще.

— Ты заставляешь меня безумно тебе завидовать. Кто там был?

Я назвала ей пару имен, а она в это время охала и ахала.

— Но я не скучаю по ЛА. Все так хорошо теперь, когда мы здесь, Лорен. Мы приостановили аннулирование. Мы собираемся посмотреть, как все будет дальше.

— Это так романтично. Скажи мне, что ты покувыркалась с этим великолепным мужским телом, пожалуйста. Не заставляй меня кричать.

— Лорен, — вздохнула я.

— Да или нет?

Я колебалась, а она начала кричать на меня, довольно предсказуемо.

— ДА ИЛИ НЕТ?

— Да. Хорошо? Да.

На сей раз ее вопль нанес непоправимый ущерб моим барабанным перепонкам. Все, что я могла услышать — звон. Когда это прекратилось, кто-то пробормотал на заднем плане. Какой-то мужчина

— Кто там? — спросила я.

— Никто. Просто друг.

— Друг просто друг или «друг»?

— Просто друг. Не вешай трубку, перейду в другую комнату. И мы говорим о тебе, супруге Дэвида Ферриса, всемирно известного ведущего гитариста «Стейдж Дайв».

— Я знаю этого друга? — спросила я, теперь полностью проснулось мое любопытство.

— Ты ведь знаешь о фотографии твоей попы, которая повсюду?

От этой фразы, я поежилась.

— Ум, да, я знаю.

— Облом. Хаха! Но серьезно, ты выглядела хорошо. Моя и наполовину не выглядела бы так классно. Бьюсь об заклад, ты рада, что ходила пешком до кампуса в прошлом семестре, а не ездила все время на машине, как ленивая я. Уверена, что так и было той самой ночью в Вегасе, мисси.

— Давай поговорим о твоём друге, вместо моей задницы. Или Вегаса.

— Или мы можем поговорить о твоей сексуальной жизни. Поскольку последние несколько лет мы говорили о моей, и у нас не было возможности поговорить о твоей, подруга, — сказала она нараспев с ликованием в голосе.

— Эвви! Хочешь содовой? — крикнул Мал, появившись из студии и проходя мимо меня на кухню.

— Да, пожалуйста.

— Кто это? — спросила Лорен.

— Барабанщик. Они кое-что записывают.

Лорен ахнула:

— Вся группа там?

— Нет, только Мал, и еще друг Дэвида.

— Малкольм там? Он реально горяч, но стопроцентный мужчина-шлюха, — она

любезно добавила: — Ты должна увидеть то количество девушек, с которыми его фотографировали.

— Вот, держи, ребенок-невеста, — Мал подал мне ледяную бутылку, уже откупоренную.

— Спасибо, Мал, — сказала я.

Он подмигнул и ушел обратно.

— Меня это не касается, — ответила я Лорен.

Она щелкнула языком.

— Ты не лазила в интернет, чтобы разузнать что-нибудь о них? В этой ситуации ты действуешь вслепую.

— Это не правильно, выяснять что бы то ни было о них тайком.

— Наивность сексуальна только до определенного момента, детка.

— Это не наивность, детка. Это уважение их частной жизни.

— Частью, которой ты теперь и являешься.

— К вопросу о частной жизни. Почему они должны доверять мне, если я выискиваю о них в интернете?

— Ты и твои отговорки, — вздохнула Лорен. — То есть ты не знаешь, что они начали гастролировать, когда Дэвиду было шестнадцать? Они отправились на концерт в поддержку группы по Азии, и с того времени они постоянно находились в дороге или в студии звукозаписи. Адская жизнь, да?

— Да. Он сказал, что готов притормозить.

— Я не удивлена. Слухи о том, что группа распадается, ходят везде. Если сможешь, попытайся помешать этому, пожалуйста. И заставь своего мужа включиться в работу, поторопиться и написать новый альбом. Я рассчитываю на тебя.

— Без проблем, — сказала я, не рассказывая ей о том, что Дэвид написал для меня песни. Это личное. По крайней мере, на данный момент. Список того, чем я не могла поделиться с Лорен, рос в геометрической прогрессии.

— Я хотела, чтобы ты разбила парню сердце и таким образом мы бы получили еще один альбом, похожий на «San Pedro». Но я могу сказать, что ты собираешься это усложнить.

— Твои представления о вдохновении очень странные.

Она захихикала:

— Ты знаешь, что в том альбоме есть песня о домике в Монтерее?

— Да?

— О, да. Это знаменитая «House of Sand» («Дом из песка» — прим.пер.). Эпическая песня о любви. Возлюбленная Дэвида со старших классов изменила ему, пока он был в турне по Европе, когда ему было двадцать один год. Он купил этот дом для них, чтобы они жили в нем.

— Остановись, Лорен. Это... дерьмо, это личное, — мое сердце и разум пустились наперегонки. — Этот дом?

— Да. Они были вместе много лет. Дэвид был уничтожен. Потом какая-то сука, с которой он переспал, продала эту историю прессе. Помимо этого, мама бросила его, когда ему было двенадцать. Повсюду, где в его жизни присутствовали женщины, они приносили какие-то проблемы.

— Нет, Лорен, остановись. Я серьезно, — сказала я, сжимая телефон. — Он расскажет мне все это, когда будет готов. Это не правильно.

— Просто подготавливаю тебя. Не вижу в этом никакой проблемы.

— Лорен.

— Хорошо. Молчу. Хотя, ты, действительно, должна была узнать любопытные подробности, серьезно. События, которые оставили шрам.

Она дала подсказку. Эта информация объясняла его обвинения относительно моей поездки, и то, как он сильно отреагировал на это. Две самые важные женщины в его жизни бросили его. Хотя то, как я получила эту информацию, по-прежнему было неправильным. Когда он будет достаточно доверять мне, он расскажет, он должен. Но у меня все еще не было шанса завоевать его доверие. Такая личная информация так легко не выбалтывается при первой же встрече. Как ужасно, что все это находится в интернете, просто ожидая, когда люди это обнаружат, и обсудят просто так, ради развлечения. Это слишком личное. Не удивительно, что он беспокоился о том, что я поговорю с прессой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я сделала глоток содовой и приложила холодную бутылку к щеке.

— Я правда хочу, чтобы все получилось.

— Я понимаю это. Слышу это в твоём голосе, когда ты говоришь о нём, ты влюбилась в него.

Я выпрямилась.

— Что? Нет. Это сумасшествие. По крайней мере, еще нет. Мы только несколько дней вместе. Я кажусь влюбленной? Правда?

— Время неважно, когда это имеет отношение к сердцу.

— Возможно, — встревожено произнесла я.

— Слушай, Джимми встречался с Лив Эндрюс. Если ты ее увидишь, я определенно хочу получить автограф. Обожаю ее последний фильм.

— Джимми не так уж и классный. Это может быть неудобно.

Она фыркнула.

— Прекрасно. Но, тем не менее, ты влюбилась.

— Замолчи, сейчас же.

— Что? Я думаю это мило.

Бормотание таинственного друга Лорен прервало мой увеличивающийся страх.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Будь на связи, хорошо? Позвони мне.

— Позвоню.

— Пока.

Я сказала «пока», но она уже положила трубку.

— Ты хмуришься, — Дэвид медленно подошел ко мне сзади. Наклонил голову набок, от чего его темные волосы упали ему на лицо. Он убрал их за ухо и придвинулся ближе. — Почему?

Я готовила ужин. В морозилке я нашла основы для пиццы, так что вытащила их размораживаться, я стала нарезать начинки и тереть на терке сыр, продолжая обдумывать то, что сказала мне Лорен. Этот дом больше не казался таким уж гостеприимным. После того как я узнала, что он был куплен для другой женщины, мои чувства к этому месту изменились. Я вновь ощущала себя незваным гостем. Ужасно, но это так. Неуверенность — отстой.

— Дай мне, — находясь позади меня, он схватил мое запястье и потянул руку ко рту, слизывая томатный соус с моего пальца. — Мм. Ням-ням.

Мой желудок сжался в ответ. Боже, его рот на мне этим утром. Его планы для нас на вечер. Было похоже на мечту, на безумно красивый сон, от которого я не хотела просыпаться. Да и не должна была. Все было хорошо. Мы все решили. Мы вновь теперь женаты, связаны. Он скользнул рукой вокруг моей талии и прижался к моей спине, не оставляя между нами места для сомнений.

— Как дела внизу? — спросила я.

— Очень хорошо. Довели до ума четыре песни. Извини, мы немного увлеклись, — сказал он, целуя меня в шею и прогоняя последние плохие мысли прочь. — Но сейчас наше время.

— Хорошо.

— Готовишь пиццу?

— Ага.

— Могу я помочь? — спросил он, все еще прижимаясь к моей шее. Щетина на его подбородке слегка оцарапала кожу, ощущение странное и в то же время чудесное. Он вызывал во мне дрожь. До того момента, пока он не остановился. — Ты добавляешь брокколи?

— Мне нравится пицца с овощами.

— Цуккини тоже. Ха, — в его голосе было недоверие. Он уперся подбородком в мое плечо. — Как на счет этого?

— А еще бекон, сосиски, грибы, перец, помидоры и три вида сыра, — я указала разделочным ножом на свою великолепную коллекцию ингредиентов. — Подожди, пока попробуешь их. Это будут лучшие пиццы на свете.

— Конечно, будут. Сейчас я скомпоную их вместе, — он повернул меня лицом к себе, отодвигаясь, когда мой здоровенный нож случайно промелькнул перед ним. Руками он приподнял меня за бедра и усадил на кухонный островок. — Составь мне компанию.

— Обязательно.

Он достал из холодильника пиво для себя и содовую для меня, так как я все еще избегала алкоголя. Голоса Тайлера и Мала доносились из комнаты отдыха.

— Мы завтра снова работаем? — крикнул Тайлер.

— Извини, чувак. Мы собираемся отправиться назад в ЛА, — сказал Дэвид, пока мы руки в раковине. У него были великолепные руки с длинными, крепкими пальцами. — Мне

нужно пару дней, чтобы разобраться там с кое с чем, затем мы снова приедем.

Тайлер выглянул из-за угла, махнув мне рукой.

— Звучит хорошо. Это здорово собираться вместе. В следующий раз возьмешь с собой Бена и Джимми?

Дэвид поморщился, его глаза не выражали счастья.

— Да, я посмотрю как они там.

— Круто. Пэмми на улице, так что я побежал. У нас сегодня вечер свиданий.

— Развлекайтесь, — я помахала в ответ.

Тайлер ухмыльнулся.

— Как всегда.

Тихо посмеиваясь, неторопливо вошел Мал.

— Вечер свиданий, серьезно... что, черт возьми, это такое? Старики такие странные.

Чувак, ты не можешь положить брокколи в пиццу.

— Могу, — Дэвид был занят, раскладывая перец вокруг маленьких соцветий брокколи.

— Нет, — сказал Мал. — Это просто неправильно.

— Заткнись. Эв хочет пиццу с брокколи и она ее получит.

Ледяная, сладкая содовая проскользнула в мое горло, было очень приятно.

— Не переживай, Мал. Овощи — твои друзья.

— Ты лжешь, ребенок-невеста, — его рот скривился от недовольства, и он достал бутылку сока из холодильника. — Неважно. Я просто уберу ее.

— Нет, ты уходишь, — сказал Дэвид. — У нас с Эв тоже свидание сегодня вечером.

— Что? Ты, блин, разыгрываешь меня. И куда мне идти?

Дэвид просто пожал плечами и разбросал пеперони поверх его неуклонно растущего творения.

— Да ладно тебе. Эвви, ты же поддержишь меня? — Мал состроил мне самое несчастное лицо из всех существующих. Это была печаль смешанная со страданиями и легким налетом одиночества. Он даже наклонился и положил голову мне на коленку. — Если я остановлюсь в городе, то все они узнают, что мы здесь.

— У тебя есть твоя машина, — произнес Дэвид.

— Вокруг ничего нет, — пожаловался Мал. — Не позволяй ему вышвырнуть меня в эту дикую местность. Я буду съеден чертовыми медведями или еще кем-нибудь.

— Не уверена, что здесь есть медведи, — ответила я.

— Не болтай чушь, Мал, — сказал Дэвид. — И убери голову с ноги моей жены.

Громко ворча, Мал выпрямился:

— Твоя жена — мой друг. Она не позволит тебе так со мной поступить!

— Это так? — Дэвид посмотрел на меня, и его лицо вытянулось. — Черт, малышка. Нет. Ты не можешь повестись на это дерьмо. Это всего на одну ночь.

— Может быть, мы поднимемся наверх, в нашу комнату. Или он может просто остаться в студии внизу или еще как-то, — я поморщилась.

Дэвид пропустил свои волосы сквозь пальцы. Синяк на его несчастной щеке нуждался в моем поцелуе. Его лоб нахмурился, как у Джеймса Дина, когда он рассматривал своего друга.

— Боже. Прекрати делать такое печальное лицо. Имей немного достоинства.

Он шлепнул Мала по затылку рукой, отчего длинные светлые волосы того полетели ему в лицо. Отступая, Мал ушел с линии огня.

— Хорошо. Я останусь в студии в подвале. Я даже съем вашу дерьмовую пиццу с брокколи.

— Дэвид, — я схватила его за футболку и потянула к себе. И он подошел, прекращая преследовать Мала.

— Предполагалось, что это будет наше время, — сказал он.

— Знаю. Оно и будет нашим.

— Да! — крикнул Мал, уходя. — Я буду внизу. Позовите, когда ужин будет готов.

— У него в каждом городе по девушке, — произнес Дэвид, сердито глядя ему в след. —

Ни при каких обстоятельствах он бы не ночевал в машине. Тебя надули.

— Возможно. Но я беспокоюсь за него, — я заправила его темные волосы за уши, потом опустила руки на затылок, притягивая его ближе. Все гвоздики в его ушах были серебряные, небольшие. Череп, «X», и суперкрошечный блестящий бриллиант. До этого я его не замечала.

Он зажал мочку уха между большим и указательным пальцем, загораживая мне обзор.

— Что-то не так? — спросил он.

— Я просто смотрю на твои серьги. Они значат что-нибудь особенное?

— Не-а, — он чмокнул меня в щеку. — Почему ты хмурилась? — он взял горсть грибов и начал раскладывать их на пиццы. — И сейчас ты снова это делаешь.

Дерьмо. Я немного выждала, прокручивая в голове варианты оправданий. Я понятия не имела, как он отреагирует на то, что я знаю информацию, которую мне рассказала Лорен. Что если он подумает, что это я расспрашивала о них? Начинать спор был не лучший выбор. Но и лгать тоже. По большому счету, утаивание было ложью и это немаловажно. Я это понимала.

— Я сегодня разговаривала с Лорен, моей подругой.

— Ммхмм.

Я просунула руки между ног и, мешкая, крепко сжала их.

— Она и в самом деле ваша большая фанатка.

— Ага, ты говорила, — он улыбнулся мне. — Мне позволено познакомиться с ней или она также под запретом, как и твой папа?

— Ты можешь встретиться с моим отцом, если хочешь.

— Хочу. В ближайшее время съездим в Майами, и я представлю тебя своему, ладно?

— Мне нравится это, — я сделала глубокий вдох, прежде чем сказать: — Дэвид, Лорен кое-что рассказала мне. И я не хочу это скрывать от тебя. Но я не знаю, как ты отреагируешь на те факты, которые она мне рассказала.

— Факты? — он повернул голову, сощурившись.

— О тебе.

— Эх, ясно, — он взял две горсти натертого сыра и разбросал их по пиццам. — Так ты не искала информацию обо мне в Википедии или в подобном дерьме?

— Нет, — сказала я, ужаснувшись этой мысли.

— Ничего страшного. Что ты хочешь узнать, Эв? — пробормотал он.

Я не знала, что сказать. Так что я схватила свою содовую и выпила залпом примерно половину. Плохая идея — это не помогло. Вместо этого, мои мозги слегка обмерзли, жалея чуть повыше переносицы.

— Давай. Спрашивай меня все, что хочешь, — сказал он.

Он был недоволен. Сердито сведенные на переносице брови прекрасно мне это

продемонстрировали. Не думаю, что когда-либо встречала такое выразительное лицо, как у Дэвида. Или, может быть, он просто полностью очаровал меня.

— Хорошо. Какой твой любимый цвет?

— Это не то, о чем тебе рассказывала твоя подруга, — он усмехнулся.

— Ты сказал, я могу спросить все, что хочу, и я хочу знать какой твой любимый цвет.

— Черный. И я знаю, что это на самом деле не цвет. Я пропускал много школьных занятий, но в тот день я был, — его язык двигался за щекой. — Что на счет твоего?

— Голубой, — я наблюдала, как он открыл дверцу духовки. Формы для выпечки с грохотом стукнули по решетке. — Какая твоя любимая песня?

— Мы охватим все основные моменты?

— Мы женаты. Думаю, это было бы замечательно. Мы вроде как пропустили большинство из «нужно-знать» вещей.

— Ладно, — уголок его рта приподнялся, и он послал мне взгляд, который говорил, что он согласен играть в «избегание». Появилась легкая улыбка.

— У меня много любимой музыки, — сказал он. — «Four Sticks» Led Zeppelin^[18] в этом числе. Твоя — «Need You Now» Lady Antebellum^[19], в исполнении человека, изображающего Элвиса. К сожалению.

— Да ладно. Я была нетрезвая. Это несправедливо.

— Но это правда.

— Может быть, — мне по-прежнему было жаль, что я не помнила этого. — Любимая книга?

— Я люблю комиксы. Типа «Посланник ада», «Проповедник».

Я наполнила рот содовой, пытаюсь придумать гениальный вопрос. В моей голове появлялись только всякие явно банальные. Я ужасна при знакомствах. Видимо, все же хорошо, что мы пропустили эту часть.

— Стой, — сказал он. — А твоя?

— «Джейн Эйр». Что насчет любимого фильма?

— «Зловещие мертвецы-2». Твой?

— «Переступить черту».

— Тот про мужчину в черном? Прикольно. Хорошо, — он хлопнул в ладоши и потер их друг об друга. — Моя очередь. Расскажи что-нибудь ужасное. Что-то, в чем бы ты не призналась ни одной другой живой душе.

— О, есть кое-что, — ужасное, но по-хорошему. Почему я не придумала подобный вопрос?

Он усмехнулся, держа во рту горлышко бутылки с пивом, очень довольный собой.

— Дай мне подумать...

— Время ограничено.

— Нет ограничения времени, — я прищурилась, глядя на него.

— Есть, — сказал он. — Потому что так ты не сможешь постараться и придумать что-то полухреновое, чтобы рассказать мне. Ты должна рассказать первую ужасную вещь, которая пришла тебе в голову, и о которой ты не хочешь, чтобы кто-нибудь еще узнал. Это честно.

— Хорошо, — фыркнула я. — Я целовалась с девочкой по имени Аманда Харпер, когда мне было пятнадцать.

Он поднял подбородок:

— Ты целовалась?

— Да.

Он придвинулся поближе, глядя с любопытством:

— Тебе понравилось?

— Нет. Не совсем. Я имею в виду, было нормально, — я, ссутулившись, вцепилась в край столешницы. — Она была школьной лесбиянкой, и я хотела проверить, вдруг я тоже была одной из них.

— В твоей школе была только одна лесбиянка?

— Ох, я подозревала еще нескольких человек, но только она открыто заявляла об этом. Она сама себя так именовала.

— Хорошо для нее, — его руки легли мне на коленки и раздвинули их, освобождая место для него. — Почему ты думала, что была лесбиянкой?

— Точнее, я надеялась, что была би, — сказала я. — Больше выбора. Так как, честно говоря, парни в школе были...

— Они были что? — он сжал мою попу и, двигая меня по столешнице, приблизил к себе. Я нисколько не сопротивлялась.

— Они на самом деле меня не интересовали.

— Но поцелуй с твоей лесби-подругой Амандой также не заинтересовал тебя? — спросил он.

— Да, не заинтересовал.

Он цокнул языком:

— Блин. Это печальная история. И, между прочим, ты обманываешь.

— Что? Как?

— Ты должна была рассказать мне что-то ужасное, — его улыбка осталась позади. — Рассказать мне о твоём поцелуе с языком с девочкой — это даже отдаленно не ужасно.

— Я не говорила, что было с языком.

— А было с языком?

— Слегка. Легкое касание, возможно. Но потом я забеспокоилась и остановилась.

Он сделал еще глоток пива:

— Твои кончики ушей снова стали розовыми.

— Держу пари так и есть, — засмеялась я и наклонила голову. — Я не обманываю. Я никому не рассказывала об этом поцелуе. Я собиралась унести это с собой в могилу. Ты должен гордиться тем, как я доверяю тебе.

— Да, но рассказать мне что-то, что я, скорее всего, найду возбуждающим — это обман. Ты должна рассказать мне что-то ужасное. Правила ясны. Попробуй снова и на этот раз расскажи что-нибудь страшное.

— Это очень возбуждающе?

— В следующий раз, когда я буду принимать душ, я, определенно, воспользуюсь этой историей.

Я прикусила язык и отвела взгляд. Воспоминания этого утра, как Дэвид намыливает мои руки, а затем притягивает их к себе, атаковали мой рассудок. Мысли о нем, мастурбирующем из-за моего рассказа о подростковом сексуальном эксперименте... «удостоены чести» не совсем правильные слова. Но я не могла сказать, что мне не понравилась эта идея.

— Ну, только представь меня постарше. Пятнадцать — немного отвратительно.

— Ты всего лишь поцеловала ее.

— Ты оставишь все как есть в своей голове? Ты будешь уважать точность и правомерность, и не зайдешь дальше в том, что было между мной и Амандой?

— Хорошо. Я представлю тебя старше. И чертовски безумно любопытной, — он притянул меня ближе, снова используя свой «руки-на-моей-попе» метод, и я обхватила его своими руками.

— Теперь, давай снова, и на этот раз как следует.

— Ага, ага.

Он медленно целовал одну сторону моей шеи:

— Ты ведь не солгала на счет Аманды?

— Нет.

— Хорошо. Мне понравилась эта история. Ты должна рассказывать мне ее чаще. Теперь давай-ка снова.

Я колебалась, оттягивая. Дэвид прислонил свой лоб к моему, тяжело вздохнув:

— Просто, черт возьми, расскажи что-нибудь.

— Я не могу ни о чем думать.

— Чушь.

— Я не могу, — проскулила я. В любом случае я не хотела бы делиться всем.

— Скажи мне.

Я застонала и слегка ударила своим лбом о его лоб.

— Дэвид, ты последний человек, перед кем я хотела бы выставить себя с плохой стороны.

Он отстранился, осматривая меня:

— Ты переживаешь из-за того, что я подумаю о тебе?

— Конечно.

— Ты честная и хорошая, детка. Ничего из того, что ты могла сделать, не может быть настолько плохим.

— Но честность — не всегда хорошо, — сказала я, пытаюсь объяснить. — Я постоянно открываю свой рот, когда не должна. Высказываю свое мнение людям, когда должна бы промолчать. Я сначала делаю, потом только думаю. Посмотри, что произошло в Вегасе между нами. В то утро я не задала ни одного правильного вопроса. И я всегда буду сожалеть об этом.

— В Вегасе была экстремальная ситуация, — он рукой гладил мою спину, успокаивая меня. — Тебе не стоит беспокоиться об этом.

— Ты спросил меня, как я себя почувствовала, когда на тебе висела та поклонница в ЛА. Тогда я справилась с этим. Но суть в том, что если бы такое случилось сейчас, и какая-то женщина попыталась прилипнуть к тебе, я бы, вероятно, сильно расстроилась. Я не всегда смогу спокойно реагировать на шумиху вокруг тебя. Что тогда произойдет?

Он издал горловой звук:

— Не знаю, я, в конце концов, пойму, что ты человек? Что ты иногда можешь выходить из себя, как и все остальные?

Я не ответила.

— Мы оба вспыльчивы, Эв. Это данность. Мы просто должны быть более терпеливыми друг с другом, — он положил палец на мой подбородок, приподнимая его так, чтобы он поцеловать меня. — Теперь скажи мне, что тебе сегодня рассказала Лорен.

Я уставилась на него, застигнутая врасплох и загнанная в угол. Мои внутренности

скрутило в узел. Я должна сказать ему. Этого не избежать. Я не могла контролировать то, как он отреагирует.

— Она рассказала мне, что твоя первая девушка предала тебя.

Он на мгновение зажмурился.

— Да. Такое было. Мы были вместе очень долго, но... я всегда был либо на записи, либо на гастролях, — произнес он. — Мы были в турне по Европе в течение восьми-девяти месяцев, когда это произошло. Гастроли разрушают много пар. Поклонницы и весь этот образ жизни могут по-настоящему испортить тебя. Оставаться все время позади, вероятно, также нелегко.

Держу пари, что это так.

— Когда у тебя следующие гастроли?

Он покачал головой:

— Пока не назначены. И не будут до тех пор, пока мы не запишем новые песни, а этого до сих пор не произошло.

— Ясно. Как это работает? Я имею в виду, ты веришь что то, что происходит в турне, там и остается? — спросила я. Границы наших отношений в действительности никогда не устанавливались. А именно, что значит наш брак? Он хотел, чтобы мы были вместе, но у меня есть учеба, работа, моя жизнь. Возможно, хорошие жены бросили бы все это и поехали бы с группой. Или, возможно, жен даже не приглашали. Я не имела ни малейшего понятия.

— Ты спрашиваешь меня, планирую ли я изменять тебе?

— Я спрашиваю, как мы подстроимся друг под друга.

— Понятно, — он зажал губы между большим и указательным пальцами. — Ну, я думаю, не поступать плохо по отношению друг к другу было бы хорошим началом. Давай возьмем это за правило для нас, хорошо? Что касается группы и остального, я думаю, мы разберемся с этим постепенно.

— Согласна.

Он молча отстранился от меня и пересек лестничную клетку.

— Мал?

— Что?

— Захлопни там дверь и запри ее, — крикнул Дэвид. — Не поднимайся сюда ни при каких обстоятельствах. Пока я не скажу тебе, что можно. Понял?

Пауза, потом Мал крикнул в ответ:

— А если пожар?

— Сгори.

— Пошел ты, — хлопнула дверь в подвал.

— Запри ее!

Ответ Мала был приглушен, но его раздраженный тон было прекрасно слышно. Эти двое были более похожи на настоящих братьев, чем Дэвид со своим родным братом. Джимми был придурком, и это только одна из очень хороших причин, по которым мы никогда не должны возвращаться в ЛА. К сожалению, долго скрываться в Монтерее было невозможно.

Колледж, группа, семья, друзья и так далее и тому прочее.

Дэвид схватился сзади за свою футболку и стянул ее через голову.

— Правило номер два, если я снимаю футболку, то ты тоже снимаешь свою. Без футболок — теперь это правило будет использоваться для подобных разговоров. Я знаю, нам

нужно поговорить кое о чем. Но мы можем облегчить это.

— Так мы облегчим это? — ну очень сомневаюсь. Вся эта гладкая, горячая кожа просто ждала моих прикосновений, а мои пальцы жаждали сделать это. Необходимость удерживать язык во рту, в то время как его плоский живот и кубики пресса будут выставлены на показ, подвергала проверке мою силу духа. Вся эта красивая кожа с татуировками выкидывала из головы любую последовательную мысль. Боже милостивый, мужчина имел власть надо мной. Но погодите-ка, мы ведь женаты. Фактически, я была обязана пожирать глазами своего мужа. Это было бы неестественно и неправильно, если бы было иначе.

— Снимай, — сказал он, указывая подбородком на мою ненужную часть одежды.

На лестничной клетке стало тихо и спокойно. Никаких признаков жизни.

— Он не поднимется сюда. Я обещаю, — руки Дэвида схватили край моей футболки и осторожно потянули ее через мою голову, высвобождая конский хвостик, когда футболка застряла на нем.

Когда он потянулся руками к моему лифчику, я прижала предплечья к своей груди, удерживая лифчик на месте.

— Почему я не могу остаться в лифчике, просто на всякий случай...

— Это против правил. Ты действительно уже хочешь нарушить правила? Это на тебя не похоже.

— Дэвид.

— Эвелин, — Дэвид расстегнул застежку моего лифчика. — Мне нужно видеть твою голую грудь, малышка. Ты даже не представляешь как я, черт побери, люблю их. Отпусти.

— Почему ты придумываешь все эти правила?

— Я придумал только одно. О, нет — два. У нас также есть правило про измены, — он потянул за мой лифчик, и я ослабила хватку, позволяя ему снять его. Хотя я и не убрала руки.

— Давай, придумай какие-нибудь правила, — произнес он, дотрагиваясь своими пальцами до моих рук, заставляя каждый маленький волосок встать дыбом.

— Ты пытаешься отвлечь меня от разговора тем, что мы без одежды?

— Безусловно, нет. Теперь придумай правило.

Мои руки оставались поджатыми под подбородком, предплечья закрывали все самое важное, просто на всякий случай.

— Никакой лжи. Ни о чем.

— Принято.

Я с облегчением кивнула. Мы могли выполнять эти супружеские штучки. Я понимала это головой и своим сердцем. У нас все будет в порядке.

— Я доверяю тебе.

Он остановился, уставившись на меня.

— Спасибо. Это важно.

Я подождала, но он больше ничего не сказал.

— Ты доверяешь мне? — спросила я, заполняя тишину. В ту минуту как мои слова соскользнули с губ, я захотела их вернуть. Если я должна выпрашивать его доверие и любовь, то они ничего не значат. Еще хуже, что это причиняло ущерб. Я почувствовала, как между нами внезапно что-то надорвалось. И это сделала я. Самое неудачное время, чтобы проявить свое нетерпение! Жаль, что сейчас не середина зимы, а то я бы пошла и засунула свою голову в сугроб.

Его взгляд скользнул поверх моего плеча. Это и был для меня ответ. Искренность уже

продемонстрировала кто был главным. Как насчет этого? Я вдруг почувствовала, что мне холодно, и хотя это никак не было связано с тем, что я без футболки, мне очень захотелось надеть ее обратно.

— Я буду, Эв... Просто дай мне время, — на его лице отразилась чувство безысходности. Он сжал губы до такой степени, что они побелели. Потом посмотрел мне в глаза. Независимо от того, что он видел — это не помогало. Дерьмо.

— Все в порядке, правда, — сказала я, желая, что бы это было правдой.

— Ты лжешь мне?

— Нет. Нет. Мы будем в порядке.

Вместо ответа он поцеловал меня.

Не следовало разрушать такое своевременное отвлечение. Меня накрыло тепло. Его сожаление и моя боль оказались в тени, когда я положила свои руки на его. Я приподняла наши переплетенные руки и накрыла ими свою грудь. Мы оба застонали. Жар от его ладоней был потрясающим. Холод разочарования не мог бороться с ним. Химия между нами всегда выигрывала. Мне хотелось верить, что этот момент будет сопровождать больше чувств. Мои плечи двинулись вперед, вжимая меня сильнее в его руки, как будто сила притяжения земли переместилась к нему. Но также мне нужен был его рот. Черт, я хотела пробраться к нему в голову и прочесть его мысли. Я хотела все. Каждый его темный уголок. Каждую случайную мысль.

Наши губы встретились вновь, и он простонал, руками сминая мою грудь. Его язык проскользнул в мой рот, и я быстро и легко возбуждалась, желая его. Я нуждалась в нем. Мои внутренности сжались, а ногами я обвила его талию. Пусть попробует уйти сейчас. Я бы сражалась изо всех сил, чтобы удержать его. Большие пальцы его рук погладили мои соски, дразня меня. Мои руки выскользнули из его рук и накрыли его плечи, крепко удерживая. Он оставлял жаркие поцелуи по всему моему лицу, челюсти, шее. Полуголая или нет, полагаю, я не обратила бы внимания, даже если бы ученики из моей школы промаршировали парадом через комнату. Они могли жонглировать булавами и делать все что угодно, но только это сейчас было не важно.

Неудивительно, что люди относятся к сексу так серьезно или наоборот абсолютно несерьезно. Секс одурманивает разум и овладевает телом. Будто одновременно потерялся и тут же нашелся. Откровенно говоря, это немного пугало.

— У нас все будет прекрасно, — сказал он, дразня мочку моего уха зубами. Он потерялся своей твердостью об меня. Благослови бог того, кто придумал делать шов на джинсах прямо в том месте. У меня перед глазами заплясали искорки света. Было ли также приятно и ему? Я хотела, чтобы все сложилось как можно лучше, и хотела, чтобы он оказался прав в том, что у нас все будет прекрасно.

— Малышка, просто нужно время, — произнес он, его теплое дыхание скользнуло по моей коже.

— Из-за нее, — сказала я, нуждаясь в том, чтобы все было начистоту. Никаких секретов.

— Ага, — сказал он, его голос стих. — Из-за нее.

Немножко правды.

— Эвелин, есть только ты и я. Клянусь, — он вернулся к моему рту и поцеловал меня, как будто я очень хрупкая, позволяя мне только слегка попробовать его. Познать тепло и твердость его губ.

— Подожди, — сказала я, убирая свои ноги с него.

Он сощурился на меня своими темными затуманенными глазами.

— Отодвинься. Я хочу спрыгнуть.

— Хочешь? — уголки его прекрасного рта опустились вниз. Передняя часть его джинсов сообщала о его очевидной нужде. Это с ним сделала я. Круг почета вокруг кухонного островка, возможно, помог бы с этим справиться, но я все еще чувствовала себя превосходно. Осознание этого осело внутри меня. Все эти дни с ним это делала не она. Это была я.

Я соскользнула с края столешницы, и он схватил меня за бедра, облегчая мой спуск на пол. Тем лучше. Мои ноги были неустойчивы. Он посмотрел вниз на меня, наморщив лоб.

— Есть кое-что, что я хочу сделать, — объяснила я, пальцы дрожали от нервозности и возбуждения. Сначала я разобралась с кнопкой на его джинсах, прежде чем расстегивать молнию.

Он схватил меня за запястья:

— Эй. Подожди.

Я замедлилась, ожидая услышать то, что он мне скажет. Конечно, он не попытался бы сказать мне, что не хочет этого. Каждый парень хочет или так говорит. Он выглядел озадаченным, как будто я была частью, которая не соответствовала головоломке. Я, если честно, не понимала, хочет ли он остановить меня или поторопить двигаться дальше.

— В чем дело? — спросила я, после того как он так и не ответил.

Медленно он убрал свои руки с моих запястий, освобождая меня. Он поднял их перед собой так, будто я целилась в него пистолетом.

— Ты правда этого хочешь?

— Да, Дэвид, почему это так важно? Ты не хочешь почувствовать мои губы на себе?

Мягкая улыбка искривила его губы.

— Ты даже не представляешь, как сильно я этого хочу. Но это ведь еще один первый раз для тебя?

Я кивнула, играя пальцами с поясом его джинсов, но не двигаясь дальше.

— Вот почему для меня это важно. Я хочу, чтобы все твои первые разы были идеальными. Даже этот. И я невероятно сильно возбуждаюсь даже от одной мысли о тебе, отсасывающей у меня.

— О.

— Я думал о тебе весь гребаный день. Я продолжал заниматься делами, но не мог сконцентрироваться ни на чем. Удивительно, что мы что-то сделали, — он провел пальцами по своим длинным волосам, убирая их с лица. Его руки остановились на макушке, от чего его стройный мускулистый торс вытянулся. Синяк, оставшийся после драки в баре прошлой ночью, был темно-серым пятном, портя совершенство. Я наклонилась и поцеловала его. Дэвид продолжал удерживать свой взгляд на мне, поскольку моя обнаженная грудь по-прежнему была частью меня. Глаза, губы, грудь — он, казалось, не мог решить, что привлекало его больше.

Я осторожно опустила молнию над его эрекцией. Без нижнего белья. По крайней мере, я не отпрыгнула в тот момент, когда внезапно выскочил его стояк. Двумя руками я стащила с него джинсы, освобождая член. Он торчал длинный и гордый. Такой же, как этим утром, я прижала руку к его нижней стороне, ощущая жар шелковистой кожи. Забавно, мысли о мужском достоинстве никогда особенно не возбуждали меня раньше. Но сейчас я возбудилась, о чем свидетельствуют мои стиснутые бедра.

Я двинулась дальше, и даже больше, чем немного по-собственнически.

— Ты мой, — прошептала я, и большим пальцем проследила по кругу край головки, прочувствовала выступ и спустилась к середине, изучая его.

— Ага.

Точка удовольствия находилась чуть ниже этой маленькой складки. За эти годы я прочитала достаточно журналов и наслушалась достаточно историй сексуальных подвигов Лорен, так что знала очень многое. Она очень обожала детали. Надо напомнить себе, поблагодарить ее и сводить на обед в какое-нибудь милое местечко.

Я переместила руку так, чтобы обхватить его и массировать эту область подушечкой большого пальца, желая посмотреть, что произойдет. Без мыльных пузырьков все это рассмотреть было намного легче. Долго ждать не пришлось. Особенно после того, как я немного усилила свой захват и легонько подвигала рукой. Мышцы его живота вздрогнули так, как это было в душе утром. Пальцами я нежно сдвинула мягкую кожу, массируя твердую плоть ниже, передвигая их верх и вниз — раз, два. На вершине из небольшого отверстия просочилась капелька молочно-белой жидкости.

— Вот значит как ты, черт побери, убьешь меня, — предположил мой муж гортанным голосом. — Просто на всякий случай, ты была чудесна.

Я ухмыльнулась.

Он выругался.

— Клянусь, с каждым разом, как я его вижу, он становится все больше.

Его улыбка была перекошенной:

— Ты вдохновляешь меня.

Я снова стала его гладить, и его грудь начала тяжело вздыматься при каждом вдохе.

— Эвелин. Пожалуйста.

Пришло время облегчить его страдания. Я опустилась на колени, пол подо мной был неудобным и твердым. Если вы соберетесь встать перед кем-то на колени, небольшой дискомфорт окажется очевидной частью процесса. Все это усиливает атмосферность и восприятие. Его мускусный запах выражен сильнее, чем был до этого днем. Я взяла его член в руку, уткнулась носом в его тазовую кость и глубоко вдохнула.

Он по-прежнему наблюдал. Я взглянула вверх, чтобы удостовериться. Черт, его глаза были большими и темными, они были сосредоточены исключительно на мне. Руками он схватился за столешницу позади себя, как будто он ждал, что в любое время появится дрожь, костяшки его пальцев побелели.

Когда я взяла его в рот, он застонал. Моя неопытность и его большой размер мешали тому, чтобы я взяла его глубже. Он, казалось, не возражал. Солоноватый вкус его кожи и горечь этой жидкости, его теплый аромат и ощущение его твердости слились в одно уникальное впечатление. Доставлять удовольствие Дэвида было чем-то невероятным.

Он простонал и дернул бедрами, толкаясь глубже ко мне в рот. Мое горло сжалось от неожиданности, и я начала слегка задыхаться. Он запустил руку в мои волосы, лаская, успокаивая.

— Бл*ть, малышка. Извини.

Я возобновила свои действия, терлась языком об него, вбирала его. Искала самый лучший способ вместить его в свой рот. Делала все, что можно, чтобы заставить его дрожать и сыпать проклятия. Делать минет — это так замечательно. Его рука напряглась в моих волосах, немного потянув за них, и мне это понравилось. Все это. Все, что дает возможность

привести моего пресытившегося жизнью мужа в запинаящийся беспорядок, доставляя ему такое удовольствие, которое заслуживало серьезного вложения времени. Его бедра безостановочно двигались, его член дергался на моем языке, заполняя рот соленым, горьковатым на вкус, веществом быстрее, чем я успевала глотать.

Это было грязно. Ладно уж. Моя челюсть немного болела. Ну и что. И мне, возможно хотелось бы выпить стакан воды. Но его реакция...

Дэвид упал на колени и притянул меня в свои объятия. Мои ребра скрипели, а он вжимал меня в себя все сильнее и сильнее, пока восстанавливал дыхание. Я прижала лицо к его плечу и ждала, пока он немного успокоится.

— Было хорошо? — спросила я, практически уверенная в утвердительном ответе. На мой взгляд, это был самый подходящий момент, чтобы спросить.

Он хмыкнул.

Что это было? Я сидела там, гордясь собой, а он только хмыкнул. Нет, мне нужно большее подтверждение, чем это. Мне это было нужно, и к тому же я это заслужила.

— Ты уверен?

Он отстранился назад, сев на пятки, и уставился на меня. Он озирался по сторонам, что-то разыскивая. Футболку, которую он бросил лежать, забытой на полу. Затем он вытер ей мой подбородок. Мило.

— Там еще немного на твоём плече, — я указала на пятно, которое ему, очевидно, досталось от меня. Он также вытер и его.

— Секс может быть грязным, — сказал он.

— Да, может.

— Ты на таблетках?

— Таким способом нельзя забеременеть, Дэвид.

Уголок его рта дернулся:

— Умно. Так ты на таблетках?

— Нет, но мне в руку вживлен подкожный противозачаточный имплант, из-за того, что у меня сбит цикл, так что...— его губы обрушились на мои, целуя меня жестко и глубоко. Очень эффективно затыкая меня. Его рука бережно придерживала мой затылок, когда он опустил меня на пол, устраиваясь сверху. Я едва ли заметила холодный, твердый пол под своей голой спиной. Это было не важно до тех пор, пока он целовал меня. Руками я обхватила его плечи, пальцы скользили по гладкой коже.

— Я позабочусь о твоём цикле, Эв. Честно, я, черт побери, сделаю это, — он поцеловал мои щеки и лоб.

— Спасибо.

— Но прямо сейчас, я хотел бы знать, как ты относишься к тому, что мы будем голыми?

— Ты имеешь в виду, что мы снимаем больше, чем футболки. Так?

— Я имею в виду трахаться без презерватива, — он взял в ладони мое лицо, когда взглянул вниз на меня своими глазами насыщенного голубого оттенка. — Я чист. Я проверялся. Я не принимал наркотики и всегда предохранялся, с тех пор как расстался с ней. Но это твой выбор.

Упоминание о «ней» слегка охладило меня, но не так сильно и ненадолго. Это было невозможно с Дэвидом, растянувшимся поверх меня, и запахом секса так сильно ощущавшемся в воздухе. Плюс пицца. Но в основном Дэвид. Он наполнял мой рот слюной заставляя позабыть о еде. Думать в этой ситуации не просто. Я сказала, что доверяю ему, и

это так и есть.

— Малышка, просто подумай об этом, — сказал он. — Это не к спеху. Хорошо?

— Нет, я думаю, мы сделаем это.

— Ты уверена?

Я кивнула.

Он выдохнул и снова поцеловал меня.

— Я чертовски сильно люблю твой ротик, — кончиком пальца он провел по моим губам, все еще распухшим от того, чем мы занимались.

— Тебе понравилось? Было хорошо?

— Это было идеально. Ничего из того, что ты делаешь, не может быть неправильно. Я практически слетаю с катушек, от осознания того, что это делаешь ты. Ты могла бы укусить меня, и я, вероятно, подумал бы, что это чертовски горячо, — он грубо засмеялся, затем спешно добавил: — Но ты так не делай.

— Не буду, — я выгнула шею и прижалась губами к его губам, целуя его сладко и медленно. Показывая ему, что он значит для меня. Мы все еще перекатывались по кухонному полу, когда зазвенел таймер духовки, напугав нас. Затем зазвонил телефон.

— Дерьмо.

— Я достану пиццу, — сказала я, выползая из-под него.

— Я отвечу на звонок. Ни у кого не должно быть этого чертового номера.

Прихватка лежала на столешнице, и я надела ее на руку. Когда я открыла дверцу, из духовки донесся насыщенный аромат расплавленного сыра. У меня в животе заурчало. Вообще-то я была голодна. Пицца по краям подгорела. Хоть и не слишком. Кусочки моей брокколи стали золотисто-коричневыми. Мы могли бы съесть середину. Я перенесла пиццу на холодную плиту и выключила духовку.

Дэвид тихо разговаривал на заднем фоне. Он стоял перед окнами, с широко расставленными ногами, его плечи были таким в положении, словно он готовился к атаке. Расслабленные, счастливые люди не стояли в такой позе. Снаружи садилось солнце. Фиолетовые и серые цвета вечера отбрасывали тени на его кожу.

— Ага, ага, Адриан. Я знаю, — сказал он.

Тревога одновременно сжала все мои мышцы. Боже, пожалуйста, не сейчас. У нас так все хорошо. Разве они не могли потерпеть чуть дольше?

— Во сколько вылет? — спросил он. — Черт. Нет, мы будем там. Расслабься. Ага, пока.

Он повернулся лицом ко мне, телефон свободно покачивался в его руке.

— Там что-то произошло в ЛА, мы с Малом должны присутствовать. Адриан уже послал за нами вертолет. Нам нужно собираться.

Улыбка неестественно растянула мое лицо, я это почувствовала.

— Хорошо.

— Мне жаль, что наше пребывание здесь прерывается. Мы скоро вернемся сюда, ладно?

— Безусловно. Все в порядке.

Это была ложь, потому что мы возвращались в ЛА.

Колено Дэвида дергалось весь обратный путь до ЛА. Когда я положила руку на его ногу, он схватил меня за палец и начал играть с обручальным кольцом, поворачивая его вокруг пальца. Учитывая данные обстоятельства, казалось, что нервничали мы оба.

Я раньше никогда не летала на вертолете. Вид был захватывающим, но также было громко и неудобно, и я поняла, почему люди предпочитают самолеты. Путь освещала вереница огней от уличных фонарей до сверкающих высоток ЛА. Все в нашей ситуации изменилось, но я была таким же комком нервов, нуждающимся во сне, как и в тот момент, когда покидала Портленд, всего несколько дней назад. Мал устроился в уголке, закрыл глаза и уснул. Его ничего не беспокоило. Конечно, для этого не было причин. Он был частью группы, связанной с жизнью Дэвида.

Мы приземлились в пятом часу утра, нагнав отложенный рейс. Телохранитель Сэм с деловым видом ждал нас на вертолетной площадке.

— Миссис Феррис, джентльмены, — он проводил нас к большому черному внедорожнику, ожидавшему поблизости.

— Сразу же домой, спасибо, Сэм, — сказал Дэвид. В его дом, не в мой. В ЛА у меня не было счастливых воспоминаний.

И вот мы уютно устроились в роскоши, спрятанной за темными стеклами. Я откинулась на спинку мягкого кресла, закрыла глаза. Отчасти это удивило меня, я была такой чертовски уставшей и в тоже время взволнованной.

У особняка нас ждала Марта, прислонившись к входной двери, в дорожном красном платке, накинутом на плечи. Его личный ассистент вызывала у меня только скверные чувства. Но на этот раз я была полна решимости дать отпор. Мы с Дэвидом были вместе. Пошла она к черту, ей придется с этим смириться. Ее темные волосы сияли, струясь по плечам, волосок к волоску. Не сомневаюсь, я выглядела как кто-то, кто бодрствовал больше двадцати часов.

Сэм открыл дверь внедорожника и подал мне руку. Я видела, как глаза Марты округлились, когда Дэвид обнял меня рукой, притягивая ближе. Ее лицо окаменело, она бросила на меня ядовитый взгляд. В чем бы ни была ее проблема, я слишком устала, чтобы разбираться с этим.

— Марти, — крикнул Мал, забежая по ступенькам и обнимая ее за талию. — Помоги-ка мне приготовить завтрак, о, прекрасная.

— Ты знаешь, где кухня, Мал.

Резкий отказ не остановил Мала, и он увел ее с собой. Первые несколько шагов Марта спотыкалась, но потом начала вышагивать, как на показе мод. Мал очистил нам путь. За это я могла бы целовать его ноги.

Пока мы поднимались по лестнице на второй этаж, Дэвид молчал, лишь в тишине эхом отражались наши шаги. Когда я повернула к белой комнате, в которой оставалась в прошлый раз, он потянул меня за собой в другом направлении. Мы остановились у двойных дверей, и он вытащил ключ из кармана. Я с любопытством посмотрела на него.

— Именно так, у меня проблемы с доверием, — он открыл дверь.

Внутри комната была простой, не было никакого антиквариата и роскошного убранства, как в остальной части дома. Огромная кровать застелена темно-серым постельным бельем.

Удобный диван, подходящий к ней. Много гитар. Открытый платяной шкаф, заполненный одеждой. В основном, в комнате было пусто. Думаю, для него эта комната, как глоток воздуха. Эта комната отличается от остальной части дома, менее эффектная, более спокойная.

— Все нормально, ты можешь тут осмотреться, — его рука скользнула вниз по моему позвоночнику, останавливаясь чуть выше изгиба попы. — Это теперь наша комната, — сказал он.

Боже, я надеялась, что он не захочет жить здесь постоянно. Я имею в виду, что в итоге мне нужно вернуться в колледж. У нас еще не было возможности обсудить, где мы будем жить. Но мысль о Марте, Джимми и Адриане, которые все время будут поблизости, меня пугала. Дерьмо, я не могла позволить себе так думать. Негатив поглотил бы меня полностью. Что было важно, так это быть с Дэвидом. Держаться вместе, чтобы это сработало.

Как ужасно вынужденно жить в роскошной обстановке со своим восхитительным мужем. Бедненькая я. Мне нужна была хорошая пощечина и чашка кофе. Или двенадцать часов сна. И то, и другое сотворили бы чудо.

Он задернул занавески, блокируя утренний свет.

— Ты выглядишь уставшей. Давай полежим?

— Это, эмм... ага, хорошая идея. Я только схожу в ванную.

— Хорошо, — Дэвид начал раздеваться, кинул кожаную куртку на стул, стянул с себя футболку. Обычные крики моих гормонов «ура» пропали без вести. Их заглушили нервы. Я сбежала в ванную, нуждаясь в минутке, чтобы взять себя в руки. Я закрыла дверь и включила свет. Комната засияла, ослепляя меня. Перед глазами замелькали пятнышки. Я на ощупь нашла выключатель, нажала и, наконец, свет потускнел до приглушенного. Так-то лучше.

Гигантская белая ванна, похожая на чашу, серые каменные стены и перегородка из прозрачного стекла. Проще говоря, это выглядело шикарно. Однажды я, вероятно, привыкну ко всему этому, но я не надеялась. Принимать это как должное было бы ужасно.

Душ меня бы успокоил. Полежать в гигантской суповой миске было бы отлично. Но я не вполне доверяла себе, чтобы забраться в нее, не сломав себе чего-нибудь или не упав на задницу. Не в таком утомленном состоянии, в котором я была.

Нет, долгий, горячий душ был бы идеален.

Я сняла туфли и расстегнула молнию на джинсах, раздеваясь за рекордное время. Душ мог вместить меня и еще десять близких друзей. Сверху полилась горячая вода, и я шагнула внутрь. Напор воды был просто идеален, в считанные минуты, снимая напряжение в моих мышцах, расслабляя меня. Я влюбилась в этот душ. Нам с этим душем стоит чаще проводить время вместе. Помимо Дэвида и Мала, этот душ — лучшее, что было во всем доме.

Руки Дэвида скользнули сзади вокруг меня, притягивая к нему. Я даже не услышала, как он вошел.

— Привет, — я отклонилась на него, поднимая руки, чтобы обнять его за шею. — Думаю, я влюбилась в твой душ.

— Ты изменяешь мне с душем? Проклятье, Эвелин. Это жестоко, — он взял мыло и начал мыть меня, намыливая мой живот, грудь и очень нежно между ног. Как только пены стало слишком много, он помог теплой воде смыть пузырьки. Его большие руки скользили по моей коже, приводя ее в чувство и возвращая мои гормоны в десятикратном размере. Одна крепкая рука обняла мою талию. Пальцы другой руки, однако, задержались на промежности, нежно поглаживая.

— Я знаю, ты беспокоишься о нашем пребывании здесь. Но тебе не нужно этого делать. Все будет отлично, — его губы прикоснулись к моему уху, околдовывая меня все больше. Я таяла и растекалась горячей лужицей. Мои бедра дрожали. Я раздвинула ноги, давая ему больше пространства.

— Я-я знаю.

— Это мы с тобой против всего мира.

Я не смогла бы сдержать улыбку, даже если бы попыталась.

— Моя прелестная жена. Давай сделаем вот так, — аккуратно он повернул нас так, что его спина оказалась под водой. Я оперлась руками на стеклянную стену. Кончик его пальца дразнил между губами моей киски, уговаривая меня раскрыться. Боже, он был так хорош в этом. — Твоя киска самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Мои внутренности восхищенно затрепетали.

— Независимо от того, что я сделала, чтобы заслужить тебя, мне нужно делать это намного чаще.

Он усмехнулся, его рот устроился на моей шее и посасывал ее, заставляя меня стонать. Клянусь, комната начала вращаться. Или это, возможно, была стремительно мчащаяся во мне кровь. Без сомнения, мои бедра дернулись сами по себе. Но он не позволил мне далеко отойти. Его твердый член прижался к моей попе и нижней части спины. Моя киска отчаянно сжалась, еще больше горя желанием.

— Дэвид.

— Хммм?

Я попыталась повернуться, но его рука, распростертая на моей талии, остановила меня.

— Позволь мне.

— Позволить тебе что? Чего ты хочешь, детка? Скажи мне и оно твое.

— Я просто хочу тебя.

— Я у тебя есть. Я вокруг тебя. Почувствуй, — он сильнее прижался ко мне, обнимая крепче.

— Но...

— Теперь давай посмотрим, что произойдет, когда я наиграю на твоём клиторе.

Нежные, едва уловимые поглаживания возбуждали меня все больше и больше, все сконцентрировалось в одном месте. Нисколько не удивительно, что он мог довести меня до экстаза. Он уже доказывал это несколько раз. И то, как он терся собой об меня, сводило меня с ума. Мое тело знало точно, чего хочет, и это были не его чертовски умелые пальчики. Я снова хотела почувствовать с ним ту самую связь.

— Подожди, — сказала я резким и нуждающимся голосом.

— Что, малышка?

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня.

Он осторожно ввел в меня палец, массируя область за клитором, что заставило меня увидеть звезды. Однако это было не то, этого было недостаточно. Ни капельки не смешно. Это стало бы трагедией, но придется убить его, он очень на это напрашивается.

— Дэвид, Пожалуйста.

— Не нравится?

— Я хочу тебя.

— И я хочу тебя. Я помешан на тебе.

— Но...

— Как на счет того, чтобы я довел тебя до оргазма лейкой душа? Не нравится такое? Я даже топнула ногой, несмотря на трясущиеся колени.

— Нет.

И из-за этого мой муж разразился хохотом, а я возненавидела его.

— Я думал, ты любишь душ, — хихикнул он, довольный собой и всем остальным, но напрашивающийся на смерть.

От бессилия из моих глаз хлынули слезы.

— Нет.

— Уверена? Я определенно помню, что ты это говорила.

— Дэвид, ради всего святого. Я люблю тебя.

Он окончательно утихомирился. Даже палец, находящийся во мне, перестал двигаться. Был слышен только звук льющейся воды. Я думала, эти слова утратили свою силу. Разве мы уже не женаты? Разве мы не решили остаться женатыми? Применение слова на букву «Л» должно было потерять свою мистическую силу, учитывая нашу безумную ситуацию. Но это не так.

Все изменилось.

Сильные руки повернули меня и подняли, оставляя мои ноги болтаться в воздухе. Мне потребовалась секунда, чтобы выяснить, где я оказалась и что произошло. Для безопасности я обхватила его руками и ногами, держась крепче. Его лицо... я никогда не видела такого неистового, решительного выражения. Это выходило за пределы вожеления, и было ближе к тому, что мне было нужно от него.

Его руки сжали мой зад, принимая вес и удерживая меня. Медленно, уверенно он опустил меня на себя. В этот раз не было боли, отнимающей удовольствие. Ничто не мешало мне чувствовать того, как он заполняет меня. Это было такое незнакомое, великолепное чувство, когда он внутри меня. Я изогнулась, стараясь найти более удобное положение. Тотчас, его пальцы впились в мою попу.

— Черт, — простонал он.

— Что?

— Просто, просто постой спокойно минутку.

Я наморщила нос, сосредоточившись и пытаюсь отдышаться. Этот сексуальный парнишка был хитер. Кроме того, я хотела запомнить каждый момент этого прекрасного опыта. Я не хотела забыть ни одной детали.

Он прислонил мою спину к стенке душа, и толкнулся в меня. Удивленный вскрик вырвался из моего рта. Этот звук был близок к «Ах».

— Спокойно, — пробормотал он. — Ты в порядке?

Я чувствовала себя по-настоящему наполненной. И это, возможно, было приятно. Трудно сказать. Мне нужно было, чтобы он сделал что-то, чтобы я поняла, откуда это новое ощущение, появившееся во мне. — Теперь ты можешь двигаться?

— Если ты сейчас в порядке.

— Я в порядке.

И тогда он задвигался, все время глядя на мое лицо. Скольжение осветило меня внутри в восхитительном порыве, но именно толчок назад привлек мое пристальное внимание. Вау. Хорошо или плохо, я по-прежнему не могла сказать. Мне нужно было больше. И он дал это мне, его таз сдвинулся ко мне, удерживая тепло и растущее напряжение. Моя кровь вскипала, пульсируя во мне, обжигая кожу. Я подставила свой рот к его, желая большего.

Желая все. Влажность его рта и мастерство его языка. Весь он. Никто не целовался так, как Дэвид. Слово мои поцелуи заменяли ему дыхание, еду, сон или все что угодно, чем он планировал заниматься остаток жизни.

Моя спина сильно ударила о стеклянную стену, а наши зубы клацнули друг о друга. Он прервал поцелуй с настороженным взглядом, но не прекратил двигаться. Он врывался в меня сильнее, быстрее. Это становилось все лучше и лучше. Нам нужно так делать всегда. Постоянно. Больше ничего не имело значения, когда это происходило между нами. Все тревоги исчезли.

— Это было так чертовски хорошо. Он был всем, в чем я нуждалась.

Потом он попал в какую-то точку внутри меня, и все мое тело застыло, нервные окончания приятно покалывало. Мои мышцы плотно его сжали, и он глубоко и быстро толкнулся несколько раз подряд. Мир померк или это я закрыла глаза. Напряжение внутри меня распалось на миллион восхитительных кусочков. Это все продолжалось и продолжалось. Мой мозг покинул стратосферу, я была в этом уверена. Все искрилось. Если у Дэвида были такие же ощущения, то я не понимала, как он стоит на ногах. Но он стоял. Он стоял сильный и здоровый, сжав меня крепко, как будто никогда меня не отпустит.

В конце концов, где-то через десятилетие он спустил меня вниз. Его руки остались, на всякий случай, на моей талии. Как только мои конечности доказали свою надежность, он повернул меня лицом к воде. Осторожно помыл меня между ног. Я не поняла сначала, что он делает, и попыталась отступить. Прикоснуться к чему-нибудь прямо там было не очень хорошей мыслью.

— Все нормально,— сказал он, пододвигая мою спину под воду. — Доверься мне.

Я остановилась, инстинктивно вздрогнув. Он проявлял только заботу. Весь мир казался странным, все было слишком близко, и в то же время отделено. Усталость и лучший оргазм в моей жизни погубили меня.

Затем он потянулся и выключил воду, вышел и схватил два полотенца. Одно обернул вокруг своей талии, другим он вытер меня.

— Это было хорошо, да? — спросила я, когда он вытирал мои волосы, ухаживая за мной. Мое тело все еще дрожало и трепетало. Казалось, это хороший знак. Мой мир был разорван на части и переделан в какое-то подобие нереального любовного праздника. Если бы он сказал, что это было просто хорошо, я бы его ударила.

— Это было чертовски великолепно, — поправил он, скинув полотенце и бросив его на столешницу в ванной.

Даже моя улыбка дрогнула. Я увидела это в зеркале.

— Да. Так и было.

— Мы вместе, всегда.

Держась за руки, мы вошли в спальню. На этот раз быть обнаженной перед ним больше не казалось таким странным. Не было неуверенности. Он отбросил свое полотенце, и мы забрались на его гигантскую кровать, стремясь, естественно, к середине и друг другу. Мы лежали на наших половинках, лицом к лицу. Я могла бы впасть в кому, настолько я устала. Так жалко было закрывать глаза, когда он лежал прямо тут передо мной. Мой муж.

— Ты призналась мне, — сказал он с удивлением в глазах.

— Я?

Его рука легла мне бедро, большой палец скользил туда-сюда по выпирающей косточке.

— Собираешься притвориться, что не помнишь о том, что говорила? Серьезно?

— Нет, я помню, — хоть я и не хотела это говорить, ни ругательств, ни объяснения в любви. Но я сказала. Пришло время быть большой девочкой. — Я сказала, что люблю тебя.

— Мм. Люди разное говорят во время секса. Бывает.

Он давал мне выход из этой ситуации, но я его не приняла. Я не воспользовалась им, независимо от того, насколько это было заманчиво. Я не собиралась преуменьшать подобный момент.

— Я влюблена в тебя, — сказала я, чувствуя себя неловко. Также как тогда, когда говорила, что доверяю ему, он собирался промолчать и здесь. Я знала это.

Его пристальный взгляд задержался на моем лице, невозмутимый и ласковый. Это больно. Что-то внутри меня было хрупким, и он вывел это прямо на передний план. Из-за любви исследование пещер казалось разумным. Бейсджампинг^[20] и борьба с медведями следовали по пятам. Но было слишком поздно беспокоиться об этом. Слова уже вылетели. Если любовь была для дураков, тогда пусть будет так. По крайней мере, я была честна.

Он погладил мое лицо тыльной стороной пальцев.

— Это самое прекрасное, что может быть сказано.

— Дэвид, все в порядке...

— Ты очень важна для меня, — сказал он, перебивая меня. — Я хочу, чтобы ты знала это.

— Спасибо тебе, — ох, это не совсем те слова, которые бы я хотела услышать после того, как призналась ему в любви.

Поднявшись на локоть, он прикоснулся своими губами к моим, ошеломляя меня поцелуем. Поглаживания его языка о мой поглотили меня. Для беспокойства места не осталось.

— Ты нужна мне снова, — прошептал он, становясь на колени между моими ногами.

На этот раз мы занимались любовью. Только так можно это описать. Он двигался во мне в своем собственном ритме, прижимая свою щеку к моей, царапая меня щетиной. Его голос звучал и звучал, нашептывая мне секреты. Как никогда и ни для кого — это было для него. Он мог оставаться так, настолько долго, насколько это возможно. Пот капал с его тела, сбегая по моей коже и впитываясь в простыню. Он сделал себя неотъемлемой частью меня. Это было блаженство. Сладкое, нежное, медленное. Невыносимо медленное.

Было такое чувство, как будто это длилось вечность. Я бы этого хотела.

Адриан пришел в ярость, увидев синяки на лице Дэвида. И, кажется, он так же был далеко не в восторге снова меня увидеть. Его глаза недобро сверкнули, прежде чем меня затолкали в угол огромной гримерки от греха подальше. Снаружи была охрана, пропускающая внутрь только тех, кто был приглашен в святая святых.

Шоу проходило в танцевальном зале одного из самых больших и шикарных отелей в городе. Внутри было бесчисленное количество мерцающих люстр и красный шелк, большие круглые столы, зал был битком набит знаменитостями и просто красивыми людьми, что дополняли картину. На мне было синее платье, единственное, более или менее прикрывавшее самые интимные части моего тела и пара туфель на умопомрачительном каблуке, которые для меня заказала Марта. Кэтрин, девушка-бикини, бывшая подружка Дэвида, находилась в противоположной стороне зала, одетая в красное платье, она была мрачнее тучи. У нее появятся морщины, если она не прекратит так злобно на меня смотреть. К счастью, вскоре ей надоело пялиться в мою сторону и она отошла. Я не осуждаю ее за то, что она на меня злится. Если бы я потеряла Дэвида, то точно также была бы недовольна. Девушки кружили вокруг Дэвида, надеясь обратить на себя его внимание, и я готова была расцеловать любого из-за того, что Дэвид их всех игнорировал.

Джимми нигде не было видно. Мал сидел с необыкновенно красивой азиаткой, восседающей на одном его колене и с грудастой блондинкой на другом, он был слишком занят, чтобы составить мне компанию. Меня все еще не познакомили с четвертым членом группы, с Беном.

— Привет, — сказал Дэвид, меняя мой нетронутый бокал шампанского «Кристал» на бутылку воды. — Я подумал, что возможно ты предпочтешь пить вот это. Все в порядке?

— Спасибо. Да. Все в полном порядке.

Удивительный мужчина, он знает, что я до сих пор не пришла в себя после Вегаса, чтобы рискнуть попробовать алкоголь. Он кивнул и передал бокал с шампанским официанту. Затем он снял свою кожаную куртку. Остальные были одеты в смокинги, но Дэвид остался в джинсах и ботинках. Единственная уступка, на которую он пошел ради сегодняшнего мероприятия, была черная рубашка.

— Сделай мне одолжение, накинь вот это.

— Тебе не нравится мое платье?

— Очень нравится. Просто тут слишком холодно из-за кондиционера, — сказал он, накидывая свою куртку мне на плечи.

— Нет, тут совсем не холодно.

Он одарил меня очаровательной улыбкой, такой, что растопила бы и самое каменное сердце. У моего не было ни единого шанса. Опираясь руками на стену по обеим сторонам от моей головы, он наклонился ко мне, закрывая собой весь зал и людей в нем.

— Поверь мне, тебе немного холодно, — его взгляд упал мне на грудь и я тут же все поняла. Платье было из легкого полупрозрачного материала. Очень красивое, но в некотором смысле не способное скрыть некоторые вещи. И как оказалось, даже наличие лифчика тут не спасало.

— Оу, — произнесла я.

— Угу. Я стоял вон там и пытался обсудить кое-какие дела с Адрианом, но не смог. Все

мое гребаное внимание было сосредоточено на твоей соблазнительной груди.

— Просто отлично, – как можно более незаметно я стараюсь прикрыть рукой грудь.

— Они у тебя такие хорошенькие и помещаются в моих руках как влитые. Будто мы с ними были созданы друг для друга, понимаешь?

— Дэвид, – я улыбалась как озабоченная, снедаемая любовью дурочка, коей я и была на самом деле.

— Иногда на твоём лице появлялась такая призрачная улыбка. И меня так и распирало любопытство узнать, о чём же ты думаешь, пока стоишь тут и наблюдаешь за всеми.

— Да ни о чём особенном. Просто осматривалась. Жду, когда же начнется твоё выступление.

— Правда что ли?

— Ну конечно. Не могу дождаться.

Он нежно поцеловал меня в губы.

— Уедем отсюда после моего выступления? Поедем куда-нибудь, только ты и я. Все будет так, как ты захочешь. Можем поехать покататься или где-нибудь поужинать, все что угодно.

— Только мы вдвоем?

— Совершенно верно. Все, что ты захочешь.

— Звучит очень заманчиво.

Его взгляд снова скользнул к моей груди.

— Тебе все еще немного холодно. Я могу согреть тебя. Зависит от того, позволишь ли ты поласкать тебя у всех на виду?

— О, нет, – я повернулась, чтобы сделать глоток воды. Ледяной был тут воздух или нет, но мне необходимо было остыть.

— Да, так я и думал. Пошли. Наличие такой груди, как у тебя, налагает на тебя кое-какие обязанности, – он взял меня за руку и повел через толпу веселящихся людей, ни с кем не останавливаясь поболтать. Я не смогла сдержать свой смех.

В самом конце зала была небольшая смежная комната, в которой находились вешалки с висящими на них костюмами и косметика. На стенах зеркала, на столе огромный букет цветов, а в углу стоял диван, который был уже занят. На нем сидел Джимми, облаченный в очередной идеально на нем сидящий костюм; его ноги разведены в стороны, а между ними девушка на коленях. Ее голова находилась где-то в районе его паха, двигаясь вверх и вниз. Было совершенно очевидно, чем именно они занимались. Ее красное платье подсказало мне, кем она была, хотя я вовсе не нуждалась в этой информации, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь. Джимми намотал темные волосы Кэтрин на свой кулак. В другой руке он сжимал бутылку виски. Две ровные белые дорожки порошка покоились на кофейном столике рядом с маленькой серебряной трубочкой.

Охренеть. Так вот как выглядит жизнь в стиле рок-н-ролл. Внезапно у меня вспотели ладони. Но Дэвид не баловался этой дрянью. Это не для него. Я знаю.

— Эв, — произнес Джимми охрипшим голосом, и его лицо медленно расплылось в мерзкой улыбке. – Выглядишь отлично, дорогая.

Я плотно сжала губы.

— Пойдем, — руки Дэвида схватили меня за плечи и, развернув, направили в обратную сторону. Он был в ярости, губы скривились в горькой усмешке.

— Что? Даже не поздороваешься с Кэтрин, Дэйв? Это немного невежливо. Я думал, что

вы с ней были хорошими друзьями.

— Пошел ты, Джимми.

Джимми застонал у нас за спиной, громко и протяжно, представление на диване достигло своей кульминации. Мой муж с силой захлопнул дверь. Вечеринка продолжалась. Зал был наполнен музыкой, льющейся из колонок, звоном бокалов и шумом болтовни. Мы были посреди всего этого, но Дэвид уставился в пустоту и, похоже, выпал из реальности. На его лице отразилось напряжение.

— Дэвид?

— Пять минут, — закричал Адриан, хлопая руками у себя над головой. — Время для концерта. Все на сцену.

Дэвид несколько раз быстро моргнул, как будто он только что очнулся от ночного кошмара.

Атмосфера в зале внезапно наполнилась волнением. Толпа зааплодировала, и Джимми, пошатываясь, вышел вслед за Кэтрин из комнаты. Еще больше аплодисментов и выкриков поддержки добавилось, когда группа поднялась на сцену, хотя были также понимающие смешки, после того как Джимми с девушкой выплыли из комнаты.

— Ну что, начнем? — закричал Джимми, двигаясь через толпу, пожимая руки и хлопывая, встречающихся ему на пути людей, по спинам. — Идем, Дэйви.

Плечи моего мужа расправились.

— Марта.

Девушка неторопливо подошла к нам. Лицо — непроницаемая маска.

— Что я могу для тебя сделать?

— Присмотри за Эв, пока я буду выступать.

— Конечно.

— Слушай, мне нужно идти, но я скоро вернусь, — сказал он мне.

— Все хорошо. Иди.

Поцеловав на прощание меня в лоб, он ушел, ссутулив плечи, словно защищаясь. Меня посетил безумный порыв пойти за ним. Остановить его. Сделать хоть что-нибудь. Мал присоединился к нему у двери и закинул свою руку ему на шею. Дэвид не оглядывался. Целая толпа людей следовала за ними по пятам. Я стояла одна, наблюдая за массовым исходом. Он был прав, тут холодно. Я плотнее закуталась в его куртку, исходящий от нее запах моего мужа успокаивал меня. Все нормально. Если я буду без устали себе это повторять, то рано или поздно так оно и будет. Даже то, что мне сейчас непонятно, потом станет более понятным. Мне просто надо верить. И, черт возьми, я верила. Хотя я все равно не могла заставить себя улыбнуться.

Марта наблюдала за мной, ее безупречное выражение лица не меняется никогда.

Спустя секунду ее красные губы приоткрылись:

— Я знаю Дэвида очень давно.

— Замечательно, — ответила я, не испугавшись ее холодного пронизывающего взгляда.

— Да. Он невероятно талантлив и страстно предан своему делу. Это делает его кое в чем впечатляющим, страстным.

Я промолчала.

— Иногда его заносит. Но это не важно, — Марта уставилась на мое кольцо. Изящным движением руки она заправила темные волосы за ухо. Над красиво оформленной группкой темно-красных камушков сиял один единственный маленький бриллиант. Немного больше,

чем просто осколок бриллианта, он совсем не сочетался с шикарным образом Марты.

— Когда будешь готова, я покажу тебе, откуда посмотреть шоу.

Ощущение того, что вокруг меня все пришло в движение, которое появилось, с тех пор как Дэвид ушел на сцену, только усилилось. Марта стояла рядом со мной и терпеливо ожидала, она не произносила больше ни слова, за что я была ей очень признательна. Она и так уже слишком много сказала. В другом ухе у нее была сережка только лишь из красных камней. Меня захлестнула паранойя. Возможно ли, что крошечный бриллиант в ее ухе — это пара той бриллиантовой сережки, что носил Дэвид? Нет. В этом не было никакого смысла.

Множество людей носят крошечные одиночные бриллиантовые сережки. Даже миллионеры.

Я поставила свою воду на стол и натянула на лицо улыбку.

— Ну что, пошли?

*

Концерт был просто потрясающий. Марта показала мне отличное местечко у самого края сцены за кулисами, но, не смотря на это, я была в самой гуще событий.

Музыка была очень громкой и зажигательной. Она волнами проходила через все мое тело, заставляя сердце учащенно биться в груди. Музыка отвлекла меня от моих переживаний по поводу сережки. Нам с Дэвидом необходимо было поговорить. Я и так уже слишком долго ждала, пока он сам захочет мне обо всем рассказать, но мои сомнения и вопросы становились просто неуправляемыми. Я не хотела в нем сомневаться. Между нами все должно быть по-честному.

С гитарой в руках Дэвид был настоящим богом. Неудивительно, что люди преклонялись перед ним и его талантом. Его пальцы двигались по струнам электрогитары с невероятной точностью, в абсолютной сосредоточенности. Мышцы на его предплечьях сжимались, из-за чего татуировки казались словно ожившими. Я стояла с открытым ртом в полном благоговении перед ним. На сцене были и другие люди, но Дэвид приковал все мое внимание к себе. Я видела его только в его нормальном состоянии, таким, каким он был в моем присутствии. А теперь он открылся мне с совершенно новой стороны. Незнакомец. Мой муж присел на стул позади солиста. Рок-звезда. Это несколько ошеломляло. Но теперь мне стала понятна та страсть, что он испытывал к своему делу. Его талант был настоящим даром свыше.

Они исполнили пять песен, потом объявили, что еще один знаменитый исполнитель займет место на сцене. Все четыре члена группы ушли со сцены с другого края. Марта куда-то от меня исчезла. Я несколько этому не огорчилась, хотя закулисы представляло собой лабиринт из коридоров и гримерок. Эта женщина — настоящий монстр. Без нее мне было куда лучше.

Я самостоятельно отправилась обратно, делая мелкие шажочки, потому как мои дурацкие туфли просто убивали меня. Там, где проходила тонкая полоска из кожи, постоянно натирая мне пальцы, выступили огромные мозоли. Но это было не так уж важно, я все равно была счастлива. Впечатление от выступления все еще переполняло меня. То, как Дэвид выглядел полностью поглощенным своим выступлением, это было новым для меня и таким волнующим.

Я улыбнулась и выругалась про себя, игнорируя свои несчастные ноги, продвигаясь вперед среди рабочих, звукорежиссеров, гримеров и прочих неизвестных мне личностей.

— Ребенок-невеста, — Мал смачно поцеловал меня в щеку. — Я иду в клуб. Хотите пойти со мной или вы собираетесь отправиться обратно в свое любовное гнездышко?

— Не знаю. Надо найти Дэвида. Кстати, ваше выступление было просто потрясающим. Вы, парни, были великолепны.

— Рад, что тебе понравилось. Только не говори Дэвиду, что это я задавал ритм всему выступлению. Он такой ранимый в подобных вопросах.

— Я буду молчать, как могила.

Он рассмеялся:

— С тобой он изменился в лучшую сторону, ты в курсе? Все творческие люди имеют отвратительную черту — исчезать в своей собственной заднице. Я видел его улыбающимся за последние несколько дней с тобой больше, чем за последние пять лет вместе взятые. Ты оказываешь на него положительное влияние.

— Правда?

Мал ухмыльнулся:

— Правда. Скажи ему, я собираюсь к Шарлотте. Возможно, увидимся позже.

— Хорошо.

Мал ушел, а я направилась в гримерную группы, проталкиваясь через еще большую толпу людей. В гримерке, как это ни странно, все было тихо. Джимми с Адрианом стояли в коридоре и о чем-то разговаривали, так занятые своим делом, что даже не обратили на меня внимания, когда я прошла мимо. Я продолжала двигаться к своей цели. Сэм и еще один телохранитель молча кивнули мне, когда я прошла мимо них.

Дверь в смежную комнату зала, где до этого был занят Джимми, была немного приоткрыта. До меня донесся голос Дэвида, ясный как божий день, не смотря на царящий вокруг меня шум и гам. Было такое ощущение, что я автоматически настраивалась на его волну. Немного пугающее, но в то же самое время опьяняющее ощущение. Я умирала от желания выбраться с ним отсюда и чем-нибудь заняться. Пойти на вечеринку с Малом или придумать что-то свое. Мне было все равно куда пойти, главное чтобы мы были вместе.

Я просто хотела быть рядом с ним.

Громкий голос Марты, прозвучавший из той же самой комнаты, тут же ухудшил мое радостное настроение.

— Не делай этого, — кто-то сказал позади меня, останавливая меня у двери.

Я повернулась и столкнулась лицом к лицу с четвертым членом группы, Беном. Я помнила его по шоу, которое Лорен заставила меня смотреть пару лет назад. Он был бас-гитаристом и на его фоне Сэм, телохранитель, выглядел как милый, пушистый котенок. Короткие, темные волосы и шея, как у быка. Он обладал сдержанной привлекательностью серийного убийцы. Хотя должно быть мне так показалось из-за тяжелого взгляда, которым он меня одарил, — голубые глаза необычайно серьезны, а челюсть плотно сжата. Скорее всего, он тоже сидел на наркоте. Как по мне, так он производил неприятное впечатление.

— Дай им во всем разобраться, — сказал он низким голосом. Его взгляд был направлен в сторону полураскрытой двери. — Ты не знаешь, какими были их отношения, когда они были вместе.

— Что? — я немного отпрянула назад, и он это заметил, делая шаг в сторону двери. Таким образом, он пытался оттеснить меня в другую сторону.

Бен просто смотрел на меня, его мощная рука преграждала мне путь.

— Мал сказал, что ты милая, и я уверен, что так и есть. Но она моя сестра. Они с Дэвидом всегда сходили с ума друг по другу, с тех пор как мы были детьми.

— Я не понимаю, — вздрогнула я, качая головой.

— Знаю.

— Отойди, Бен.

— Извини. Не могу.

На самом деле ему и не нужно было отходить. Я смотрела ему прямо в глаза, чтобы сосредоточить все его внимание на своем лице. Затем я перенесла весь свой вес на одну ногу, а другой пнула дверь, чтобы она открылась. Так как она была закрыта не до конца, то с легкостью распахнулась от моего удара.

Дэвид стоял, повернувшись частично к нам спиной. Руки Марты находились в его волосах, удерживая его рядом с ней. Их рты слились вместе. Это был жесткий, уродливый поцелуй. Или он просто выглядел так со стороны.

Я ничего не почувствовала. Подобная картина должна была произвести на меня огромное впечатление, но этого не произошло. Я ощутила себя такой маленькой и что-то внутри меня надломилось. Также было странное чувство, что все это было неизбежно. Все кусочки головоломки, наконец, сложились вместе. Я была такой дурой, что закрывала глаза на очевидное. Что продолжала убеждать себя, что все будет хорошо.

Я вскрикнула, и Дэвид отстранился от нее. Он посмотрел через плечо на меня.

— Эв,— сказал он, его лицо вытянулось, а глаза светились.

Мое сердце, должно быть, отказалось работать. Кровь престала течь. Как странно. Мои ноги и руки заледенели. Я покачала головой. Мне нечего было сказать. Я сделала шаг назад, а он протянул мне руку.

— Не надо, — произнес он.

— Дэвид, — Марта одарила его опасной улыбкой. Другого слова я не могу подобрать. Она погладила его руку, будто готовилась вонзить в него свои ногти в любую секунду. Она на такое способна.

Дэвид пошел ко мне. Я сделала несколько быстрых шагов назад, спотыкаясь на каблуках. Он остановился, уставился на меня как на незнакомку.

— Малышка, это ничего не значит, — сказал он. Он потянулся ко мне вновь. Я держала руки крепко на груди, защищая себя от беды. Слишком поздно.

— Это была она? Она школьная любовь?

Знакомая мышца на его челюсти дернулась.

— Это было очень давно. Это не имеет значения.

— Господи, Дэвид.

— Это не имеет к нам никакого отношения.

Чем больше он говорил, тем равнодушнее я себя чувствовала. Я приложила все усилия, чтобы игнорировать Бена и Марту, находящихся на заднем фоне.

— Пойдем, давай выберемся отсюда, — продолжал убеждать Дэвид.

Я медленно покачала головой. Он схватил меня за руки, мешая мне уйти.

— Что, мать твою, ты делаешь, Эвелин?

— Что ты делаешь, Дэвид? Что ты наделал?

— Ничего, — сказал он, стиснув зубы. — Я не сделал ни одной гребаной вещи. Ты сказала, что доверяешь мне.

— Почему вы оба все еще носите серьги, если они ничего не значат?

Его рука подлетела к уху, скрывая раздражающую вещицу.

— Не в этом дело.

— Почему она все еще работает на тебя?

— Ты сказала, что доверяешь мне, — повторил он.

— Ты поэтому не продавал дом в Монтерее все эти годы?

— Нет, — сказал он, а затем остановился.

Я скептически посмотрела на него.

— Нет? И на этом все? Этого не достаточно. Ты полагал, что я ничего этого не замечу?

Проигнорирую?

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни мне, — умоляла я. Его глаза смотрели сквозь меня. С таким же успехом, я могла бы и не говорить. Мой вопрос остался без ответа. — Ты не можешь, не так ли?

Я сделала еще несколько шагов назад, и его лицо озлобилось. Руки сжались по бокам в кулаки.

— Ты не посмеешь, мать твою, бросить меня. Ты обещала!

Я, оказывается, совсем его не знала. Я смотрела на него во все глаза, пригвожденная к месту, позволяя его злости выплеснуться наружу. Она все равно не смогла бы причинить мне большую боль, чем та, которую я чувствовала в данный момент. Ни за что.

— Ты выйдешь отсюда и все кончено. Даже не думай о гребаном возвращении.

— Хорошо.

— Я это и имею в виду. Ты станешь пустым местом для меня.

Позади Дэвида Бен открыл рот, но потерял дар речи. Тем лучше. Даже у оцепенения есть свои пределы.

— Эвелин! — зарычал Дэвид.

Я сняла ненавистные туфли, уйти я решила босиком. Вполне можно было не стесняться. Обычно я бы ни за что сама не залезла на такие каблуки. Нет ничего страшного в том, чтобы быть обычной. Я слишком долго получала огромные дозы всего этого. Я закутаюсь в свою обычность, словно это шерстяной плед, который укрывает меня от всех бед. Дома меня ожидали кафе и учеба, о которой пора было задуматься. Меня ждала моя прежняя жизнь.

Дверь захлопнулась за мной. Что-то ударило в нее с другой стороны, и раздался приглушенный крик.

Снаружи в коридоре Джимми и Адриан все еще были заняты своей беседой. И я имею в виду, что в основном говорил Адриан, а Джимми созерцал потолок, улыбаясь, как безумец. Сомневаюсь, что даже ракете удалось бы достигнуть таких высот, как кайф, в котором пребывал Джимми.

— Извините, — сказала я, вклиниваясь.

Адриан повернулся в мою сторону и нахмурился, обнаженные в улыбке зубы появляются намного позже, чем следовало бы.

— Эвелин, золотце, я вообще-то занят...

— Я хотела бы вернуться в Портленд, сейчас же.

— Правда? Хорошо, — он потер руки. Ну, надо же, я наконец-то смогла его хоть чем-то обрадовать. На его лице впервые за все наше знакомство появилась огромная искренняя улыбка. Она была ярче, чем свет прожекторов. Совершенно очевидно, что до этого он очень

умело притворялся.

— Сэм! — крикнул он.

Телохранитель появился, непринужденно обходя толпу.

— Миссис Феррис.

— Мисс Томас, — поправил Адриан. — Сэм, ты мог бы доставить ее в безопасности домой?

Ни один мускул не дрогнул на его лице, оно как имело профессионально-вежливое выражение, таким и осталось.

— Да, сэр. Конечно.

— Превосходно.

Джимми начал смеяться, так сильно, что затряслось все его тело. Потом он начал гоготать, и этот гогот немного напоминал злою ведьму из «Волшебника страны Оз». Естественно, если бы она употребляла крэк или кокаин, или что-то такое, под чем был Джимми.

Эти люди, они безнадежны.

Я здесь чужая. Это никогда не было моим.

— Сюда, — Сэм легонько надавил рукой мне на спину, и этого было достаточно, чтобы заставить меня двинуться. Время поехать домой, очнуться от слишком хорошего, чтобы быть правдой, сна, который превратился в этот извращенный кошмар.

Смех становился все громче и громче, отдаваясь в ушах, пока не прекратился. Я оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джимми падает на пол, его превосходный костюм сминается. Одна женщина открыла от удивления рот. А другая — хихикала, закатив глаза.

— О, Господи, — прорычал Адриан, опускаясь на колени рядом с потерявшим сознание мужчиной. Он вlepил ему пощечину: — Джимми! Джимми!

Появились огромные телохранители, столпившиеся вокруг упавшего певца, загоразживая его.

— Только не это, — крикнул Адриан. — Приведите доктора сюда. Проклятье, Джимми.

— Миссис Феррис? — спросил Сэм.

— Он в порядке?

Сэм нахмурился.

— Он, вероятно, просто потерял сознание. Это в последнее время случается часто. Мы идем?

— Увези меня отсюда, Сэм. Пожалуйста.

*

Я вернулась в Портленд до того, как встало солнце. В дороге я не плакала. Как будто мой мозг выявил чрезвычайную ситуацию и притупил эмоции. Я чувствовала оцепенение, Сэм мог бы даже выехать на встречную полосу, а я не моргнула бы и глазом. Я была усталым, замороженным телом. Мы заехали в особняк, чтобы Сэм мог взять мою сумку, прежде чем направиться в аэропорт. Он посадил меня на самолет, и мы вылетели в Портленд. Потом он забрал меня из самолета и повез домой.

Сэм настоял на том, что понесет мою сумку точно так же, как настаивал на том, чтобы называть меня по фамилии мужа. Мужчина бросал лучший едва различимый,

заинтересованный взгляд искоса, который я когда-либо видела. Он никогда много не говорил, но я это очень ценила.

Я на автопилоте подняла свое брэнное страдающее тело по лестнице в нашу с Лорен квартиру. В подъезде пахло чесноком, благодаря кулинарным талантам миссис Лусии, что жила на первом этаже. Облезлые зеленые обои и старый поцарапанный паркет с множеством пятен неизвестного происхождения. К счастью, я обулась в свои кроссовки, а иначе подошвы моих ступней были бы утыканы занозами. Этот пол не шел ни в какое сравнение с великолепным, гладким, сверкающим полом в доме Дэвида, в который можно было смотреться, как в зеркало.

Дерьмо. Я не хочу о нем думать. Все воспоминания о нем стоит закрыть на замок в ящике и похоронить в самом дальнем углу моего сознания. Им никогда больше не следует выходить на поверхность.

Мой ключ все еще подходил к замку. Это немного приободрило меня. Было такое ощущение, что меня не было здесь не несколько дней, а целую вечность. Прошла всего лишь неделя. Я уехала в четверг рано утром, а сегодня был вторник. Меньше, чем шесть коротких дней. Это было невыносимо. Все так изменилось.

Я открыла дверь, производя как можно меньше шума, потому что было раннее утро. Лорен, скорее всего, еще спала. А может быть, и нет. До меня донесся смех.

Я даже предположить не могла, что Лорен будет распростерта на нашем маленьком кухонном столе, хихикая, пока какой-то парень что-то делал под ее старой, растянутой футболкой, в которой она обычно спала. Его лицо находилось где-то в области ее декольте, и он щекотал ее. Лорен извивалась, издавая кучу различных радостных звуков. Слава богу, штаны этого парня были на месте, кто бы он ни был. Они были так поглощены своим занятием, что даже не заметили, как мы вошли в квартиру.

Сэм уставился на дальнюю стену, стараясь не смотреть на происходившую перед нами сцену.

Бедняга, ему наверно постоянно приходилось быть свидетелем подобных сцен.

— Привет, — сказала я. — Гм, Лорен?

Лорен взвизгнула и перекатилась, заворачивая парня в свою майку, в то время как он боролся, чтобы высвободиться. Если бы она случайно задушила его, то, на мой взгляд, он, по крайней мере, умер бы счастливым.

— Эв, — она тяжело дышала. — Ты вернулась.

Парень, наконец, показал свое лицо.

— Натан? — ошеломленно спросила я. Я покачала головой, чтобы просто удостовериться в этом, прищурилась.

— Привет, — мой брат поднял одну руку, пока другой стягивал майку Лорен. — Как дела?

— Ага, прекрасно, — ответила я. — Сэм, это моя подруга Лорен и мой брат Натан. Ребята, это — Сэм.

Сэм вежливо кивнул и поставил на пол мою сумку.

— Могу я сделать что-нибудь еще для вас, миссис Феррис?

— Нет, Сэм. Спасибо, что доставил меня домой.

— Всегда, пожалуйста, — он посмотрел на дверь, потом опять на меня, маленькая морщинка появилась между его бровей. Я была не уверена, но думаю, это было похоже на то, что Сэм хмурится. Выражение его лица казалось скромным. Сдержанным, вот, вероятно.

правильное слово. Он вытянул руку и неловко похлопал меня по спине. Потом ушел, закрыв за собой дверь.

В глазах закипали слезы. Я моргала как безумная, сдерживая их. Его доброта почти сломала мое оцепенение, черт возьми. Я пока не могла это себе позволить.

— Итак, вы вместе? — спросила я.

— Мы вместе. Да, — сказала Лорен, потянувшись рукой назад. Нейт взял ее за руку и крепко сжал. Они, и правда, выглядели парой. Если серьезно, то насколько незнакомо все стало? Мой мир изменился. Все ощущалось по-другому, хотя маленькая квартира выглядела так же. Вещи были почти там же, где я их и оставила. Коллекция сумасшедших фарфоровых кошек Лорен все еще пылилась на полке. Наша дешевая или из секонд-хенда мебель и бирюзово-голубые стены не изменились. Однако я бы не смогла использовать этот стол снова, после того, что видела. Бог знает, что они на нем делали.

Я сжала пальцы, желая оживить свои конечности.

— Я думала, вы двое ненавидите друг друга?

— Мы и ненавидели, — подтвердила Лорен. — Но, знаешь... теперь нет. Вообще-то это удивительно простая история. Все вообще-то произошло, пока ты отсутствовала.

— Ух, ты.

— Милое платье, — сказала Лорен, рассматривая меня.

— Спасибо.

— «Валентино»?

Я разгладила синюю ткань над животом.

— Я не знаю.

— Это утверждение. Необычное сочетание с кроссовками, — сказала Лорен. Затем она послала Нейту красноречивый взгляд. Кажется, они уже наладили отличное бессловесное общение, потому что Нейт без лишних слов на цыпочках ушел в ее спальню.

Занимательно...

Моя лучшая подруга и мой брат. И она не обмолвилась даже словом. Но с другой стороны была куча всего, что я тоже не рассказывала ей. Возможно мы вышли из того возраста, когда делились любой малейшей деталью наших жизней. Как жаль.

Одиночество и добрая доля жалости к самой себе охладили меня, и я обхватила себя руками.

Лорен подошла и взяла меня за руку.

— Дорогая, что случилось?

Я покачала головой, предотвращая вопросы.

— Я не могу рассказать. Пока что.

Она присоединилась ко мне, прислонившись к стене.

— У меня есть мороженое.

— Какое?

— Тройной шоколад. Я думала попозже помучить твоего брата мороженым, используя порнографический метод.

Вот так прошел мой неопределенный интерес к мороженому. Я закрыла лицо руками.

— Лорен, если ты любишь меня, ты никогда больше такого не скажешь.

— Извини.

Я почти улыбнулась. Мои губы были определенно близки к этому, но в последний

момент дрогнули.

— Нейт делает тебя счастливой?

— Да, очень. Это просто как... я не знаю, это будто мы созданы друг для друга. С той ночи, как он забрал меня от твоих родных, мы практически постоянно были вместе. Это ощущается таким правильным. Он не такой злой, каким был в средней школе. Он отказался от своего образа жизни «парня-шлюхи». Он успокоился и вырос. Дерьмо, из нас двоих он самый разумный, — она притворно надула губы. — Но наше время, когда мы делились всем, прошло, да?

— Я думаю, да.

— Эх, ну, у нас была средняя школа.

— Ага, — я умудрилась улыбнуться.

— Дорогая, мне жаль, что все пошло не так. Я имею в виду, это очевидно, почему ты вернулась обратно домой, и выглядишь дерьмово в этом безусловно изысканном платье, — она с вожделением смотрела на него.

— Оно твое, — к черту все, она может забирать и остальные вещи тоже. Я никогда больше не хочу к ним даже притрагиваться. Его куртку я отдала Сэму, предварительно засунув кольцо в ее карман. Сэм обо всем позаботится. В целости и сохранности передаст все Дэвиду. Моя рука казалась голой без кольца и стала как будто бы легче.

Легче и свободней должны бы сочетаться вместе, но нет, они не сочетались. Внутри я ощущала невероятную тяжесть. Я таскала свою несчастную задницу вот уже несколько часов. Сначала в самолет. Потом из самолета. В машину. Вверх по лестнице. Пока что ни время, ни расстояние не помогали мне.

— Я хотела бы обнять тебя, но от тебя исходит атмосфера «не-трогай-меня», — сказала она, опираясь руками на свои стройные бедра. — Скажи, что мне сделать.

— Извини, — на моем лице появилась неестественная, искаженная улыбка. — Позже?

— Насколько позже? Потому что, откровенно говоря, ты очень сильно в этом нуждаешься.

Я не могла больше сдерживать слезы. Они сами начали капать из моих глаз, и, начав плакать, я больше не могла остановиться. Я бесполезно старалась остановить этот поток, вытирая глаза руками, но потом сдалась и закрыла лицо ладонями.

— Черт!

Лорен обняла меня:

— Выпусти это.

Я так и сделала.

Двадцать восемь дней спустя...

Посетительница бесконечно долго выбирала, что бы ей заказать. Она сидела напротив за барной стойкой, ее взгляд то и дело перемещался с меню на меня и обратно. Я прекрасно знала этот взгляд. Я ненавидела этот взгляд. Мне нравилось работать в кафе, наполненном ароматом кофейных зерен, тихой музыкой и болтовней посетителей. Мне нравились непринужденные и дружеские отношения, что существовали у меня с моими коллегами по эту сторону барной стойки, и то, что мои руки и мозг были заняты работой. Как это ни странно, но работа бариста расслабляла меня. У меня это очень хорошо получалось. Моя учеба была сродни постоянной борьбе, так что я наслаждалась работой в кафе.

Если когда-нибудь все полетит к чертям собачьим, у меня всегда будет отдушина в виде работы бариста. Эта профессия в нашем современном Портленде была эквивалентом профессии машинистки. Город развивался на кофейных зернах и кафешках. Кофе и пиво было у нас в крови.

Хотя в последнее время некоторые посетители стали настоящими занозами в заднице.

— Твое лицо мне знакомо, — начала она точно так же, как обычно начинали и все остальные. — Не твои ли фото были по всему интернету некоторое время назад? Что-то связанное с Дэвидом Феррисом?

Я хотя бы больше не вздрагиваю при упоминании его имени. И меня уже давно перестало тошнить. Я однозначно не беременна, просто, таким образом, переживаю наш разрыв.

Первые несколько дней я провалялась в постели, скрываясь от всего мира и рыдая в подушку. Затем я вернулась на работу и работала в несколько смен, чтобы быть хоть чем-то занятой. Нельзя было горевать по нему вечно. Жаль только, что мое сердце этого не понимало. Каждую ночь стоило мне сомкнуть глаза, как он являлся мне во снах. Мне приходилось тысячу раз на дню прогонять мысли о нем.

К тому времени как я влилась в привычный ритм жизни, те несколько задержавшихся в наших краях папарацци смылись обратно в ЛА. Похоже, Джимми начал проходить реабилитацию. Лорен постоянно переключала каналы, как только я входила в комнату, и как я ни старалась, новости долетали до моих ушей, и я была в курсе всего происходящего. Создавалось такое ощущение, что абсолютно все только и делали, что говорили о группе «Стейдж Дайв». Кто-то даже попросил меня поставить автограф на фотографии Дэвида, входившего в здание клиники — руки в карманах, голова опущена. Он выглядел таким одиноким. Несколько раз я даже порывалась набрать его номер. Просто спросить как у него дела. Просто услышать его голос. Ну не глупо ли? Что, если бы я позвонила и трубку сняла Марта?

В любом случае, нервный срыв Джимми для прессы стал более интересной темой, чем я. Моя персона едва достаивалась упоминания в газетах.

Но окружающие люди, посетители кафе, они сводили меня с ума. Вне рабочего времени я превратилась в настоящую отшельницу. Что тоже имело свои недостатки в виде моего брата, который практически поселился в нашей с Лорен квартире. Чужая любовь вызывала тошноту. Это был доказанный медицинский факт. Клиенты кафе с ярко сияющим в их

маленьких глазках любопытством были ничем не лучше.

— Вы ошиблись, — сказала я назойливой посетительнице.

Она окинула меня беглым взглядом.

— Я так не думаю.

Я готова была поспорить на десять баксов, что она клонила к тому, чтобы через меня получить его автограф. Это будет уже восьмая попытка за сегодня. Некоторые приглашали меня к себе домой для интимных отношений, потому что, ну, вы понимаете, я же бывшая подружка рок-звезды. Они наверно думали, что моя вагина теперь чем-то отличается от других. Иногда мне становится очень любопытно, не думали ли они, что у меня на внутренней стороне бедра есть табличка с надписью: «здесь был Дэвид Феррис».

Эта девушка, в отличии от других, не окидывала меня оценивающим взглядом. Нет, она просто хотела автограф.

— Послушай, — сказала она, любопытство превратилось в лесть. — Мне бы никогда и в голову не пришло просить тебя, но просто я очень преданная его поклонница.

— Я ничем не могу вам помочь, извините. Мы кстати закрываемся. Вы будете заказывать? — спросила я с вежливой улыбкой. Сэм гордился бы этой улыбкой, она была настолько фальшивой, насколько это было возможно. Но в моих глазах эта девушка могла прочесть всю правду. Что я была на исходе, и мне честно было на все наплевать. Особенно на все, что касалось Дэвида Ферриса.

— Можешь мне хотя бы сказать, правда ли что группа распадается? Ну, пожалуйста. Ходят слухи, что со дня на день будет сделано официальное заявление.

— Мне ничего об этом не известно. Вы будете заказывать или нет?

Мое упорное отрицание обычно вызывало у них злость или слезы. Она выбрала злость. Хороший выбор, потому как слезы раздражали меня до чертиков. Я была сыта ими по горло как своими собственными, так и чужими. Несмотря на то, что всем было прекрасно известно, что он меня бросил, они все равно думали, что у меня есть к нему доступ. Или они на это надеялись.

Она наигранно рассмеялась.

— Нет надобности быть такой сучкой. Неужели, если бы ты поделилась со мной информацией, это бы тебя убило?

— Уходи, — потребовала моя замечательная начальница, Руби. — Сейчас же. Пошла вон. Девушка не могла поверить своим ушам и широко открыла рот.

— Что?

— Аманда, звони в полицию, — Руби встала рядом со мной.

— Уже звоню, босс, — Аманда раскрыла свой сотовый телефон и принялась нажимать нужные цифры, смеряя девушку презрительным взглядом. Аманда, та самая девчонка, с которой у меня состоялся мой первый и последний лесбийский опыт в старшей школе, изучала актерское мастерство. Подобные столкновения были ее любимым развлечением. Вполне возможно подобные конфликты высасывали из меня все мои силы, но Аманда наоборот черпала в них свою энергию. Без сомнения, очень темную, необузданную энергию, но она просто наслаждалась этим представлением.

— Да, тут одна крашенная блондинка с отвратительным загаром доставляет нам неприятности. Я совершенно уверена, что видела ее на студенческой вечеринке вдрызг пьяную, несмотря на то, что она еще несовершеннолетняя. А то, что было потом, мне даже стыдно рассказывать, но вы можете сами все посмотреть на «ютубе», если вам конечно уже

есть восемнадцать.

— И не удивительно, что он бросил тебя. Я видела то фото, у тебя такая огромная задница, размером с гребаный Техас, – сказала девушка с издевкой и убежала из кафе.

— Тебе правда необходимо распалать их еще больше? – спросила я.

Аманда цокнула языком.

— Я тебя умоляю. Она первая начала.

Мне говорили вещи намного хуже чем то, что она бросила мне в лицо. Намного хуже. Мне уже несколько раз пришлось поменять свой электронный адрес, чтоб остановить поток писем ненависти, что наводнили мой ящик. Недавно я даже закрыла свою страничку на «фейсбуке».

Все же я оглянулась назад, чтобы проверить свою задницу. Девчонка была близка к истине, но я могла поклясться, что Техас все же был немного больше.

— Насколько я знаю, твоя диета состоит из конфеток для свежего дыхания и кофе латте. Так что твоя задница в полном порядке.

Аманда уже давно простила меня за тот паршивый поцелуй в старшей школе. Мне очень крупно повезло с друзьями. Я, правда, не знаю, как пережила бы предыдущий месяц, если бы не они.

— Я ем.

— Правда? Чьи на тебе джинсы?

Я принялась чистить кофемашину, потому что нам действительно было пора закрываться. А также, чтобы отделаться от разговора. По правде говоря, когда тебе изменяет и затем нагло врет любимый отпрыск рок-н-рола, это не оставляет тебе выбора, кроме как сесть на диету. Однозначно я такую диету никому не порекомендовала бы.

Спала я дерьмово и постоянно чувствовала себя уставшей. Я была в глубокой депрессии. И внутри и снаружи я казалась себе чужой. То время, что мы с Дэвидом провели вместе, то, как изменилась моя жизнь, это все постоянно всплывало в моей памяти, это было как зуд, который я не могла унять. Частично из-за того, что у меня не было на это сил, а так же, потому что у меня не было на это желания. Ты можешь сколько угодно петь “I Will Survive” (прим. пер. «Я все равно выживу»), но желание удавиться все равно вскоре поглотит тебя с головой.

— Лорен их больше не носит. Она говорит, что у них неправильный оттенок темного цвета и что расположение задних карманов делает ее похожей на хиппи. Если вы не в курсе, то расположение карманов — это очень важно.

— С каких это пор ты носишь одежду этой тощей коровы?

— Не называй ее так.

Аманда закатила глаза.

— Я тебя умоляю, она расценивает это как комплимент.

Это правда.

— Ну, мне кажется, что это очень милые джинсы. Ты будешь протирать столы или хочешь, я их протру?

Аманда только лишь вздохнула.

— Мы с Джо хотели бы отблагодарить тебя за помощь с переездом в прошлые выходные. Поэтому сегодня вечером мы вытаскиваем тебя немного развезаться. Будем пить и танцевать, ура!

— Оу, — я и алкоголь — не самое лучшее сочетание. — Я не знаю.

— Зато я знаю.

— У меня были планы...

— Нет у тебя никаких планов. Именно поэтому я сказала тебе обо всем этом в последнюю минуту. Я так и знала, что ты начнешь придумывать отговорки.

Взгляд Аманды говорил о том, что никакие отговорки не принимаются.

— Руби, я собираюсь вытащить нашу девочку развезаться сегодня вечером.

— Отличная идея, — крикнула Руби из кухни. — Забери ее отсюда, я сама все уберу.

Моя отрепетированная милая улыбка сползла с лица.

— Но...

— Во всем виноваты твои грустные глаза, — сказала Руби, забирая у меня тряпку. — Не могу их больше выносить. Пожалуйста, сходи на тусовку и повеселись.

— Я что настолько вгоняю вас всех в тоску? — спросила я, внезапно заволновавшись. Я честно думала, что у меня получалось выглядеть позитивной. Выражения их лиц говорили об обратном.

— Нет. Ты нормальная двадцатидесятилетняя девушка, которая проходит через разрыв. Тебе необходимо выбраться в люди и снова научиться радоваться жизни. — Руби было чуть за тридцать, и она вскоре собиралась выходить замуж. — Поверь мне, я лучше знаю. Иди.

— Или, — сказала Аманда, тыча в меня пальцем, — ты можешь остаться дома и пересмотреть «Переступить черту» в восьмисотый раз под бурный аккомпанемент твоего брата и Лорен, занятых в соседней комнате сама знаешь чем.

Ну, если на все это взглянуть именно с этой стороны...

— Хорошо, пошли.

*

— Я хотела бы быть би, — объявила я, потому что это было важно. У девушки должны быть цели. Я отодвинула стул и встала на ноги. — Давайте танцевать. Обожаю эту песню.

— Тебе нравится любая песня, только если она не из репертуара сама знаешь какой группы, — рассмеялась Аманда, следуя за мной через толпу.

Ее подружка Джо только лишь покачала головой, повиснув у нее на руке. Без сомнения пить водку было такой же плохой идеей, как и пить текилу, но это помогло мне раскрепоститься, почувствовать себя свободней. Как хорошо, что я выбралась с Амандой и Джо, и выпитые на голодный желудок три рюмки очень быстро подействовали на меня. Хотя у меня есть подозрение, что Аманда в одну из них подлила двойную порцию. Это было так здорово снова танцевать, смеяться и быть бесшабашной. Из всех моих тактик по преодолению боли от разрыва с Дэвидом, самой успешной была — занять себя работой. Но в том чтобы принарядиться и пойти на вечеринку, потанцевать и выпить, тоже были свои достоинства.

Я заправила волосы за уши, потому как мой хвостик снова начал распадаться. Отличная метафора для того, чтобы описать мою жизнь. У меня все валилось из рук с тех пор, как я вернулась из ЛА. Ничего не получалось. Любовь — это брехня, а рок-н-ролл — отстой. Бла-бла-бла. Кажется, снова пора выпить.

И я как раз пыталась донести до своих друзей очень важную и умную мысль.

— Я серьезно, — сказала я. — Я собираюсь стать би. Это мой новый план.

— Мне кажется, это отличный план, — прокричала Джо, пододвигаясь ко мне ближе. Джо тоже работала с нами в кафе, именно там эти двое и познакомились. У нее были длинные синие волосы, которые у всех вызывали зависть.

Аманда закатила глаза:

— Ты не би. Малышка, не потакай ей.

Джо ухмыльнулась, несколько не раскаявшись:

— На прошлой неделе она собиралась стать лесбиянкой. Перед этим в монастырь собиралась уйти. Я думаю, что это конструктивный шаг к ее прощению каждого, обладающего членом, человека и движение вперед в ее жизни.

— Я иду по жизни дальше, — сказала я.

— Так вот, почему вы двое говорите о нем последние четыре часа? — усмехнулась Аманда, обнимая Джо за плечи.

— Мы не говорим о нем. Мы оскорбляем его. Как ты сказала будет «никчемный вонючий осеменитель овец» по-немецки? — спросила я, качая головой в такт музыки. — Это мне больше всего понравилось.

Джо и Аманда были поглощены своим интимным танцем, и я решила оставить их в покое, спокойно удалившись. Потому что я не боялась остаться одной. Я была уверена в себе и своей неотразимости. К черту Дэвида Ферриса. Пошел он на фиг, далеко и надолго.

Музыка превратилась в один сплошной ритм и, пока я двигалась в такт этому ритму, все было замечательно. Пот струился по моей шее, и я расстегнула еще одну пуговицу на своем платье, открывая линию декольте. Я совершенно не обращала внимания на танцующих людей вокруг меня. Я закрыла глаза, отгородившись от всех в своем собственном маленьком мирке. От выпитого алкоголя все мое тело приятно гудело.

По какой-то непонятной причине, чужие руки, скользнувшие по моим бедрам, совсем меня не рассердили. Они не двигались никуда дальше, не позволяли себе лишнего. Их владелец танцевал позади меня, сохраняя приличную дистанцию между нашими телами. Это было очень приятно. Может, меня загипнотизировала музыка? Или возможно я все-таки чувствовала себя настолько одинокой, что никак не воспрепятствовала этим непрошеным рукам? Даже напротив, я позволила себе расслабиться, прижавшись к нему спиной. Всю следующую песню мы так и протанцевали, слившись воедино. Ритм музыки стал немного медленнее, и я подняла руки вверх, сомкнув их позади у него на шее. После месяца, когда я старалась избегать любых физических контактов с людьми, мое тело вдруг проснулось. Короткие, мягкие волосы на его затылке покалывали мне пальцы. Гладкая, теплая кожа под моими руками.

Боже, это было так волнительно. Я даже и не подозревала насколько изголодалась по физическому контакту.

Я прислонилась к нему головой, и он что-то тихо прошептал мне. Слишком тихо, чтобы услышать. Мягкая щетина на его щеке и подбородке слегка покалывала мне лицо. Его руки скользнули по моим ребрам и затем вверх по рукам. Пальцы с огрубевшей на них кожей легонько поглаживали чувствительную кожу на внутренней стороне моих рук. Его тело было таким твердым позади меня, таким сильным, но его прикосновения были очень нежными и сдержанными. Я вовсе не собиралась бросаться в новые отношения. Мое сердце было слишком израненным для этого, я стала слишком недоверчивой. Хотя надо признать, я не могла заставить себя отлипнуть от него. Мне было слишком хорошо.

— Эвелин, — сказал он, его губы касались моего уха.

Мое дыхание остановилось, а глаза широко распахнулись. Я повернулась и наткнулась взглядом на Дэвида, который смотрел на меня в ответ. Его длинные волосы исчезли. Они все еще были довольно длинными на макушке, но подстрижены очень коротко по бокам. Он запросто мог бы сделать прическу в стиле Элвиса, если бы захотел. Короткая темная щетина покрывала нижнюю часть его лица.

— Ты... ты здесь, — заикаясь, произнесла я. Мой язык не помещался во рту и вообще мешал говорить. Боже, это правда был он. Тут в Портленде. Собственной персоной.

— Ага, — его голубые глаза горели огнем. Он больше ничего не произнес. Музыка продолжала играть, а люди продолжали танцевать. Мир перестал вращаться вокруг своей оси только для меня.

— Зачем?

— Эв? — Аманда прикоснулась к моей руке, и я подпрыгнула на месте, волшебство рассеялось. Она мельком взглянула на Дэвида, и затем ее лицо скривилось от отвращения.

— Какого хрена он тут делает?

— Все в порядке, — сказала я.

Ее глаза перескакивали с Дэвида на меня и обратно. Похоже, мои слова ее не убедили. Ничего удивительного.

— Аманда, пожалуйста, — я сжала ее пальцы и кивнула. Через секунду она повернулась к Джо, которая разглядывала Дэвида с нескрываемым удивлением. И с доброй порцией оцепенения перед знаменитостью. Его новый имидж отлично сбивал с толку. Если, конечно, ты точно не знал на кого смотришь.

Я протиснулась через толпу, убираясь оттуда к черту. Я знала, что он последует за мной. Конечно, последует. Наша встреча не была совпадением, хотя я не имею ни малейшего понятия, как он нашел меня. Мне необходимо было избавиться от духоты и шума, чтобы привести свои мысли в порядок. Я прошла прямо по коридору мимо женского и мужского туалетов. В этом направлении находилось то, что мне было нужно. Большая, черная дверь, которая выходила на задний двор. Свежий вечерний воздух. Пару одиноких звездочек мерцали в ночном небе. А так тут было очень темно и мокро, после недавнего летнего дождя. Это было ужасное место, грязное и отвратительное. Просто идеальные декорации.

Вполне возможно, я была чересчур драматична.

Дверь со стуком захлопнулась за Дэвидом. Мы стояли лицом к лицу, его руки на бедрах. Он открыл было рот, чтобы заговорить, но нет, не в этот раз. Я набросилась на него:

— Зачем ты здесь, Дэвид?

— Нам надо поговорить.

— Нет, не надо.

Он потер пальцами свой подбородок.

— Пожалуйста. Мне надо тебе кое-что сказать.

— Слишком поздно.

Снова видеть его — это оживило во мне старую боль. Как будто у меня были едва затянувшиеся раны, которые снова открылись. Хотя я не могла оторвать своего взгляда от него. Какая-то часть меня просто умирала от желания смотреть и слушать его вечно. Мои мысли и сердце были жалкими обломками. Дэвид тоже выглядел не очень. Он был уставшим. Под глазами у него залегли тени, и он казался немного бледным, даже при таком

паршивом освещении. В ушах больше не было сережек, ни одной. Не то чтобы мне это было важно.

Он перекатывался с пятки на носок, отчаянно всматриваясь в меня глазами.

— Джимми пришлось пройти реабилитацию, а так же была куча других проблем, требующих моего внимания. Мы должны были пройти терапию все вместе, по условиям его лечения. Именно поэтому я не смог сразу же к тебе прийти.

— Очень сочувствую всему, что случилось с Джимми.

Он кивнул:

— Спасибо. Ему уже намного лучше.

— Хорошо. Это хорошо.

Еще один кивок.

— Эв, насчет Марты...

— Эй, — я вытянула перед собой одну руку. — Даже и не начинай.

Уголки его губ опустились вниз.

— Нам необходимо поговорить.

— Разве?

— Да.

— Потому что ты наконец-то решил, что готов? Да пошел ты, Дэвид. Прошел месяц. Двадцать восемь дней, а от тебя ни слова. Я очень сожалею насчет твоего брата, но нет.

— Я просто хотел быть уверенным, что я приду к тебе и все сделаю правильно.

— Я не понимаю о чем ты.

— Эв...

— Нет, — я мотаю головой, обида и злость вскипают во мне. Поэтому я сильно толкаю его в грудь, так что ему приходится отступить на шаг назад. Он наткнулся на стену, и мне больше некуда было его отталкивать. Но это не остановило меня.

Я толкала его снова и снова, и ему пришлось схватить меня за руки.

— Успокойся.

— Нет!

Его руки сомкнулись на моих запястьях. Он с силой стиснул зубы. Я даже услышала, как они закрипели. Он просто чудом не сломал себе ничего во рту.

— Что нет? Ты не хочешь поговорить сейчас? Или что? Что ты имеешь в виду?

— Я говорю «нет» всему, что имеет к тебе хоть какое-то отношение, — мои слова эхом отозвались на узкой улочке, вверх по стенам зданий, пока совсем не затихли и не растворились в бездушном ночном небе. — Между нами все кончено, забыл? Ты порвал со мной. Я ничего для тебя не значу. Ты сам ведь так сказал.

— Я был не прав. Черт побери, Эв. Успокойся. Послушай меня.

— Отпусти меня.

— Мне жаль. Но это не то, о чем ты подумала.

Не веря своим ушам, я выплюнула ему прямо в лицо:

— Ты не имеешь права вот так взять и появиться здесь. Ты врал мне. Ты изменил мне.

— Малышка...

— Не смей меня так называть, — заорала я.

— Прости меня, — его взгляд блуждал по моему лицу в поисках проблеска понимания с моей стороны. Но ничего там не обнаружил. — Прости меня.

— Хватит.

— Прости, прости меня, — снова и снова повторял он как заклинание эти, казалось, самые глупые слова всех времен и народов. Мне необходимо было это прекратить. Заткнуть его прежде, чем он сведет меня с ума. Я припала своими губами к его, в попытке остановить его напрасную мольбу. Он застонал и ответил на мой поцелуй, страстно сминая мои губы своими и причиняя мне небольшую боль. Но я ведь тоже причиняю ему боль. Боль помогает. Я проталкиваю свой язык ему в рот, чтобы насладиться тем, что по идее должно было мне принадлежать. В тот самый момент я ненавидела его и любила одновременно. Между двумя этими чувствами не было никакой разницы.

Мои руки были свободны, поэтому я обвила ими его шею. Он развернул наши тела и прижал меня спиной к грубой кирпичной стене. Его прикосновения жгли мою кожу словно огнем, достигая самых костей. Все произошло так быстро, что у меня даже не было времени обдумать правильность своих действий. Он задрал мне платье и дернул вниз мои трусики. У них не было и шанса на выживание. Свежий ночной воздух и его горячие ладони принялись ласкать мои бедра.

— Я так чертовски сильно скучал по тебе, — простонал он.

— Дэвид.

Он расстегнул свою ширинку и спустил вниз джинсы. Затем он поднял мою ногу и закинул ее себе на талию. Руками я цеплялась за его шею. Думаю, я пыталась вскарабкаться на него. Мои мозги совсем отключились. Мною руководило непреодолимое желание прижаться к нему так плотно, насколько это возможно. Он покусывал мои губы, завладевая ими в очередном страстном поцелуе. Его член с легкостью вошел в меня. То неповторимое чувство наполненности, какое он дарил, вскружило мне голову. Точно так же, как и слабый всплеск боли, когда он полностью вошел в меня. Свою другую руку переместил мне под попу, и приподнял меня вверх, проталкиваясь до упора, от чего у меня вырвался стон. Я обвила его за талию своими ногами и крепко вцепилась в него. Он принялся двигаться во мне, его толчки грубы и резки. В этот момент грубый секс, кажется, подходил нам обоим. Я впивалась ему ногтями в шею, при этом вжимаясь каблуками в его задницу. Он неконтролируемо сжал зубами кожу на моей шее. Идеальная боль.

— Сильней, — я тяжело дышала.

— Черт, да.

Грубая каменная кладка стены царапала мне спину через тонкую ткань платья. Сильные и резкие толчки его члена заставляли меня задыхаться. Я цеплялась за него, как утопающий за спасательный круг, чтобы как можно больше насладиться его близостью. Внутри меня нарастало напряжение. Этого всего было чересчур много и в то же самое время недостаточно. Мысль, что это, возможно, наш самый последний раз, это жесткое и яростное совокупление... Мне хотелось плакать, но у меня больше не осталось слез. Его пальцы впивались в мои ягодицы, оставляя синяки на нежной плоти. Напряжение внутри меня нарастало все больше и больше. Он немного изменил угол своих движений, этим достигая моего клитора, и я просто взорвалась от сильнейшего оргазма. Руками, обхватив его за голову, я прижалась своей щекой к его. Его щетина терлась о кожу на моем лице. Все мое тело тряслось и дрожало.

— Эвелин, — охрипшим голосом произнес он, делая последний толчок и изливаясь внутри меня.

Каждая мышца моего тела размякла. Все, что я смогла сделать — повиснуть на нем.

— Все хорошо, детка, — его губы крепко прижаты к моему мокрому лицу. — Все будет

хорошо, обещаю. Я все исправлю.

— От-отпусти меня.

Его плечи поднялись и опустились при глубоком вздохе, и он бережно опустил меня на землю. Я поспешно одернула свое платье вниз, приводя себя в порядок. Как будто это вообще было возможным. Вся эта ситуация вышла из-под контроля. Дэвид не спеша натянул обратно свои джинсы, снова приобретая приличный вид. Я глядела куда угодно, но только не на него. Переулок. Подумать только!

— С тобой все в порядке? — его пальцы нежно пробежались по моему лицу, заправляя прядь моих волос за ухо. Я уперлась рукой ему в грудь, заставляя его отступить назад. Ну, не совсем заставляя. Он сам решил освободить для меня немного пространства.

— Я... гм, — я облизала губы и попыталась еще раз: — Мне надо домой.

— Давай, я поймаю нам такси.

— Нет, извини. Я знаю, я это начала. Но... — я покачала головой.

Дэвид выглядел подавленным.

— Это было прощание.

— Хрена с два это было прощание. Даже не пытайся мне такое говорить, — его палец скользнул под мой подбородок, вынуждая посмотреть на него. — Мы не закончили, слышишь меня? Даже бл*ть отдаленно. Новый план. Я не уеду из Портленда, пока мы не разберемся с этим. Я тебе это обещаю.

— Не сегодня.

— Нет. Не сегодня. Тогда завтра?

Я открыла было рот, но ничего не смогла произнести. Я понятия не имела, что мне следовало ему ответить. Ногтями я впивалась в свою плоть через ткань платья. То, чего мне хотелось, было загадкой даже для меня самой. Перестать страдать — это было бы замечательно. Выкинуть все воспоминания о нем из своей головы и сердца. Снова нормально дышать.

— Завтра, — повторил он.

— Я не знаю, — я почувствовала себя такой уставшей, выясняя с ним отношения. Казалось, я могла бы заснуть и проспять целый год. Мои плечи опустились, а мозги совсем перестали работать.

Он просто смотрел на меня напряженным взглядом.

— Ладно.

Куда это нас приведет, я не имела ни малейшего понятия. Однако я кивнула, как если бы что-то было решено.

— Хорошо, — сказал он, делая глубокий вдох.

Мои мышцы все еще были натянуты как струны. Что-то теплое и влажное заскользило вниз по внутренней стороне моего бедра. Черт. Мы вроде закончили наш разговор, но мне следовало выяснить кое-что еще.

— Дэвид ты пользовался презервативами, когда занимался сексом в прошлом месяце?

— Тебе не о чем волноваться.

— Хорошо.

Он сделал шаг ко мне.

— Насколько я помню, мы все еще женаты. Так что нет, Эвелин, я не трахался ни с кем, кроме тебя.

Ответить мне было нечего. Мои колени дрогнули. Вероятно, из-за недавних действий, в

которых они участвовали. Облегчение от того, что он не связывался с поклонницами после нашего расставания, не могло быть частью этого, конечно. Я даже не хочу думать о Марте, об этом чудище со щупальцами из морских глубин.

Секс был таким грязным. Любовь была намного хуже.

Одному из нас пора уйти. Он не двинулся, так что я пошла обратно к клубу, чтобы найти Аманду и Джо. Мне нужны были новые трусики и пересадка сердца. Мне нужно было уехать домой. Он пошел за мной, открывая для меня дверь. Тяжелые басы музыки ворвались в ночь.

Я помчалась в дамскую комнату и закрылась в кабинке, чтобы вытереться. Когда я вышла, чтобы сполоснуть руки, смотреть в зеркало было сложно. Яркое люминесцентное освещение ни капельки не помогало. Мои длинные светлые волосы свисали вокруг лица в беспорядке после заботливых рук Дэвида. Мои глаза были расширены и пусты. Я выглядела ужасно, но из-за чего, я не хотела говорить. Кроме того, была куча засосов, которые проявлялись на моей шее. Черт.

Вошла пара девчонок, хохоча и оборачиваясь, бросая на кого-то страстные взгляды. Прежде чем дверь закрылась, я заметила Дэвида, который ожидал, прислонившись к стене напротив и уставившись на свои ботинки. Взволнованная болтовня девчонок была слишком громкой. Но они не упомянули его имени. Маскировка Дэвида держалась. Обнимая саму себя, я вышла на встречу к нему.

— Готова идти? — спросил он, оттолкнувшись от стены.

— Ага.

Мы двинулись через весь клуб к выходу, проталкиваясь сквозь толпу танцующих и веселящихся людей, пытаясь высмотреть Аманду и Джо. Я заметила их у самого края танцпола, они разговаривали. Аманда выглядела раздраженной.

Она заметила меня и приподняла бровь.

— Да ты разыгрываешь меня?

— Спасибо, что вытащили меня погулять. Но мне, кажется, пора домой, — сказала я, не обращая внимания на направленный на меня испытующий взгляд.

— Ты пойдешь с ним? — она дернула подбородком в сторону Дэвида, который старался быть незаметным, стоя у меня за плечом.

Джо подошла ко мне и обняла меня.

— Игнорируй ее. Делай то, что будет лучше для тебя.

— Спасибо.

Аманда закатила глаза и последовала ее примеру, притягивая меня к себе для дружеского объятия.

— Он причинил тебе много боли.

— Я знаю, — мои глаза наполнились слезами. Очень не во время. — Спасибо, что взяли меня с собой.

Я готова была поспорить на все свои деньги, что Аманда испепеляла Дэвида взглядом из-за моего плеча. Мне даже было его немного жаль. Совсем чуть-чуть.

Мы выходили из клуба, когда заиграла одна из его песен. Несколько голосов в толпе завопило «Дайверы!». Из динамиков полился голос Джимми: «Черт, как же я ненавижу наши последние дни любви, вишневые губы и долгие прощания...».

Дэвид наклонил голову, и мы убежали. Снаружи под открытым небом песня была не больше, чем отдаленный шум басов и барабанов. Я продолжала бросать взгляды в сторону, убеждаясь, что он правда был тут, и что это не вымысел моего воображения. Мне так часто

снилось, что он приехал ко мне. И каждый раз я просыпалась в одиночестве, а мое лицо было мокрым от слез. Сейчас он был здесь, и я не могла рисковать. Если бы он сломал меня снова, я не уверена, что смогла бы восстановиться во второй раз. Мое сердце не смогло бы сделать это. Так что, я изо всех сил старалась держать рот и мысли на замке.

Было еще относительно рано, и по улице слонялось не так много людей. Я вытянула руку, чтобы поймать такси, и вскоре остановилась машина. Дэвид открыл для меня дверь. Я молча проскользнула внутрь.

— Я провожу тебя до дома, — он скользнул следом за мной, и я, удивленная, быстренько подвинулась.

— Тебе не нужно...

— Нужно. Ладно. Мне, действительно, нужно сделать так много, так что...

— Ладно.

— Куда? — спросил таксист, посмотрев на нас незаинтересованным взглядом в зеркало заднего вида. Просто какая-то поссорившаяся пара на его заднем сиденье. Я уверена, он видел, по крайней мере, дюжину таких за ночь.

Дэвид не моргнув и глазом, назвал мой адрес. Таксист выехал на дорогу. Он, вероятно, узнал мой адрес от Сэма, а что касается остального....

— Лорен, — вздохнула я, отклонившись на спинку сиденья. — Конечно, вот как ты узнал, где меня найти.

Он вздрогнул:

— Я говорил с Лорен. Послушай, не злись на нее. Потребовалось немало усилий, чтобы ее убедить.

— Да уж.

— Я серьезно. Она набросилась на меня за то, что я все с тобой испортил, полчаса орала на меня. Пожалуйста, не злись на нее.

Я стиснула зубы и уставилась в окно. Пока его пальцы не скользнули поверх моих. Я отдернула руку.

— Ты позволила мне быть внутри себя, но не позволяешь держать тебя за руку? — прошептал он, его лицо выглядело расстроенным в тусклом свете, проезжающих мимо машин и уличных фонарей.

Это было на кончике языка: желание сказать, что это была случайность. То, что произошло между нами, было неправильным. Но я не смогла сделать это. Я знала, как ему будет больно. Мы уставились друг на друга, мой рот оставался открытым, а мозг бесполезным.

— Я так сильно соскучился по тебе, — сказал он. — Ты даже не представляешь.

— Остановись.

Его губы сомкнулись, но он не отвел глаз. Я сидела там пригвожденная его взглядом. Он выглядел совсем по-другому, без длинных волос с короткой щетиной. Знакомый, но неизвестный. Поездка домой не была такой уж долгой, но, казалось, продолжалась вечность. Такси остановилось около старого жилого комплекса, и водитель нетерпеливо посмотрел на нас из-за плеча.

Я открыла дверь, собираясь выйти, но все равно сомневалась. Моя нога зависла в воздухе.

— Если честно, я не думаю, что когда-либо увижу тебя вновь.

— Эй, — сказал он, его рука растянулась по спинке сиденья. Его пальцы тянулись ко

мне, но были далеко, чтобы прикоснуться. — Ты увидишь меня вновь. Завтра.

Я не знала, что сказать.

— Завтра, — повторил он полным решимости голосом.

— Я не знаю, изменит ли это что-нибудь.

Резко выдохнув, он поднял подбородок:

— Я знаю, я все испортил, но я исправлю это. Просто не решай пока ничего, хорошо?

Предоставь хоть это мне.

Я слегка кивнула головой и поспешила внутрь. Как только я захлопнула за собой дверь, такси тронулось с места, и через стекло подъездной двери, покрытое инеем, я наблюдала, как свет задних фар такси постепенно растворялся в ночи.

Что, черт возьми, я должна делать теперь?

Я опаздывала на работу. Я металась по комнате как безумная в попытке поскорей собраться. Я побежала в ванную комнату и запрыгнула в душ. Хорошенько потерла лицо, чтобы избавиться от остатков вчерашнего вечернего макияжа, которые напоминали затвердевшую корку на моем лице. Так мне и надо, если после всего этого на моем лице вылезут отвратительные прыщи. Вчерашний вечер вспоминался мне как какой-то невероятный сон. А теперь я проснулась и окунулась в реальную жизнь. Работа, учеба и друзья. Мои планы на будущее. Все это должно стоять для меня на первом месте. И если я продолжу повторять себе это изо дня в день, то когда-нибудь моя жизнь наладится и все будет просто великолепно.

Руби было все равно, что именно мы одевали на работу помимо футболки с логотипом кафе. Она была очень сговорчивой. Когда-то она хотела стать поэтессой, но получилось так, что ей в наследство досталась кофейня ее тетки в Жемчужном районе. Урбанизация близлежащих районов повлияла на рост цен на недвижимость, и Руби стала очень успешной деловой женщиной. Она писала свои стихи на стенах кофейни. Я не думаю, что в мире существует лучший босс. Но опоздание все равно считалось опозданием. Так не годится.

Я не смогла уснуть, снова и снова прокручивая в голове то, что произошло между мной и Дэвидом в той подворотне. Я воскрешала в своем сознании тот момент, когда он сказал мне, что до сих пор считает нас мужем и женой. Сон был бы намного полезней для моего организма, чем все эти переживания. Жаль только, что мой мозг никак не мог взять это в толк.

Я натянула на себя черную юбку-карандаш, футболку с логотипом кафе и пару балеток. Готова. Ничего не помогло бы мне скрыть темные круги под глазами. Но окружающие меня люди и так уже привыкли в последнее время постоянно видеть их под моими глазами. Мне потребовалось практически полтюбика тонального крема, чтобы замазать синяк на своей шее.

Я выплыла из ванной комнаты в облаке пара как раз в тот момент, когда Лорен летящей походкой выходила из кухни с огромной улыбкой на лице.

— Ты опаздываешь на работу.

— Опаздываю.

Я закинула сумку себе на плечо, схватила ключи со стола и направилась к выходу. На эту ерунду у меня не было времени. Только не сейчас. И желательно вообще никогда. Я не могу придумать убедительную причину, из-за которой она встала бы на сторону Дэвида. За последний месяц она провела столько ночей возле меня, позволяя выговориться о нем до хрипоты в голосе. Не могла же я держать это все в себе вечно. Ежедневно я говорила ей, что не заслужила иметь такую подругу, а она в ответ целовала меня в щеку. Так почему же сейчас она предала меня?

Я сбегала вниз по лестнице, громко топая ногами.

— Эв, подожди, — Лорен бежала позади меня, в то время как я спрыгивала со ступенек крылечка.

Я развернулась к ней, сжав ключи от квартиры в кулаке перед собой как оружие.

— Это ты сказала ему, где я была.

— А что еще мне оставалось делать?

— О, я не знаю. Не говорить ему? Ты знала, что я не хотела его видеть, — я посмотрела на нее, заметив то, что не хотела бы замечать. — Прическа и макияж в такое время? Seriously, Лорен? Ты ожидала, что он, возможно, будет здесь?

Она опустила подбородок, так как в ней нашлась капелька здравого смысла, чтобы наконец-то принять смущенный вид.

— Прости меня. Ты права, я зашла слишком далеко. Но ты знаешь, он ведь приехал к тебе все исправить. Я подумала, что ты, в конце концов, согласишься выслушать его.

Я качаю головой, внутри меня бурлит гнев.

— Не тебе решать.

— Ты была несчастна. Что мне было делать? — она взмахнула руками. — Он сказал, что приехал все исправить. Я поверила ему.

— Конечно, ты поверила. Он же Дэвид Феррис, твой подростковый идол.

— Нет. Если он не будет целовать твои ноги, я убью его. Плевать кто он такой, он причинил тебе боль, — она казалась искренней, с поджатыми губами и широко открытыми глазами. — Извини, что я нарядилась утром. Это больше не повторится.

— Ты выглядишь великолепно. Но ты попусту потратила время. Его здесь не будет. Этого не случится.

— Нет? Кто тогда сделал тебе этот огромный засос на шее?

Мне не нужно было даже отвечать на это. Проклятье. Солнце палило над головой, согревая все вокруг.

— Если есть шанс, что он, возможно, тот единственный, — сказала она, и мой живот скрутило. — Если ты думаешь, что вы двое сможете все, так или иначе, уладить... Он единственный, кто когда-либо привлек тебя. То, как ты говоришь о нем...

— Мы были вместе всего несколько дней.

— Ты, правда, думаешь, что это имеет значение?

— Да. Нет. Не знаю, — я сомневалась. Это было не хорошо. — У нас никогда не было шанса, Лорен. Никогда.

— Ну! — воскликнула она, сопровождая свое восклицание сдавленным звуком. — Таков твой гребаный план, да? Дай-ка я тебе кое-что объясню. Ты не должна следовать логике. Вы просто должны хотеть быть вместе и быть готовыми сделать все, что угодно, чтобы это случилось. Это же элементарно. Эв, это любовь, когда ты, прежде всего, думаешь о своей второй половинке, а потом о себе. И не нужно постоянно переживать, что ты разочаруешь своего папочку с его идиотским планом твоей жизни, в который он заставил тебя поверить, что это и есть мечта всей твоей жизни.

— План тут вовсе ни при чем, — я потерла свое лицо ладонями, пытаюсь сдержать слезы растерянности и страха. — Он сломал меня. Я чувствую, что он сломал меня. Так почему я снова должна ему поверить?

Лорен посмотрела на меня, и ее глаза заблестели.

— Я знаю, что он обидел тебя. Так накажи ублюдка, заставь его ждать. Подонок это заслужил. Но если ты его любишь, тогда подумай о том, чтобы его выслушать.

Скорее всего, у меня начиналась простуда, судя по сдавленному чувству в груди и слезящимся глазам. Разбитое сердце должно иметь и свои положительные стороны, что-то что уравнивает все плохое и негативное. Мне следовало бы быть мудрее, сильнее, но у меня ничего не вышло.

Я крутила в руках ключи от дома. Руби меня прибьет. Мне нужно было бежать и ловить

такси, но все равно это не гарантировало бы, что моя задница размером с Техас не будет уволена.

— Мне надо бежать.

Лорен понимающе кивнула:

— Я люблю тебя намного больше, чем я когда-либо любила его. Можешь в этом не сомневаться.

— Спасибо, — хмыкнула я.

— Но разве тебе не понятно, что ты так не горевала бы, если бы больше его ни капельки не любила?

— Мне не нравится, когда мне вправляют мозги в такой ранний час. Прекрати.

Она сделала шаг назад, улыбаясь мне.

— Но ты всегда была рядом со мной, чтобы вправлять мне мозги, когда мне это было необходимо. Так что я не перестану читать тебе нотации только потому, что тебе не нравится их выслушивать. Привыкай.

— Я люблю тебя, Лорен.

— Я знаю. Вы, отпрыски Томасов, просто без ума от меня. Представляешь, прошлой ночью твой брат сделал...

Я бросилась бежать, сопровождаемая ее дьявольским смехом.

*

На работе все было нормально. Приходили какие-то два парня, чтобы пригласить меня на студенческую вечеринку. Меня никогда не приглашали на подобные вечеринки до моего знакомства с Дэвидом. Поэтому я отклоняю любые приглашения, которые поступают после моего расставания с ним. Если мы, в самом деле, расстались. Как знать.

Многие просили автограф или информацию, но я вместо этого упорно продавала им кофе и пирожные. Мы закрылись, когда на город начали опускаться сумерки.

Весь день я была взвинчена, гадая, появится ли он в кафе или нет. Обещанное «завтра» было сегодня, но он все еще не давал о себе знать. Может быть, он передумал и изменил свои планы. Я меняла свои почти каждую минуту. Хотя мое обещание не принимать пока никакого решения было все еще в силе.

Мы как раз запирали дверь, когда Руби ткнула меня под ребра локтем. Возможно немного сильнее, чем она планировала, так что без сомнения, ушиб почки был обеспечен.

— Он правда пришел, — зашипела она, кивая в сторону Дэвида, который действительно околачивался в ожидании поблизости от кафе. Он пришел, как и обещал. Нервное возбуждение стало вскипать во мне. С бейсболкой на голове и щетиной его было не узнать. Особенно из-за новой стрижки. Я мысленно всхлипнула, оплакивая его длинные темные волосы. Но я никогда не признаюсь в этом вслух. Аманда рассказала Руби о его появлении вчера в баре. Судя по отсутствию папарацци и вопящих фанатов вокруг, его появление в нашем городе было все еще секретом.

Я уставилась на него, неуверенная в том, что чувствую. Прошлая ночь в клубе была нереальной. Здесь и сейчас, была я, живущая своей обычной жизнью. Видеть его в ней было странно. Не в своей тарелке — вот правильная фраза.

— Хочешь с ним познакомиться? — спросила я.

— Нет, я все еще не определилась, как я к нему отношусь. И думаю, познакомившись с ним, мои противоречивые чувства к нему только усилятся. Он очень привлекательный, правда? — Руби медленно оглядела его с ног до головы, задержавшись взглядом на его ногах, облаченных в джинсы, дольше, чем положено. У нее была слабость к мужским бедрам. Она была без ума от футболистов. Это немного странно для поэтессы, но с другой стороны я никогда не встречала кого-нибудь, кто бы до конца соответствовал какому-то одному определенному типу людей. У каждого были свои особенности.

Руби продолжала разглядывать его, как мясо в магазине.

— Может, не будешь разводиться с ним.

— Ты кажешься очень беспристрастной. До встречи.

Ее рука хватается мою.

— Подожди. Если ты останешься с ним, ты будешь по-прежнему работать на меня?

— Да. Я даже попытаюсь чаще приходить вовремя. Спокойно ночи, Руби.

Он стоял на тротуаре, руки засунуты в карманы джинсов. Смотреть на него было подобно нахождению на краю утеса. Тихий голосок в затылке нашептывал проклятые выводы, ну знаете, что вы, вероятно, можете полететь. Если не знаете, то представьте себе острые ощущения падения. Причина с другой стороны кричала про кровавое самоубийство.

В какой точно момент, вы можете решить, что сходите с ума?

— Эвелин.

Все остановилось. Если он когда-нибудь поймет, что делает со мной, когда произносит вот так мое имя, я погибла. Боже, я скучала по нему. Это так, будто отсутствует частичка меня. Но теперь он вернулся, и я не знаю, как мы приспособимся друг другу. Я даже не знаю, возможно ли это.

— Привет, — произнесла я.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал он. — Я имею в виду, ты выглядишь хорошо, конечно. Но...

— Все в порядке, — я уставилась на тротуар и сделала глубокий вдох. — Был напряженный рабочий день.

— Так вот, где ты работаешь?

— Да.

Кафе Руби было тихим и пустым. В окнах мерцали китайские фонарики рядом с множеством проспектов, приклеенных к стеклу, рекламирующих всякую всячину. Вокруг нас светили уличные фонари.

— Выглядит мило. Послушай, мы не должны разговаривать прямо сейчас, — сказал он. — Я просто хочу проводить тебя домой.

Я скрестила руки на груди:

— Ты не обязан это делать.

— Для меня это не рутинная обязанность. Позволь мне проводить тебя домой, Эв. Пожалуйста.

Я кивнула и через секунду начала нерешительно шагать вниз по улице. Дэвид шел в ногу со мной. О чем говорить? Любая тема казалась неправильной. Открытая яма, полная острых копий, ожидала на каждом углу. Он продолжал искоса бросать на меня настороженные взгляды. Открывал рот, а затем закрывал его. Очевидно ситуация была отстойной для нас обоих. Я не могла заставить себя поговорить о ЛА. Прошлая ночь, казалась, более безопасной территорией. Погодите. Нет, это не так. Начать секс в переулке никогда не было

умной идеей.

— Как прошел день? — спросил он. — Помимо напряженности.

Почему я не могла придумать что-то безопасное как это?

— Ах, прекрасно. Несколько девочек приходило с безделушками, чтобы ты подписал. Несколько парней хотели передать тебе демо-запись их регги-блюз-гэридж группы. Один известный спортсмен из школы зашел, чтобы просто дать мне его номер. Он думает, что мы как-нибудь могли бы весело провести время, — пролепетала я, пытаюсь поднять настроение.

Его лицо стало мрачным, темные брови сошли вместе.

— Дерьмо. Такое часто случается?

И я была идиоткой, открыв рот:

— Это неважно, Дэвид. Я сказала ему, что занята, и он ушел.

— Так он, черт возьми, и должен был, — он слегка наклонил подбородок и пристально посмотрел на меня. — Ты пытаешься вызвать у меня ревность?

— Нет, просто сказала не подумав. Извини. Все это достаточно сложно.

— Я ревную.

Я удивленно уставилась на него. Я не понимала почему. Вчера ночью он ясно дал понять, что он здесь из-за меня. Но понимание того, что, возможно, я не была одна в этой страдающей от любви пропасти, думая, что меня бросили... так было намного удобнее.

— Вперед, — сказал он, возобновляя шаг. На углу мы остановились, ожидая, когда поток машин исчезнет.

— Я мог бы прислать сюда Сэма, чтобы он присматривал за тобой, — сказал он. — Я не хочу, чтобы люди донимали тебя на работе.

— Как бы сильно мне не нравился Сэм, пусть он останется там, где есть сейчас. Обычные люди не ходят на работу с телохранителями.

Его лоб наморщился, но он ничего не сказал. Мы пересекли дорогу. Мимо проехал полностью освещенный трамвай. Мне нравилось ходить пешком, проводя некоторое время на улице, прежде чем закрыться в помещении на весь день. Плюс Портленд красивый город: кафе и пивоваренные заводы, и таинственная сущность. Получай, ЛА.

— Так, что ты делал сегодня? — спросила я, убеждаясь, что я абсолютный победитель по части оригинальных бесед.

— Просто бродил по городу, рассматривал все вокруг. Я не слишком часто бываю туристом. Нам сюда, — сказал он, уводя меня с обычного пути домой.

— Куда мы идем?

— Просто потерпи. Мне нужно кое-что забрать, — он подвел меня к пиццерии, в которую мы иногда ходим с Лорен. — Пицца единственное, что, насколько я знаю, ты точно ешь. Они были готовы добавить любой долбаный овощ, который я вспомнил, так что, надеюсь, тебе понравится...

Заведение было заполнено только на четвертую часть, так как было еще слишком рано. Простые кирпичные стены и черные столы. Музыкальный автомат проигрывал какую-то песню из репертуара Битлз. Я остановилась в дверях, не желая идти с ним дальше. Работник пиццерии кивнул Дэvidу и вытащил заказанную им пиццу из мармита позади себя. Дэвид поблагодарил его и направился обратно ко мне.

— Тебе незачем было ее заказывать, — я вышла на улицу и подозрительно посмотрела на коробку с пиццей.

— Эв, это просто пицца, — сказал он. — Расслабься. Ты не обязана делиться ею со

мной, если не хочешь. В какую сторону идти, чтобы попасть к тебе домой?

— Налево.

Следующий квартал мы прошли в полной тишине. Дэвид нес коробку с пиццей, держа ее как поднос на одной руке.

— Перестань хмуриться, — сказал он. — Когда я приподнял тебя прошлой ночью, ты была легче, чем в Монтерее. Ты похудела.

Я пожала плечами. Не думаем об этом. Совершенно точно не вспоминаем, как он поднимает меня, а мои ноги обхватывают его талию, и как сильно я скучала по нему, и звуку его голоса, когда он...

— Ага, ну, мне нравилось, какой ты была, — сказал он. — Мне нравились твои изгибы. Так что у меня появился план. Ты будешь получать пиццу с пятнадцатью сырами до тех пор, пока не вернешь все назад.

— Мой первый порыв, сказать что-то язвительное о том, что мое тело больше тебя не касается.

— К счастью, ты подумала дважды, прежде чем сказать это, да? Тем более что прошлой ночью ты позволила мне вернуться к твоему телу, — он встретил мой угрюмый взгляд своим таким же. — Послушай, я всего лишь не хочу, чтобы ты похудела и заболела, особенно из-за меня. Это так просто. Перестань беспокоиться и бросать на пиццу неодобрительные взгляды или ты ранишь ее чувства.

— Ты мне не хозяин, — пробормотала я.

Он расхохотался:

— Почувствовала себя лучше, сказав это?

— Да.

Я осторожно улыбнулась ему. То, что он был рядом со мной, вновь ощущалось так легко. Я не должна ощущать комфорт, кто знает, когда все это вновь рухнет? Но правда была в том, что я хотела этого так сильно, что это причиняло боль.

— Ма... — он откашлялся, и попытался вновь, без чувства, что это принесет ему автоматическое поражение. — Друг. Мы вновь друзья?

— Я не знаю.

Он покачал головой.

— Мы друзья. Эв, ты расстроена, ты устала, и ты похудела, и я, черт подери, ненавижу, что все это из-за меня. Я собираюсь все потихоньку исправить. Просто... дай мне немного места для маневра. Я обещаю, что не буду торопить тебя.

— Я больше не доверяю тебе, Дэвид.

Его поддразнивающая улыбка пропала.

— Я знаю. И когда ты будешь готова, мы поговорим об этом.

Я с трудом проглотила комок в горле.

— Когда ты будешь готова, — повторил он. — Идем. Доставим тебя домой, чтобы ты могла поесть, пока пицца еще горячая.

Оставшийся путь до дома мы шли в тишине. Я думаю, это было приятно. Дэвид посылал мне маленькие улыбочки. Они казались искренними.

Он топал вверх по лестнице позади меня, не осматриваясь вокруг. Я и забыла, что он был здесь прошлой ночью, когда узнавал мое местонахождение у Лорен. Я отперла дверь и заглянула внутрь, все еще травмированная от того, что поймала Лорен и своего брата на диване на прошлой неделе. Проживание с ними не могло продлиться долго. Думаю, все

нуждаются в личном пространстве.

Хотя в прошлом месяце, это было выгодно для нас с Нейтом. У нас был шанс поговорить. Мы стали ближе, чем раньше. Ему нравилась его работа в автомагазине. Он был счастлив и решителен. Лорен была права, он изменился. Мой брат осознал, чего он хочет, и где ему было комфортно. Теперь мне надо было собраться с силами и сделать то же самое.

Тихо играла рок-музыка, а Нейт и Лорен танцевали в центре комнаты. Это была импровизация, учитывая грязную рабочую одежду брата. Лорен, казалось, было все равно, она прижималась к нему, глядя в глаза.

Я откашлялась, объявляя о нашем приходе и о том, что мы вошли в комнату.

Нейт посмотрел на меня и радушно улыбнулся. Но потом он заметил Дэвида. Кровь прилила к его лицу, и его взгляд изменился. Температура в комнате, казалось, поднялась.

— Нейт, — сказала я, пытаюсь схватить его, когда он рванул к Дэвиду.

— Дерьмо, — Лорен бежала за ним. — Нет!

Кулак Нейта впечатался в лицо Дэвида. Пицца взлетела. Дэвид попятился назад, из его носа полилась кровь.

— Ты гребаный мудака, — кричал мой брат.

Я запрыгнула на спину Нейта, пытаюсь остановить его. Лорен схватила его за руку. Дэвид не делал ничего. Он закрыл рукой окровавленное лицо и не предпринял никаких действий, чтобы защитить себя от дальнейшего ущерба.

— Я собираюсь прибить тебя за то, что ты обидел ее, — рычал Нейт.

Дэвид просто смотрел на него, соглашаясь.

— Остановись Нейт, — мои ноги проволочились по полу, а руки обняли брата за шею.

— Ты хочешь, чтобы он был здесь? — спросил Нейт, не веря. — Ты, черт побери, серьезно? — потом он посмотрел на Лорен, которая потянула его за руку. — Что ты делаешь?

— Это их дело, Нейт.

— Что? Нет. Ты видела, что он сделал с ней. Как она выглядела весь прошлый месяц.

— Тебе нужно успокоиться. Она не хочет этого, — Лорен погладила его по лицу. —

Пожалуйста, малыш. Это не ты.

Найт медленно отступил. Его плечи вернулись в нормальное состояние, мышцы расслабились. Я ослабила хватку, не то чтобы она могла сдержать его. Мой брат превращался в свирепого быка пугающе быстро. Кровь просочилась сквозь пальцы Дэвида, капая на пол.

— Проклятье. Пошли, — я схватила его за руку и повела в нашу ванную.

Он наклонился над умывальником, матерясь тихо, но щедро. Я отмотала немного туалетной бумаги и подала ему. Он приложил ее под окровавленные ноздри.

— Сломан?

— Я не знаю, — его голос был приглушенный, хриплый.

— Мне так жаль.

— Все нормально, — из его заднего кармана джинсов донесся звонок телефона.

— Я достану, — я осторожно вытащила телефон. Имя, высветившееся на экране, охладило меня. Вселенная должно быть шутит. Конечно. А как же. Это просто давно разбитое сердце разбивается вновь и вновь. Я уже чувствую, как оцепенение распространяется по мне.

— Это она, — я протянула телефон ему.

Над комочком кровавой туалетной бумаги его нос выглядел травмированным, но не сломанным. Насилие не поможет. Независимо от того, что гнев ожил во мне, заводя меня.

Его взгляд прыгнул от экрана ко мне.

— Эв.

— Ты должен идти. Я хочу, чтобы ты ушел.

— Я не говорил с Мартой с той ночи. У меня ничего с ней не было.

Я молча покачала головой. Телефон пронзительно звенел, шум проникал в мои барабанные перепонки. Отзывался эхом внутри маленькой ванной, пульсировал в моей голове, и все в моем теле дрожало.

— Возьми его, пока я не сломала.

Окровавленные пальцы забрали телефон у меня.

— Ты должна позволить мне объясниться,— сказал он. — Я обещаю, с ней покончено.

— Тогда почему она звонит тебе?

— Я не знаю и не отвечу. Я не говорил с ней ни разу, с тех пор как уволил ее. Ты должна поверить мне.

— Но я не верю. Я имею в виду, как я могу?

Он сощурился, глядя на меня огорченным взглядом. Мы просто уставились друг на друга, когда приходило осмысление. Это не сработает. Это никогда бы не сработало. Он всегда скрывал и лгал, а я всегда была сторонним наблюдателем. Ничего не изменилось. Мое сердце вновь разбилось. Удивительно, правда, что там оставалось за что беспокоиться.

— Просто уйди, — сказала я, мои глупые глаза наполнились слезами.

Не говоря ни слова, он ушел.

После этого мы с Дэвидом не разговаривали. Но каждый вечер после работы он был там, ожидал на той стороне улицы. Он наблюдал за мной из-под козырька бейсболки, готовый проводить меня в безопасности домой. Это бесило меня, но никоим образом я не чувствовала, что мне что-то угрожает. Я игнорировала его на протяжении трех дней, когда он таскался за мной. Сегодня был день номер четыре. Он поменял свои обычно черные джинсы на голубые, ботинки на кроссовки. Даже издалека его верхняя губа и нос выглядели поврежденными. Папарацци пока не объявились, хотя сегодня кто-то спросил меня, в городе ли он. Дни, когда он оставался незамеченным в Портленде, видимо, заканчивались. Я задавалась вопросом, понимал ли он это.

Когда я, как обычно, проигнорировала его, он сделал шаг вперед. Потом остановился. Среди непрекращающегося между нами движения транспорта проехал грузовик. Это было безумством. Почему он все еще был здесь? Почему он просто не вернулся к Марте? Было просто невозможно продолжать жить в моем привычном ритме, когда я знала, что он где-то поблизости.

Решившись, я бросилась через дорогу, когда поток машин остановился из-за красного сигнала светофора, и встретила с ним на противоположной стороне дороги.

— Привет, — сказала я, нервно теребя ремешок своей сумки. — Что ты делаешь здесь, Дэвид?

Он сунул руки в карманы, оглядываясь вокруг.

— Я провожаю тебя домой. Так же, как я это делаю каждый день.

— Теперь это твоя жизнь?

— Думаю, да.

— Хм, — произнесла я, удачно подводя итог этой ситуации. — Почему ты не возвращаешься в ЛА?

Голубые глаза осторожно наблюдали за мной, и он ответил не сразу:

— Моя жена живет в Портленде.

Мое сердце екнуло. Простота заявления и искренность в его глазах застали меня врасплох. Я не была так уж неуязвима для него, как следовало бы.

— Мы не можем это продолжать.

Он разглядывал улицу, но не меня, его плечи ссутулились.

— Ты пройдешься со мной, Эв?

Я кивнула. Мы двинулись вперед. Ни один из нас не спешил, мы прогуливались мимо витрин и ресторанов, всматривались в бары, которые только открывались. У меня было плохое предчувствие, что как только мы прекратим идти, нам придется начать разговор, так что медленная прогулка прекрасно мне подходила. Летними вечерами здесь было очень много людей.

Ирландский паб располагался на углу улицы на полпути к моему дому. Громко играла музыка, какая-то старая песня группы «The White Stripes»^[21]. Так как руки Дэвида по-прежнему находились в карманах, он локтем указал на бар.

— Хочешь выпить?

Мне понадобилось мгновение, чтобы найти свой голос.

— Конечно.

Он провел меня к столику в самом конце зала, подальше от растущей толпы людей, заскочивших пропустить стаканчик после работы, а затем заказал две кружки пива «Гинесс»^[22].

Как только нам принесли заказ, мы стали потягивать пиво и ни один из нас не нарушал воцарившуюся между нами тишину. Вскоре Дэвид снял свою бейсболку и положил ее на стол. Черт, бедное его лицо. Теперь я могла разглядеть его получше и заметила, что у него красуется по фингалу под каждым глазом.

Мы продолжали так сидеть, пялясь друг на друга, в некоем странном противостоянии. Он смотрел на меня так, как будто ему тоже было больно, как будто его сердце тоже было разбито... Я не могла это больше выносить. Ожидание, когда же будут вытянуты наружу эти беспорядочные извинения относительно наших отношений, не помогало ни одному из нас. Кажется, пришло время придумать новый план. Мы выскажем друг другу все, что думаем, и каждый пойдет своей дорогой. Довольно боли и страданий.

— Ты, кажется, хотел рассказать мне о ней? — начала я, выпрямляясь на своем месте и готовясь к худшему.

— Да. Мы с Мартой были вместе достаточно долго. Ты, вероятно, уже поняла, что это она мне изменила. Она та, о которой мы говорили.

Я кивнула.

— Мы создали группу, когда мне было четырнадцать. Мал, Джимми и я. Бен присоединился на год позже, а она везде болталась с нами. Они были как семья, — сказал он, наморщив лоб. — Они и есть семья. Даже, когда все пошло не так, я не смог просто повернуться к ней спиной...

— Ты поцеловал ее.

Он вздохнул:

— Нет, она поцеловала меня. У нас с Мартой все кончено.

— Я думаю, она не знает этого, так как до сих пор названивает тебе.

— Она переехала в Нью-Йорк, больше не работает с группой. Я не знаю, зачем она звонила, я не перезванивал.

Я кивнула, лишь немного успокоившись. Наши проблемы не были четко выявлены.

— Твое сердце понимает, что у тебя с ней все кончено? Полагаю, что я имею в виду твою голову? По правде говоря, сердце всего лишь еще одна мышца. Глупо говорить, что оно что-то решает.

— У нас с Мартой все кончено. Уже давно. Обещаю.

— Даже если это правда, не делает ли это меня утешительным призом? Попыткой вернуться к нормальной жизни?

— Эв, нет. Это не так.

— Ты уверен в этом? — спросила я с недоверием. Я подняла свое пиво и сделала глоток горького, темного эля с пенкой. Хоть что-то, чтобы успокоить нервы. — Я перестала страдать по тебе, — произнесла я тихим голосом. Мои плечи находились в том положении, в котором и должны: они были опущены. — Месяц. Хотя, я на самом деле не переставала в тебя верить до седьмого дня. Потом я поняла, ты не придешь. Я знала, что все кончено. Потому что, если бы я была важна для тебя, то к тому времени ты бы сказал хоть что-нибудь, правильно? Я имею в виду, ты знал, что я влюблена в тебя. Так что к тому времени ты бы положил конец моим страданиям, да?

Сказать ему было нечего.

— Ты скрывал и лгал, Дэвид. Я спрашивала тебя о сережке, помнишь?

Он кивнул.

— Ты лгал.

— Да. Мне очень жаль.

— Ты это сделал до или после нашего правила о честности? Я не помню. Хотя, это определенно было после правила не изменять, ведь так? — этот разговор был ошибкой. Все рваные мысли и эмоции, на которые он вдохновлял, нагнали меня слишком быстро.

Он не соизволил ответить.

— Так или иначе, что за история связана с этими сережками?

— Я купил их на свой первый гонорар, после того как звукозаписывающая компания заключила с нами контракт.

— Ух, ты. И вы оба носили их все это время. Даже после того как она предала тебя.

— Это был Джимми, — сказал он. — Она изменила мне с Джимми.

Твою ж мать, его собственный брат. Столько всего сразу встало на свои места от этого кусочка информации.

— Так вот почему ты так расстроился, когда обнаружил его вместе с той поклонницей. И когда ты увидел, как Джимми разговаривает со мной на вечеринке.

— Да. Это было давно, но... Джимми вернулся, чтобы участвовать в ТВ-шоу. Мы были в середине большого тура и на тот момент выступали в Испании. Наш второй альбом только что попал в лучшую десятку. Мы, наконец-то, по-настоящему собирали толпы народа.

— Так ты простил их, чтобы группа не распалась?

— Нет. Не совсем. Я просто двинулся вперед. Уже тогда Джимми слишком много пил. Он изменился, — он облизнул губы и уставился на стол. — Я сожалею о том вечере. Сожалею сильнее, чем можно выразить словами. Что ты вошла в... Я понимаю, как это должно быть выглядело. И я ненавидел себя за то, что лгал тебе о сережке, по-прежнему продолжая носить ее в Монтерее.

Он раздраженно щелкнул по своему уху. Там все еще было видна ранка с блестящей, розовой, почти зажившей кожей вокруг нее. Она совсем не была похожа на зарастающую дырочку от сережки.

— Что ты сделал? — спросила я.

— Прорезал ее ножом, — он пожал плечами. — Дырочка от сережки зарастает годами. Сделал новый прорез, когда ты ушла, чтобы зажило как надо.

— Ох.

— Я ждал, прежде чем приехать и поговорить с тобой, потому что мне требовалось время. Ты ушла от меня, после того как пообещала этого не делать... это было трудно принять.

— У меня не было другого выбора.

Он наклонился ко мне со строгим взглядом:

— У тебя был выбор.

— Я только что увидела, как мой муж целует другую женщину. И потом ты отказываешься даже обсуждать это со мной. Ты просто начинал кричать на меня об уходе. Снова, — мои руки схватились за край стола так сильно, что я почувствовала, как мои ногти впиваются в дерево. — Что, черт побери, я должна была делать, Дэвид? Скажи мне. Потому что я проигрывала эту сцену в голове много раз, и всегда приходила к тому же — ты, захлопывающий за мной дверь.

— Твою мать, — он откинулся назад на своем стуле. — Ты знала, что твой уход будет для меня проблемой. Ты должна была остаться со мной, дать мне шанс успокоиться. У нас получилось это после драки в Монтерее. И, возможно, мы сделали бы это вновь.

— Грубый секс все не исправит. Иногда все-таки следует поговорить.

— Я пытался поговорить с тобой той ночью в клубе. Но ты предпочла другое.

Я почувствовала, как вспыхнуло мое лицо. Это только еще больше разозлило меня.

— Черт. Послушай, — сказал он, потирая заднюю часть шеи. — Дело в том, что мне нужно было разобраться в себе, хорошо? Мне нужно было понять, будет ли правильным быть нам вместе. Честно, Эв, я больше не хочу обижать тебя.

Он на месяц оставил меня томиться в моих страданиях. Единственное, что вертелось на кончике моего языка — «спасибо тебе». Или даже стоило показать ему средний палец. Но это было слишком важно.

— Ты разобрался в себе? Великолепно. Хотела бы и я разобраться в себе, — я прекратила бурчать на достаточно долгое время, чтобы выпить еще пива. Мое горло создавало серьезную конкуренцию наждачной бумаге.

Он сидел совершенно неподвижно, наблюдая с жутким спокойствием, как я полностью разваливаюсь.

— Итак, я вроде как все сказала, — я смотрела куда угодно, но только не на него. — Это все о чем ты хотел поговорить?

— Нет.

— Нет? Есть что-то еще? — пожалуйста, боже, не позволяй ему говорить еще что-то.

— Да.

— Выкладывай, — пришло время выпить.

— Я люблю тебя.

Я выплюнула пиво на стол, на наши соединенные руки.

— Черт!

— Я возьму салфетки, — сказал он, отпуская мою руку и поднимаясь со стула. Через минуту он вернулся. Я сидела там как бесполезная кукла, пока он вытирал мою руку, а затем стол, дрожать — я могла сделать только это. Он осторожно отодвинул мой стул, помог мне встать на ноги и вывел меня из бара. Гул машин и поток свежего воздуха очистили мои чувства. На улице у меня было пространство, чтобы думать.

Тотчас мои ноги начали движение. Они знали, что делают. Мои ботинки пересекли тротуар, прокладывая между нами большое расстояние. Убираясь подальше от него и того, что он сказал. Однако Дэвид шел за мной по пятам.

Мы остановились на углу улицы, и я нажала на кнопку, ожидая нужный сигнал светофора.

— Не повторяй это снова.

— Серьезно? Неужели это что-то вроде сюрприза для тебя? Почему, черт возьми, я бы еще делал все это? Конечно, я люблю тебя.

— Не надо, — я повернулась к нему с разъяренным выражением лица.

Его губы сжались в тонкую линию:

— Ладно. Я больше не скажу этого. На данный момент. Но мы должны еще немного поговорить.

Я зарычала, заскрежетав зубами.

— Эв.

Дерьмо. Я не была сильна в переговорах. Не с ним. Я хотела, чтобы он ушел. Или, по крайней мере, я была очень убеждена, что хотела, чтобы он ушел. Ушел, чтобы я могла подвести итог своим страданиям по нему и по нам, и по всему, что мы упустили. Ушел, чтобы я не размышляла бы о том, что он сейчас думал, что любит меня. Какая-то слишком эмоциональная фигня. Мои слезные каналы как по заказу сошли с ума. Я глубоко дышала, пытаюсь взять себя в руки.

— Позже, не сегодня, — сказал он обходительным и рассудительным голосом. Я уже совершенно не доверяла ни этому, ни ему.

— Прекрасно.

Я шла быстрым шагом в другой квартал с ним, вышагивающим сбоку, пока вновь перекресток не остановил нас, оставляя место для разговора. Лучше бы он не разговаривал. По крайней мере, пока я не взяла себя в руки и со всем этим не разобралась. Нервничая, я поправила юбку-карандаш и заправила волосы назад. Фары светить не прекращали. С каких это пор Портленд повернулся против меня? Это не справедливо.

— Мы не закончили, — добавил он. Это одновременно прозвучало как угроза и как обещание.

*

Первое сообщение пришло в полночь, когда я лежала в кровати и читала. Или пыталась читать. Потому что пытаться заснуть было исключено. Скоро начинались занятия, но мне было трудно достигнуть моего обычного рвения к учебе. У меня было плохое предчувствие, что семя сомнения, посеянное Дэвидом относительно выбора моей профессии, пустило корни в моем мозгу. Мне нравилась архитектура, но я не любила ее. Имело ли это значение? К сожалению, у меня не было ответов. Уйма оправданий — ерундовых и справедливых — но ответов нет.

Дэвид, вероятно, сказал бы, что я могу делать то, что, черт побери, хочу. Я слишком хорошо знала, что скажет мой отец. Это не будет приятно.

Я избегала встречи с родителями, с тех пор как вернулась. Это было сделать достаточно легко, учитывая, что я расстроилась из-за лекции, которую отец попытался прочитать мне на второй день после моего возвращения. С тех пор наши отношения охладели. Настоящим сюрпризом было то, что меня это не удивило. Они никогда не поощряли то, что не входило в план. Вот по этой причине я никогда не перезванивала им, пока была в Монтерее. Потому что я не могла сказать им то, что они хотели услышать, казалось, что молчать безопаснее.

Натан избегал вмешательства в разборки с близкими людьми, которых я ценила, но мое время истекло. Мы все были приглашены на ужин завтра вечером. Я представила речь, которую выскажет моя мама, но я не собираюсь даже пытаться и принимать во внимание ее странности. Иногда, когда ее снотворное не действовало, она сидела допоздна и смотрела черно-белые фильмы.

Я ошибалась.

Дэвид: Она застала меня врасплох своим поцелуем. Вот почему я сразу же ее не остановил. Но я этого не хотел.

Я, нахмурившись, уставилась на телефон.

Дэвид: Ты тут?

Я: Да.

Дэвид: Мне нужно знать, что ты веришь мне в истории с Мартой.

Верю ли я? Я вздохнула, глубоко задумавшись. Внутри была досада, много смятения, но мой гнев, в конце концов, перегорел. Потому что я не сомневалась, что он говорит правду.

Я: Я верю тебе.

Дэвид: Спасибо. Я продолжаю думать о большем. Ты будешь слушать?

Я: Да.

Дэвид: Мои родители поженились из-за Джимми. Мама ушла, когда мне было двенадцать. Она пила.

Дэвид: Джимми платит ей за молчание. Она шантажирует его годами.

Я: О, черт!

Дэвид: Ага, теперь этим занимаются адвокаты.

Я: Рада слышать.

Дэвид: Мы перевезли папу во Флориду. Я рассказывал ему о тебе. Он хочет познакомиться.

Я: Правда? Я не знаю, что сказать...

Дэвид: Могу я подняться?

Я: Ты здесь?

Я не ждала ответа. Не обращайтесь внимания на мои пижамные шорты и неряшливую старенькую футболку, постиранную так много раз, что ее настоящий цвет был давно забыт. Он должно быть просто восхитится мной, когда разглядит. Я открыла дверь в нашу квартиру и пробежалась босыми ногами вниз по лестнице, телефон по-прежнему был у меня в руке. Конечно же, через матовое стекло входной двери здания вырисовывалась высокая тень. Я открыла дверь и увидела его, сидящего на ступеньке. Снаружи ночь была тихой, мирной. У обочины стоял шикарный серебристый внедорожник.

— Привет, — сказал он, водя пальцем по экрану телефона. Мой телефон вновь запиликал.

Дэвид: Хотел пожелать спокойной ночи.

— Хорошо, — сказала я, поднимая взгляд от экрана. — Входи.

Уголок его рта приподнялся, и он посмотрел на меня. Я встретила его взгляд, отказываясь смущаться. Судя по всему, он не испугался моей одежды для сна. В любом случае его улыбка расширилась, а глаза потеплели.

— Ты уже собиралась спать?

— Я просто читала. Не могла уснуть.

— Твой брат здесь? — он встал и последовал за мной вверх по лестнице, его ботинки громко стучали по старому деревянному полу. Я почти ожидала, что выйдет миссис Люсиа, которая жила этажом ниже, и начнет кричать. Это было ее хобби.

— Нет, — сказала я, закрывая за нами дверь. — Они с Лорен ушли.

Он с интересом осматривался в квартире. Как обычно он занял все пространство. Я не понимала, как он это делал. Это был какой-то трюк фокусника. Он, так или иначе, был крупнее, чем на самом деле казался. Да и сам мужчина изначально маленьким не казался. Никуда не торопясь, его взгляд блуждал по комнате, рассматривая бирюзовые стены (выкрашенные Лорен) и полки аккуратно сложенных книг (моих рук дело).

— Это твоя? — спросил он, указывая головой на мою комнату.

— Да. Только там сейчас небольшой бардак, — я проскользнула мимо него и начала убираться, быстро складывая книги и остальные различные вещи, разбросанные по полу. Я

должна была попросить его дать мне пять минут, прежде чем он войдет. Моя мама была бы в ужасе. С тех пор как я вернулась из ЛА, я позволила своему миру спуститься в хаос. Это подходило моему изможденному состоянию души. Но это не означало, что Дэвиду нужно было это видеть. Мне следовало придумать план «взяться за ум», и на сей раз его придерживаться.

— Я раньше была организованной, — сказала я, крутясь, в последнее время мне было плевать на все.

— Это не важно.

— Это не займет и минуты.

— Эв, — произнес он, хватая меня за запястье почти так же, как меня поймал его пристальный взгляд. — Мне все равно. Мне просто нужно поговорить с тобой.

Внезапно мне в голову пришла ужасная мысль.

— Ты уезжаешь? — спросила я, сжимая сегодняшнюю грязную рабочую рубашку в своей внезапно задрожавшей руке.

Его хватку напрягся вокруг моего запястья.

— Ты хочешь, чтобы я уехал?

— Нет. Я имею в виду, ты покидаешь Портленд? Вот почему ты здесь, попрощаться?

— Нет.

— О, — клещи, сжавшие мои ребра и подбирающиеся к моему сердцу и легким, немного ослабли. — Хорошо.

— Откуда это взялось? — когда я не ответила, он потянул меня тихонечко на себя. — Эй.

Я неохотно сделала шаг в его направлении, обходя грязное белье. Он настаивал на большем, усаживаясь на мою кровать и притягивая меня вниз рядом с собой. Я, конечно же, плюхнулась задницей на матрас, в противоположность его изящным движениям. Со мной всегда так. План успешно выполнен, и он ослабил свою хватку на мне. Я руками сжала край кровати.

— Итак, у тебя появилось странное выражение лица, а затем ты спросила, не уезжаю ли я, — спросил он, с интересом в голубых глазах. — Объяснишь?

— До этого ты не появлялся в полночь. Я подумала, может это что-то большее, чем просто желание зайти в гости.

— Я подъехал к дому и увидел свет в твоей спальне. Решил послать смс, посмотреть в каком ты настроении после нашего сегодняшнего разговора, — он потер бородатый подбородок ладонью. — Плюс, как я и сказал, я продолжаю думать о вещах, которые хочу рассказать тебе.

— Ты часто приезжал к моей квартире?

Он криво улыбнулся:

— Только несколько раз. Это мой способ пожелать тебе спокойной ночи.

— Как ты узнал, какое окно мое?

— Ну, тогда, когда я в первый раз приехал в город и говорил с Лорен, у нее горел свет в другой комнате. Я понял, что эта, должно быть, твоя, — он не смотрел на меня, а разглядывал висящие на стене фотографии со мной и моими друзьями. — Ты рассердилась, что я появился здесь?

— Нет, — ответила я честно. — Полагаю, я, вероятно, перестала сердиться.

— Ты перестала?

— Да.

Он медленно выдохнул и посмотрел вновь на меня, ничего не говоря. Под его глазами виднелись темные синяки, хотя его распухший нос вернулся в нормальное состояние.

— Мне очень жаль, что Нейт ударил тебя.

— Если бы я был твоим братом, я бы сделал то же самое, — он уперся локтями в колени, но оставил свое лицо повернутым ко мне.

— Сделал бы?

— Несомненно.

Мужчины и их склонность все избивать не знают конца.

Молчание затянулось. Оно не было полностью неудобным. По крайней мере, мы не ругались и не ворошили прошлое. Быть сломленным и сердитым устарело.

— Мы можем просто потусоваться? — спросила я.

— Конечно. Дай-ка мне глянуть на это, — он схватил мой айфон и начал просматривать музыку. — Где наушники?

Я подскочила и выудила их из кучи барахла на столе. Дэвид подсоединил их и подал мне один наушник. Я сидела рядом с ним, и мне было любопытно, какую музыку он выберет. Я удивленно на него посмотрела, когда начал играть неровный дерганный ритм песни «Jackson» Джонни Кэша и Джун Картер. Он ухмыльнулся и начал подпевать словам. Мы и впрямь поженились в горячке.

— Ты смеешься надо мной? — спросила я.

В его глазах танцевали искорки.

— Я смеюсь над нами.

— Ладно.

— Что еще у тебя тут есть?

Кэш и Картер закончились, и он продолжил перебирать песни. Я наблюдала за его лицом, ожидая его реакцию на мои музыкальные предпочтения. Все, что я получила — был подавленный зевок.

— Они не так уж плохи, — возразила я.

— Извини. Напряженный день.

— Дэвид, если ты устал, нам не обязательно...

— Нет. Я в порядке. Ты не будешь против, если я прилягу?

Дэвид в моей постели. Ну, он уже был в моей постели, но...

— Конечно, я не против.

Он хитро взглянул на меня и начал стаскивать кроссовки.

— Это просто из вежливости?

— Нет. Все нормально. И, я имею в виду, по закону эта кровать все еще наполовину твоя, — пошутила я, вытаскивая наушник, прежде чем его движения сделали бы это за меня.

— Итак, что ты сегодня делал?

— Работал над новым альбомом и разбирал кое-какой материал, — он растянулся на моей кровати, подложив руки под голову. — Ты ляжешь тоже? Мы не сможем вместе слушать музыку, если ты не ляжешь.

Я подползла и легла рядом с ним, немного поерзав, устраиваясь удобней. Это все-таки была моя кровать. И он был единственным мужчиной, который в ней когда-либо лежал. Легкий аромат его мыла добрался до меня, чистый и теплый и Дэвида. Все такой же приятный, как я помню. На этот раз боль, казалось, не была привязана к воспоминаниям. Я

пошарила в голове, еще раз перепроверяя. Когда я сказала, что взбесилась, это было ни что иное, как правда. У нас были проблемы, но он изменяющий мне — не была одной из них. Я понимала это сейчас, и это много значило.

— Вот, — он вновь засунул мне наушник и включил музыку на моем телефоне.

— Как Джимми? — я перекатилась на бок, желая его видеть. Мощная линия его носа и челюсти были в профиль, изгиб его губ. Сколько раз я целовала его? Не достаточно, чтобы мне хватило, если этого больше никогда не произойдет.

— Он уже лучше. Кажется, действительно, разобрался в себе. Я думаю, все у него будет в порядке.

— Это хорошая новость.

— По крайней мере, он честно сознался в своих проблемах, — сказал он, в его голосе появилась горечь. — Из того, что я слышал, наша мать — гребаная катастрофа. Но тогда, она всегда была. У нее была привычка брать нас в парк, потому что ей нужно было достать наркотики. Она являлась на школьные спектакли и родительские собрания опьяненная.

Я держала рот на замке, позволяя ему выговориться. Лучшее, что я могла делать — это быть тут и слушать. Боль и гнев в его голосе были душераздирающими. У моих родителей были свои проблемы с излишним контролем, но не такие. Детство Дэвида было ужасным. Если бы я только могла вклеить оплеуху его матери прямо тогда за боль в его голосе, я бы это сделала. Дважды.

— Отец игнорировал ее зависимость годами. Он мог. Он большую часть времени работал водителем-дальнобойщиком. Мы с Джимми были теми, кто должен был терпеть ее дерьмо. Много раз мы приходили домой и находили ее бормочущей всякую чушь или в отключке на диване. В доме не было еды, потому что она тратила деньги на наркотики. И однажды мы вернулись домой из школы, а она и телевизор исчезли. Вот и все, — он уставился в пустоту, его лицо вытянулось. — Она даже не оставила записку. Теперь она вернулась и достает Джимми. Это сводит меня с ума.

— Это, должно быть, было тяжело для тебя, — сказала я. — Услышать о ней от Джимми.

Одно из его плеч немного приподнялось:

— Он не должен был разбираться с ней самостоятельно. Он сказал, что хочет защитить меня. Оказывается, мой старший братец не был абсолютно эгоистичным ничтожеством.

— Спасибо, что написал мне.

— Все нормально. Что ты хочешь послушать? — внезапная смена темы дала мне понять, что он больше не хочет разговаривать о семье. Он еще раз зевнул, и у него щелкнула челюсть. — Извини.

— «Сент Джонс».

Он кивнул, пролистывая список, чтобы найти единственную песню этой группы, которая у меня была. Послышалось тихое брэнчание гитары, заполняя мою голову. Он положил телефон на грудь и его веки закрылись. Мужчина и женщина сменяли друг друга напевая об их голове и о сердце. Все время его лицо оставалось спокойным, расслабленным. Я начала задаваться вопросом, не уснул ли он. Но когда песня закончилась, он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Мило. Немного печально, — сказал он.

— Ты же не думал, что они будут вместе в конце?

Он тоже перекатился на бок. Расстояние между нами было меньше ширины руки. С

любопытным взглядом он подал мне телефон:

— Включи мне свою любимую.

Я посмотрела на экран, пытаюсь решить, что ему включить.

— Я забыла тебе сказать, кто-то говорил, что видел тебя сегодня. Твоя анонимность может быть раскрыта в любую минуту.

Он вздохнул:

— Рано или поздно это обязательно произойдет. Они просто должны будут привыкнуть, что я тут.

— Ты правда не уезжаешь? — спросила я, пытаюсь сохранить голос спокойным, но не вышло.

— Да. Правда не уезжаю, — он посмотрел на меня, и я поняла, что он видит все. Все мои страхи, мечты и надежды, которые, прилагая все силы, я прятала даже от себя. Но я не смогла спрятать их от него, даже если пыталась. — Хорошо?

— Хорошо, — ответила я.

— Ты спросила меня, была ли ты моей попыткой жить нормально. Мне нужно, чтобы ты поняла, что это не так. Быть с тобой, с тем, что я чувствую к тебе — это главное для меня. Именно поэтому я усомнился, черт побери, во всем. Из-за этого мне хотелось сделать все лучше. Из-за этого мне хотелось быть лучше. Я не могу скрыть все дерьмо или придумать оправдания, когда дело касается тебя, потому что это не срабатывает. Ни один из нас не счастлив, когда все вот так, а я хочу, чтобы ты была счастлива... — он нахмурился, отчего его темные брови сошлись на переносице. — Ты понимаешь?

— Думаю да, — прошептала я, чувствуя к нему так много, что даже не знала, как это выразить.

Он снова зевнул, щелкая челюстью.

— Извини. Черт, я устал. Ты не против, если я прикрою глаза на пять минут?

— Нет.

Он так и сделал.

— Включишь мне песню?

— Включу.

Я включила ему «Revelator» Gillian Welch, самую длинную, самую успокаивающую песню, которую смогла найти. Я думаю, он уснул на середине песни. Его черты лица расслабились, а дыхание углубилось. Я осторожно вытащила наушник и убрала телефон. Я включила прикроватный светильник и выключила основной свет, закрыла дверь так, чтобы возвращение Лорен и, возможно, Нейта не разбудило его. Потом я легла и просто смотрела на него. Я не знаю как долго. От непреодолимого желания погладить его лицо и проследить его татуировки зачесались пальцы, но я не хотела разбудить его. Ему определенно нужен был сон.

Когда я проснулась утром, он уже ушел. Разочарование было горьким на вкус. У меня был лучшая ночь за много недель, лишённая обычного напряжения и беспокойных снов, которые, казалось, последнее время постоянно меня донимали. Когда он ушел? Я перекатилась на спину, и что-то смялось, громко возмущаясь. Рукой я вытянула клочок бумаги. Он, очевидно, был вырван из одного из моих блокнотов. Сообщение было кратким, но красивым.

«Я по-прежнему не покидаю Портленд».

Я думаю, что предпочла бы обнаружить Чингисхана, уставившегося на меня через барную стойку кафе, чем Марту. Я не знаю, монгольская орда против Марты — непростое решение. Оба были по-своему ужасны.

Толпа после ланча испарилась, остались только несколько посетителей, сидящих здесь после обеда со своим латте и выпечкой. Это был напряженный день, и Руби была невнимательна, путая заказы. Она была не похожа на обычную себя. Я ненадолго посадила ее за угловой столик с чайником чая. Потом мы вновь были заняты. Когда я спросила, что не так, она просто отмахнулась. В конце концов, я загоняю ее в угол.

И теперь здесь была Марта.

— Нам нужно поговорить, — сказала она. Ее волосы были завязаны сзади в узел, а на лице был минимум макияжа. В ней больше не было той вульгарности, что была в ЛА. Во всяком случае, она казалась угрюмой и подавленной. Все еще немного льстивая, но эй, в конце концов, это же Марта. И что, черт возьми, она здесь делает?

— Руби, ты не против, если я возьму перерыв?

Джо вернулась и расставляла все по полкам. Она только что была на перерыве, теперь моя очередь. Руби кивнула, зло взглянув на Марту. Независимо от того, что с ней происходит, Руби была хорошим человеком. Она распознала воруящего чужих мужчин морского монстра, как только увидела.

Здрав нос, Марта направилась обратно на улицу, и я последовала за ней. Мимо курсировал обычный поток городского движения. Над головой было ясное голубое небо, прекрасный летний денек. Я бы чувствовала себя более комфортно, если бы природа захотела бы вылить ушат воды на ее идеальную голову, но этого не произошло.

После быстрого осмотра окрестностей, Марта присела на край скамейки.

— Мне позвонил Джимми.

Я тоже присела, подальше от нее.

— Очевидно, он должен извиняться перед людьми, это часть его реабилитации, — идеально ухоженный ноготок постучал по деревянному сидению. — Это было не совсем извинение. Он сказал, что мне нужно приехать в Портленд и исправить то, что я натворила между вами с Дэвидом.

Она решительно посмотрела вперед:

— И все не так уж хорошо между Беном и Дэвидом. Я люблю своего брата. Я не хочу, чтобы он был в натянутых отношениях с Дэйвом из-за меня.

— Марта, что тебе нужно от меня?

— Я не жду, что ты сделаешь что-то для меня. Я просто хочу, чтобы ты выслушала, — она опустила подбородок и на секунду закрыла глаза. — Я всегда думала, что смогу заполучить его обратно, когда захочу. Конечно, после того как у него было несколько лет, чтобы успокоиться. Он никогда не спал с кем попало, мы были друг у друга первыми. Так что я просто выжидала, позволяя ему нагуляться. Я была его единственной настоящей любовью, именно так, не зависимо от того, что он делал. Он по-прежнему ночь за ночью играл песни обо мне, даже после всех этих лет носил сережку...

Шумели, проезжающие мимо машины, болтали люди, но мы с Мартой были от всего этого в стороне. Я не была уверена, что хотела это услышать, но я в любом случае впитывала

каждое слово, отчаянно пытаюсь понять.

— Выясняется, творческие люди могут быть очень сентиментальными, — в ее смехе слышалась самоирония. — Это не обязательно что-то значит, — она повернулась ко мне с решительным, полным ненависти взглядом. — Я думала, что тогда я была для него просто привычкой. Он никогда ничего не бросал ради меня. Он, безусловно, никогда бы не переехал в другой город, чтобы вписаться в то, что я хотела.

— Что это значит?

— Он написал альбом, Эв. Судя по всему, новые песни гениальны. Лучшее, что он когда-либо писал. Нет никаких причин, по которым он не смог бы оказаться в какой угодно студии, чтобы свести альбом, делая то, что он так любит. Вместо этого он здесь, записывается в студии на несколько улиц выше. Потому что быть рядом с тобой для него важнее, — она качнулась вперед с ядовитой улыбкой. — Он продал дом в Монтерее и покупает здесь квартиру. Я годами ждала, чтобы он вернулся и посвятил мне свое время. Для тебя он перепланировал все, не моргнув глазом.

— Я не знала, — сказала я, ошеломленная.

— Вся группа здесь. Они записываются в месте под названием «Bent Basement».

— Я слышала о таком.

— Если ты настолько глупа, чтобы отпустить его, тогда ты заслуживаешь быть несчастной очень долго, — женщина посмотрела на меня так, будто у нее уже был личный опыт в такой ситуации. Она встала, отряхнула руки. — На этом у меня все.

Марта ушла. Она растворилась в послеполуденной толпе покупателей, как будто ее никогда и не было.

Дэвид записывался в Портленде. Он говорил, что работает над новым альбомом. Я даже не представляла, что собственно это значит, что он записывает его здесь. Не говоря уже о покупке квартиры.

Обалдеть!

Я встала и пошла в направлении противоположном тому, куда отправилась Марта. Сначала я шла, пытаюсь понять, что я делаю, давая мозгу шанс догнать меня. Потом я плюнула на это и побежала, петляя мимо пешеходов и столиков кафе, припаркованных машин и всего остального. Мои ботинки «Doc Martens»^[23] несли меня все быстрее и быстрее. Я нашла «Bent Basement» на несколько кварталов выше, расположенный между микропивоварней и престижным магазином одежды. Я хлопнула руками по дереву, толкая дверь. Скромная зеленая дверь была не заперта. В колонках звучало всемогущее соло электрогитары, оно разливалось по окрашенным в темный цвет помещениям. Сэм сидел на диване, читал журнал. В этот раз его стандартный черный костюм испарился, и на нем были слаксы и гавайская рубашка с короткими рукавами.

— Миссис Феррис, — улыбнулся он.

— Привет Сэм, — я задыхалась, пытаюсь восстановить дыхание. — Выглядишь очень здорово.

Он подмигнул мне:

— Мистер Феррис прямо сейчас в одной из звуковых кабинок, но если вы пройдете через эту дверь, то сможете понаблюдать.

— Спасибо, Сэм. Рада вновь тебя видеть.

Массивная дверь привела меня в комнату звукозаписи. За пультом сидел мужчина в наушниках, которого я не знала. Эта пульт покинул маленькую студию в Монтерее. Через

стекло я видела Дэвида, он играл с закрытыми глазами, сливаясь с музыкой. На нем тоже были наушники.

— Привет, — тихо сказал Джимми. Я и не осознавала, что остальная часть группы находится позади меня, развалившись на диване и ожидая своей очереди.

— Привет. Джимми.

Он натянуто улыбнулся. Его костюм исчез. Остался только колючий взгляд.

— Рад видеть тебя здесь.

— Спасибо, — я не знала, как надо себя вести с человеком, проходящим реабилитацию. Я должна была спросить как его здоровье или об этом упоминать не стоило. — И спасибо за то, что позвал Марту.

— Она приходила поговорить с тобой? Хорошо. Я рад, — он засунул руки в карманы своих черных джинсов. — Это меньше, что я мог сделать. Извини за наши предыдущие встречи, Эв. Я был... не там, где должен был. Надеюсь, мы сможем переступить через это.

После того как он перестал принимать наркотики, сходство между ним и Дэвидом стало выражено сильнее. Но его голубые глаза и его улыбка не делали со мной тоже, что делали глаза и улыбка Дэвида. Больше никто так не мог. Ни за пять лет, ни за пятьдесят. Впервые за долгое время я смогла это принять, и от этого мне было приятно. Подобные прозрения, казалось, сегодня приходили одно за другим.

Джимми терпеливо ждал, пока я вернусь оттуда, где витала, и скажу что-нибудь. Когда я по-прежнему молчала, он продолжил:

— У меня раньше никогда не было невестки.

— У меня никогда не было деверя.

— Нет? Мы полезны для всякой ерунды. Просто подожди и увидишь.

Я улыбнулась, и он улыбнулся в ответ, в этот раз более расслаблено.

В углу черного кожаного дивана сидел Бен, разговаривал с Малом. Мал приподнял в мою сторону подбородок, и я сделала также. Бен встревожено посмотрел на меня. Он по-прежнему был огромным и импозантным, но, казалось, сегодня он боится меня больше, чем я его. Я кивнула ему «привет», и он с натянутой улыбкой кивнул мне в ответ. После разговора с Мартой я лучше понимала, почему он так поступил тем вечером. Мы никогда не станем лучшими друзьями, но помиримся ради Дэвида.

Гитарное соло прекратилось. Я повернулась и увидела Дэвида, наблюдавшего за мной. Он снял свои наушники, потом перекинул через голову ремень гитары и направился к двери.

— Привет, — сказал он, подходя ко мне. — Все в порядке?

— Да. Мы можем поговорить?

— Конечно, — он проводил меня в кабинку. — Мы не долго, Джек.

Мужчина у пульта управления кивнул и нажал на какие-то кнопки, насколько я поняла, выключая микрофоны. Он, похоже, был не слишком расстроен перерывом. Повсюду были инструменты и микрофоны. В комнате царил хаос. Мы стояли в углу, вне поля зрения остальных.

— Со мной приходила поговорить Марта, — произнесла я, как только он закрыл дверь. Он возвышался передо мной, блокируя все остальное. Я привалилась боком к стене и смотрела на него, все еще пытаясь отдышаться. Мое сердце успокоилось после спринта. До этого. Но теперь он был здесь и был так чертовски близко. Я спрятала руки за спину, прежде чем они бы в него вцепились.

Дэвид наморщил лоб:

— Марта?

— Все в порядке, — выпалила я. — Ну, понимаешь, она вела себя, как обычно, но мы поговорили.

— О чем?

— В основном о вас двоих. Она сказала мне кое-что, о чем стоит задуматься. Ты занят сегодня вечером?

Его глаза слегка расширились.

— Нет. Хочешь чем-то заняться?

— Да, — кивнула я. — Я скучала по тебе этим утром, когда проснулась и поняла, что ты ушел. Я очень сильно скучала по тебе весь прошлый месяц. Не думаю, что когда-нибудь говорила это тебе.

Он тяжело вздохнул:

— Нет... нет, не говорила. Я тоже скучал по тебе. Мне жаль, что я не смог остаться утром.

— В другой раз.

— Определенно, — он сделал шаг ко мне, пока носки его ботинок не соприкоснулись с моими. Никто никогда не был более желанным в моем личном пространстве. — Я обещал, что мы начнем здесь рано утром, если бы не это, я был бы там, когда ты проснулась.

— Ты не говорил, что группа записывается здесь.

— Нам было о чем поговорить. Я думал, что это могло подождать.

— Да. В этом есть смысл, — я уставилась на стену рядом с собой, пытаюсь привести мысли в порядок. После большого количества неторопливых и болезненных движений, все, казалось, происходит мгновенно.

— ...о сегодняшнем вечере, Эв?

— Я собираюсь на ужин к родителям.

— Я приглашен?

— Да, — ответила я. — Да, ты приглашен.

— Ладно. Замечательно.

— Ты, правда, собираешься покупать здесь дом?

— Квартиру с тремя спальнями на несколько кварталов повыше. Я прикинул, что это близко к твоей работе и не слишком далеко от твоей учебы... понимаешь, просто на всякий случай, — он изучал мое лицо. — Ты хочешь посмотреть ее?

— Вау. — Я сменила тему, чтобы выиграть время: — Джимми хорошо выглядит.

Он улыбнулся и положил руки по обе стороны от моей головы, сокращая между нами расстояние.

— Ага. Он делает успехи. Переезд сюда на всех нас влияет хорошо. Кажется, не я один был готов порвать со всем дерьмом в ЛА. Наша манера исполнения стала ярче, чем в предыдущие годы. Теперь мы сосредотачиваемся на важных вещах.

— Это здорово.

— Итак, что тебе сказала Марта, малышка?

Нежность прибыла за компанию с теплым старым знакомым чувством. Я едва не упала, я так была благодарна.

— Ну, мы говорили о тебе.

— Это я понял.

— Полагаю, что я все еще кое-что осмысливаю.

Он медленно кивнул, наклоняясь до тех пор, пока наши носы практически не столкнулись. Идеальная близость этого момента, легкое ощущение его дыхания на моем лице. Моя потребность быть ближе к нему никуда не исчезала. Независимо от того, как я пыталась скрыть ее. Любовь и разбитое сердце делают тебя умопомрачительно глупой, даже безрассудной. То, что ты пытаешься сказать себе сделать, надеясь, что однажды ты поверишь в это.

— Ладно, — сказал он. — Есть что-нибудь, с чем я могу помочь?

— Нет. Думаю, я просто хотела проверить, что ты действительно здесь.

— Я здесь.

— Да.

— Это не изменится, Эвелин.

— Да. Сейчас я это понимаю. Думаю, я иногда могу быть немного медлительной в таких вещах. Я просто была не уверена, знаешь, во всем, что произошло. Но я все еще люблю тебя, — видимо, я возвращаюсь к выбалтыванию всего, что приходит в голову. Хотя, когда я с Дэвидом, это нормально. Я была в безопасности. — Это так.

— Я знаю, малышка. Вопрос в том, когда ты собираешься вернуться ко мне?

— Это очень сложно, понимаешь? Когда все развалилось в прошлый раз, было так больно.

Он горестно кивнул:

— Ты бросила меня. Полагаю, что это самое худшее, что я когда-либо испытывал.

— Я должна была уйти, но также... отчасти, думаю, я хотела сделать больно тебе так же, как ты сделал больно мне, — мне нужно было вновь взять его за руку, но я не чувствовала, что смогу. — Я больше не хочу мстить таким образом, не с тобой, больше никогда.

— В ту ночь я сказал тебе такие ужасные дерьмовые вещи. Мы оба страдали. Нам просто придется простить друг друга и отпустить все это.

— Ты ведь не написал об этом песню?

Он отвел взгляд.

— Нет! Дэвид, — вскрикнула я с ужасом. — Ты не мог. Это была ужасная ночь.

— По шкале от одного до десяти как сильно ты разозлена?

— Где один — развод?

Он пододвинулся нижней частью своего тела поближе, размещая свои ноги между моими. Между нами было расстояние не больше волоска. В таком положении я никогда не восстановлю дыхание. Никогда.

— Нет, — сказал он тихим голосом. — Ты даже не помнишь, как мы поженились, так что развод или аннулирование или как оно там, черт побери, называется, никогда не планировался. Этого никогда не было. В последний месяц я просто сказал адвокатам продолжать делать вид, что они этим заняты, пока я все осмысливал. Я забыл это упомянуть?

— Да, забыл, — я не смогла сдержаться и улыбнулась. — Так что тогда один?

— Один — настоящее. Мы, живущие раздельно и чертовски несчастные друг без друга.

— Это очень ужасно.

— Так и есть, — согласился он.

— Является ли эта песня в альбоме главной или ты засунешь ее куда-нибудь, где ее никто не заметит? Куда-то вроде В-стороны? Не включенная в список песен и спрятанная в конце?

— Давай представим, что мы говорим об одной из песен, именем которой будет называться альбом.

— Одной из песен? Как много в этом гениальном альбоме я услышу о нас?

— Я люблю тебя.

— Дэвид, — я пыталась сохранить сердитое выражение лица, но у меня не получилось. У меня не хватило на это сил.

— Ты можешь доверять мне? — спросил он, его лицо внезапно стало серьезным. — Мне нужно, чтобы ты вновь мне доверяла. Намного больше, чем просто песни. Настороженность в твоих глазах все время, черт возьми, меня убивает.

— Я понимаю, — я нахмурилась, соединив пальцы вместе за своей спиной. — Я буду доверять. И я научусь справляться с этими песнями. Правда. Музыка большая часть того, кто ты есть, и это огромный комплимент, что ты чувствуешь, что это важно для меня. Меня в основном просто дразнили.

— Знаю. И они не все о нашем расставании.

— Да?

— Да.

— Это хорошо. Я рада.

— Мм.

Я облизнула губы, и его глаза проследили за этим движением. Я ждала, что он преодолеет расстояние между нами и поцелует меня. Но ни он, ни я этого не сделали. По некоторым причинам было правильным не спешить с этим. Это должно было быть идеально. Все между нами было решено. Мы были так близко друг к другу, слушая низкий рокот его голоса, я могла бы остаться здесь на весь день. Но Руби будет интересно, что, черт побери, со мной произошло. У меня также было небольшое задание, прежде чем я вернусь.

— Мне лучше вернуться к работе, — сказала я.

— Хорошо, — он медленно отстранился. — В какое время мне забрать тебя сегодня?

— В семь?

— Звучит хорошо, — по его лицу пробежала тень. — Думаешь, я понравлюсь твоим родителям?

Я глубоко вдохнула и выдохнула.

— Я не знаю. Это не важно. Ты нравишься мне.

— Тебе?

Я кивнула.

Свет в его глазах был как восход солнца. Мои колени задрожали, а сердце затрепетало. Это было мощно, и красиво, и идеально.

— Тогда это единственное, что имеет значение, — сказал он.

Моим родителям он не понравился. Большую часть ужина присутствие Дэвида они игнорировали. Каждый раз, когда они откровенно обходили его вниманием, я открывала рот, чтобы возразить, и нога Дэвида под столом толкала мою. Он легонько качал головой. Я сидела и закипала, к этому моменту мой гнев уже разросся до невероятных размеров. Все давно вышло за рамки неловкого, хотя Лорен делала все возможное, чтобы заполнить молчание.

Со своей стороны Дэвид полностью выложил, одев серую рубашку с рукавами, доходящими до его запястий. Она скрывала большую часть его татуировок. Черные джинсы и простые черные ботинки завершали его стиль «встреча-с-родителями». Учитывая, что он отказался наряжаться для зала, заполненного голливудскими знаменитостями, я была впечатлена. Он даже сделал прическу, как у Джеймса Дина. На большинстве мужчин мне бы такое не понравилось. Дэвид был не большинство. Откровенно говоря, он выглядел чертовски потрясающе, даже с исчезающими синяками под глазами. То, как он любезно общался с моими родителями, несмотря на их ужасное поведение, только укрепило мою веру в него. И мое чувство собственного достоинства, оттого что он решил быть со мной. Но вернемся к разговору за ужином.

Лорен детально поделилась всеми своими планами насчет занятий на предстоящий семестр. Мой отец кивал и внимательно слушал, задавая уместные вопросы. Нейт, влюбленный в нее, был просто за пределами самых смелых мечтаний моих родителей. Девушка уже давно была фактически частью семьи. Они не могли быть довольнее. Но более того, она, казалось, позволила им взглянуть на их собственного сына по-новому, замечая в нем изменения. Когда Лорен говорила о работе Нейта и его обязанностях, они слушали.

Между тем, хоть Дэвид сидел всего лишь по другую сторону стола, я по нему скучала. Так много надо было сказать, что я не знала с чего начать. И мы же уже обсуждали большую часть этого? Так в чем проблема? У меня появилось странное ощущение, что что-то от меня ускользает. Дэвид переехал в Портленд. Все будет хорошо. Но это не так. Скоро начнутся занятия. Потенциальная угроза плана все еще нависала над моей головой, потому что я ей это позволила.

— Эв? Что-то не так? — папа с озабоченным лицом сидел во главе стола.

— Нет, папа, — сказала я, улыбаясь сквозь стиснутые зубы. Нигде не упоминалось, что я еще не определилась на его счет. Я подозревала, что он списал это на гнев девушки с разбитым сердцем или на что-то подобное

Папа взглянул хмуро, сначала на меня, затем на Дэвида.

— У моей дочери на следующей неделе начинаются занятия.

— Ах, да, — сказал Дэвид, — она говорила об этом, мистер Томас.

Мой отец изучал Дэвида поверх очков.

— Ее обучение очень важно.

Я запаниковала, когда кошмар начал разворачиваться прямо на моих глазах.

— Папа. Прекрати.

— Да, мистер Томас, — произнес Дэвид. — У меня нет намерений прерывать ее учебу.

— Хорошо, — папа сцепил руки перед собой, приготовился читать лекцию. — Но дело в том, что молодые женщины, воображающие себя влюбленными, имеют ужасную

тенденцию не думать.

— Папа...

Папа поднял руку, чтобы остановить меня:

— С самого детства она планировала стать архитектором.

— Хорошо. Хватит.

— Что если ты отправишься в турне, Дэвид? — спросил мой отец, продолжая, несмотря на мои протесты. — Поскольку это неизбежно случится. Ты ждешь, что она все бросит и последует за тобой?

— Это будет решение вашей дочери, сэр. Но я не планирую делать хоть что-то, что заставит ее выбирать между мной и учебой. Независимо от того, что она захочет сделать, у нее будет моя поддержка.

— Она хочет быть архитектором, — решительным голосом сказал папа. — Эти отношения уже дорого ей обошлись. Ей отменили важную практику, когда произошла вся эта ерунда, что существенно отбросило ее назад.

Я выразила несогласие, поднимаясь со стула:

— Достаточно.

Папа посмотрел на меня так же, как первый раз на Дэвида, враждебно и как будто я нежеланный гость. Он смотрел на меня так, будто больше не признавал.

— Я не позволю тебе портить свое будущее из-за него, — выкрикнул он.

— Из-за него? — спросила я, ужаснувшись его тону. Гнев разрастался во мне весь вечер, заполняя меня. Неудивительно, что я едва прикоснулась к ужину. — Человека, по отношению к которому вы весь прошедший час вели себя грубо? Дэвид — последний человек, который ожидал бы, что я брошу что-то важное для меня.

— Если он заботится о тебе, тогда пусть оставит в покое. Посмотри на вред, который он причинил, — на лбу моего отца вздулись вены, когда он тоже встал. Все остальные смотрели в оцепенении. Можно было сказать, что большую часть жизни я провела отступая. Но все то не имело для меня значения, не по-настоящему. Здесь все было по-другому.

— Ты ошибаешься.

— Ты себя не контролируешь, — зарычал отец, указывая на меня пальцем.

— Нет, — ответила я отцу. Затем я повернулась и сказала то, что мне давно следовало сказать своему мужу: — Нет, я контролирую себя. И вообще, я самая чертовски удачливая девушка в мире.

Улыбка осветила глаза Дэвида. Он посасывал нижнюю губу, пытаясь скрыть счастливое выражение лица перед разъяренными лицами моих родителей.

— Да, это так, — сказала я, чуть не плача и даже не обращая на это внимание.

Он отодвинул свой стул и встал, мы оказались лицом к лицу через стол. Обещание безоговорочной любви и поддержки в его глазах было единственным ответом, в котором я нуждалась. И в этот идеальный момент я знала, что все прекрасно. У нас было все прекрасно. У меня не было не единого сомнения. В тишине он обошел стол и остановился рядом со мной.

Взгляды на лицах моих родителей... ого. Они всегда говорили, что лучше сорвать лейкопластырь моментально, ну что же, сорвем его и покончим с этим. Так я и сделала.

— Я не хочу быть архитектором, — облегчение от того, что я, наконец, это произнесла, поразило меня. Я почти уверена, что у меня дрожали коленки. Как бы то ни было, пути назад не было. Дэвид взял мою руку в свою и сжал ее.

Мой отец сощурился:

— Ты не это имеешь в виду.

— Боюсь, что это. Это была твоя мечта, папа. Не моя. Я никогда не должна была соглашаться. Это была моя ошибка, и мне жаль.

— Что ты будешь делать? — спросила мама, повысив голос. — Подавать кофе?

— Да.

— Это же смешно. Все деньги, которые мы потратили... — в маминых глазах вспыхнул гнев.

— Я верну.

— Это безумие, — произнес папа, его лицо побледнело. — Это все из-за него.

— Нет. На самом деле, это из-за меня. Дэвид просто помог мне понять, чего я действительно хочу. Он помог мне захотеть стать лучше. Я лгала, так долго стараясь вписаться в твой план... я была не права, поступая так.

Отец уставился на меня:

— Эвелин, думаю, вам стоит уйти. И хорошенько все обдумать. Мы поговорим об этом позже.

Я предполагала, что мы еще поговорим, но это бы ничего не изменило. Мой статус хорошей девочки окончательно и бесповоротно поддался.

— Вы забыли сказать ей, что независимо от того, что она решит, вы по-прежнему любите ее, — Натан встал и выдвинул стул для Лорен. С плотно сжатой челюстью, он повернулся лицом к отцу. — Нам тоже лучше уйти.

— Она знает это, — папа стоял во главе стола, его лицо исказилось в смятении.

Нейт хмыкнул:

— Нет, она не знает. Почему, вы думаете, она соглашалась со всем этим так много лет?

Мама переплела руки.

— Это смешно, — фыркнул папа.

— Нет, он прав, — сказала я. — Но, я думаю, всем пора когда-то вырасти.

Папины глаза стали еще холоднее:

— Быть взрослым — не значит отворачиваться от своих обязанностей.

— Идти по твоим стопам — не моя обязанность, — ответила я, не желая отступить. Те дни, когда я делала это, прошли. — Я не могу быть тобой. Я сожалею, что потратила впустую так много лет и так много ваших денег, чтобы осознать это.

— Мы только хотим, как лучше для тебя, — сказала мама, ее голос переполняли эмоции.

— Я знаю. Но это решать мне, — я повернулась к своему мужу, продолжая крепко держать его за руку. — И мой муж никуда не исчезнет. Вам нужно это принять.

Нейт обошел стол и поцеловал маму.

— Спасибо за ужин.

— Однажды, — сказала она, глядя на нас обоих, — когда у вас появятся дети, вы поймете, как это сложно.

Ее слова в значительно степени подвели под всем итог. Мой отец просто продолжал качать головой и раздраженно дышать. Я чувствовала вину, что разочаровала их. Но не достаточно сильную, чтобы вернуться к старому пути. Я наконец достигла того возраста, когда поняла, что мои родители тоже люди. Они не идеальны и не всемогущи. Им было так же свойственно ошибаться, как и мне. Это было мое право судить, что было правильным.

Я взяла свою сумочку. Пришло время уходить.

Дэвид кивнул обоим моим родителям и пошел следом за мной. Блестящий новый «лексус гибрид» ожидал нас у обочины. Это был не такой большой внедорожник, каким пользовался Сэм и другие телохранители. Эта машина была меньше по размеру. Позади нас Нейт и Лорен забрались в свою машину. Никто больше ничего не говорил. Мама с папой стояли в открытом дверном проеме, их темные силуэты освещались светом позади них. Дэвид открыл для меня дверцу, и я проскользнула на пассажирское сиденье.

— Извини за моего папу. Ты расстроен? — спросила я.

— Нет, — он захлопнул мою дверь и пошел к двери со стороны водителя.

— Нет? И это все?

Он пожал плечами:

— Он твой отец. Конечно, он будет обеспокоен.

— Я думала, что, возможно, к этому моменту ты от всей этой драмы пустишься наутек.

Он включил сигнал поворота и выехал на дорогу.

— Ты, правда, так думала?

— Нет. Извини, глупо было такое говорить, — проезжая мимо, я всматривалась в свой старый квартал: парк, в котором я играла, и дорога, по которой ходила в школу. — Итак, я ухожу из колледжа.

Он с любопытством взглянул на меня:

— Какие при этом ощущения?

— Боже, я не знаю, — я сжала руки, потерла их друг о друга. — Возбуждение. Пальцы ног и рук покалывает. Я не знаю, что я делаю.

— Ты знаешь, что хочешь делать?

— Нет. Совсем не знаю.

— Но ты знаешь, чего ты делать не хочешь?

— Да, — сразу же ответила я.

— Тогда у тебя есть отправная точка.

Полная луна тяжело висела в небе. Звезды мерцали. А я только что перевернула всю свою жизнь с ног на голову. Снова.

— Ты сейчас официально женат на девушке, которая бросила колледж и которая подает кофе, чтобы заработать на жизнь. Это беспокоит тебя?

Со вздохом Дэвид включил сигнал поворота и остановился перед аккуратной линией пригородных домов. Он взял меня за руку, нежно сжав ее своими руками.

— Если бы я захотел уйти из группы, это беспокоило бы тебя?

— Конечно, нет. Это твое решение.

— Если бы я захотел пустить все деньги на ветер, чтобы ты сказала?

Я пожала плечами:

— Ты зарабатываешь эти деньги, это твой выбор. Я думаю, тогда ты должен был бы переехать ко мне. И я скажу тебе, что квартира, которую мы бы сняли на мою зарплату, была бы маленькой. Миниатюрной. Это просто, чтоб ты знал.

— Но ты бы все равно приняла меня?

— Без вопросов, — я накрыла его руки своей, желая прямо сейчас перенять немного его уверенности. — Спасибо, что сегодня был там со мной.

Около его прекрасных темно-синих глаз появились маленькие морщинки:

— Я даже ничего не сказал.

— Тебе и не надо было.

— Ты назвала меня своим мужем.

Я кивнула, мое сердце застряло в горле.

— Сегодня в студии я тебя не поцеловал, потому что чувствовал, что между нами в воздухе витало что-то еще. Оно не ощущалось правильным. Но я хочу поцеловать тебя сейчас.

— Поцелуй, — произнесла я.

Он наклонился ко мне, и я встретила его на полпути. Его рот накрыл мой, губы теплые и решительные, и знакомые. Те единственные, которые я хотела, и в которых нуждалась. Он взял мое лицо в свои ладони, притягивая меня к себе. Поцелуй был таким сладким и идеальным. Это было обещание, то, которое на сей раз нарушено не будет. Мы оба учились на своих ошибках, и мы будем продолжать учиться всю нашу жизнь. Вот, что значит быть в браке.

Он зарылся пальцами в мои волосы, и я скользнула по его языку своим. Его вкус был нужен мне как воздух. Ощущение его рук на мне было обещанием, что все впереди. То, что началось как заверение, со скоростью света превращалось во что-то большее. Стон, который вырвался у него. Твою мать. Я хотела слушать этот звук всю оставшуюся жизнь. Мои руки потянулись к его рубашке, пытаюсь притянуть его ближе. У нас было время, чтобы все восполнить.

— Мы должны остановиться, — прошептал он.

— Должны? — спросила я, задыхаясь.

— К сожалению, — усмехнулся он, толкая кончиком своего носа мой. — Скоро, моя самая чертовски счастливая девочка в мире. Скоро. Ты действительно послала все к черту?

— Да, мне это было нужно.

— Твои родители выглядели так, будто были готовы потерять терпение.

— Мне очень жаль, что они так себя вели с тобой, — я провела пальцами по колючим коротким темным волосам на его щеке, ощущая щетину.

— Я справлюсь с этим.

— Ты не должен. Ты не будешь. Я не буду сидеть сложа руки и

Он перебил мою тираду поцелуем. Конечно, это сработало. Его язык порхал по моим зубам, дразня меня. Я отщелкнула ремень безопасности и переползла к нему на колени, нуждаясь быть ближе. Никто не целовался как Дэвид. Его руки проскользнули под мой топ, прижимаясь к изгибам моей груди. Большие пальцы гладили мои соски. Бедняжки были так чертовски тверды, что им было почти больно. Раз уж об этом зашла речь, я чувствовала эрекцию Дэвида, прижимающуюся к моему бедру. Мы удерживали наши губы вместе, пока автомобиль, полный детей, не проехал мимо, громко сигналив. Очевидно, наш сеанс поцелуев немного просматривался с улицы, несмотря на тонированные стекла. Отлично.

— Скоро, — пообещал он, прерывисто дыша. — Черт, так хорошо оказаться с тобой наедине. Там было напряженно. Но я горжусь тобой, что ты постояла за себя. Ты сделала это хорошо.

— Спасибо. Думаешь, мы пойдем это, когда у нас появятся дети, как сказала мама?

Он посмотрел на меня, его красивое лицо и серьезные глаза были так хорошо знакомы, что мне хотелось плакать.

— Мы никогда не говорили о детях, — сказал он. — Ты их хочешь?

— Когда-нибудь. А ты?

— Да, когда-нибудь. После того как мы несколько лет проживем одни.

— Звучит хорошо, — сказала я. — Ты собираешься показать мне свою квартиру?

— Нашу. Конечно.

— Я думаю, тебе стоит вытащить руки из-под моего топика, если ты планируешь отвезти нас туда.

— Мм. Жаль, — он последний раз сжал мою грудь, прежде чем вытащил руки из-под моей одежды. — А тебе стоит пристроить свою попу обратно на сиденье.

— Ладно.

Его руки обхватили мои бедра, помогая мне перебраться на свою сторону. Я вновь закрепила ремень безопасности, в то время как он глубоко вздохнул. Поморщившись, он поерзал, очевидно, пытаясь найти более удобное положение.

— Ты мучитель.

— Я? Что я сделала?

— Ты знаешь, что ты сделала, — проворчал он, выезжая на дорогу.

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Не делай так, — сказал он, прищурившись на меня. — Ты делала так в Вегасе, и потом в Монтерее, и в ЛА. Теперь ты делаешь это в Портленде. Я не могу заниматься с тобой сексом, где придется.

— Ты говоришь о состоянии в своей ширинке? Не я контролирую твои реакции, приятель. А ты.

Он залился смехом:

— Я никогда не контролировал свои реакции на тебя. Ни разу.

— Так вот почему ты женился на мне? Потому что был беспомощен передо мной?

— Уверю тебя, ты заставляешь меня дрожать от страха, — улыбка, которую он послал мне, заставила меня дрожать, и страх не имеет с этим ничего общего. — Но я женился на тебе, Эвелин, потому что в тебе был смысл для меня. В нас есть смысл. Нам намного лучше быть вместе, чем порознь. Ты заметила это?

— Да, действительно, заметила.

— Хорошо, — его пальцы погладили мою скулу. — Нам нужно попасть домой. Сейчас же.

Я была вполне уверена, что он нарушил ограничения скорости. Квартира была в нескольких кварталах от кафе Руби. Она была расположена в большом старом здании из коричневого кирпича, с каменной кладкой в стиле арт-деко, обрамляющей двойную входную дверь со стеклом. Дэвид набрал код и провел меня в белый мраморный вестибюль. Изваяние, которое было похоже на корягу, прибитую к берегу, стояло, возвышаясь в углу. Под потолком, в углах висели камеры видеонаблюдения. Он не дал мне время осмотреться, быстро проведя через вестибюль. Мне практически пришлось бежать, чтобы поспеть за ним.

— Пойдем, — сказал он, потянув меня за руку и завлекая в лифт.

— Это все очень впечатляюще.

Он нажал на кнопку верхнего этажа:

— Подожди, ты еще квартиру не видела. Ты ведь теперь переедешь ко мне, да?

— Да.

— Кстати, сейчас у нас есть парочка гостей. Это только на то время, пока мы записываем альбом. Вероятно, еще несколько недель, — двери лифта открылись, и мы вышли в коридор. В этот момент Дэвид забрал у меня мою сумочку. Потом он наклонился и

пристроил свое плечо под мой живот, подняв меня вверх. — Мы на месте.

— Эй, — завизжала я.

— Я держу тебя. Настало время снова перенести тебя через порог.

— Дэвид, на мне надета юбка, — она почти до колен, но все же. Я не хотела бы сверкать задницей перед его гостями и участниками группы, если бы я смогла избежать этого.

— Я знаю. Разве я тебя еще не поблагодарил за это? Я очень ценю, что ты облегчила мне доступ, — его черные ботинки стучали по мраморному полу. Я воспользовалась возможностью, чтобы пощупать его задницу, потому что мне было позволено. Моя жизнь была чертовски сказочной.

— На тебе нет никакого нижнего белья, — сообщила я ему.

— Вот как?

Рука погладила мою попу. К счастью, через одежду.

— А на тебе есть, — сказал он, понизив голос и рыча самым лучшим возможным способом. — А какие трусики на тебе надеты, малышка? По ощущениям, шортики.

— Не думаю, что эти ты видел.

— Ага, мы очень скоро это изменим. Поверь мне.

— Верю.

Я услышала звук открывающейся двери, и мрамор подо мной перешел в черный, глянцево-деревянный пол. Стены были чисто белыми. До меня донеслись мужские голоса, которые смеялись и болтали неподалеку. На заднем фоне играла музыка, полагаю, «Nine Inch Nails». Пока мы жили в квартире, Нейт слушал их музыку, они были его любимой группой. Конечно, квартира выглядела потрясающе. Там были темные деревянные стулья и зеленые диваны. Просторно. По всему помещению были разбросаны футляры для гитар. Из того, что я увидела, квартира выглядела красиво и оживленно. Она выглядела как дом.

Наш дом.

— Ты похитил девушку. Дейви, это круто, но противозаконно. Скорее всего, тебе придется вернуть ее назад, — кто-то отодвинул в сторону мои волосы, и показался Мал, который присел рядом со мной. — Привет, ребенок-невеста. Где мой приветственный поцелуй?

— Отвали от моей жены, ты, придурок, — Дэвид поднял одну ногу в ботинке, и небрежно оттолкнул его. — Иди, найди себе свою собственную.

— С чего бы это, черт побери, мне нужно жениться? Это для безумных людей как вы двое. И хотя я приветствую ваше безумие, но я ни в коем случае не пойду по вашим стопам.

— Кто, мать вашу, захотел бы быть с ним? — более спокойный голос Джимми зазвучал рядом со мной. — Хей, Эв.

— Привет, Джимми, — я убрала руку с задницы мужа и помахала ему. — Дэвид, а я так и должна оставаться вниз головой?

— Ах, точно. У нас сегодня вечер свиданий, — объявил мой муж.

— Понятно, — сказал Мал. — Пойдем, Джимми. Пойдем, найдем мальчишку-Бенни. Он пошел перекусить в тот японский ресторан.

— Хорошо, — кроссовки Джимми направились к двери. — Увидимся, ребята.

— Пока! — я еще раз им помахала.

— Сладких снов, Эвви, — Мал тоже вышел, и за ними захлопнулась дверь.

— Наконец-то одни, — Дэвид вздохнул и вновь начал двигаться, перемещаясь по

длинному коридору. Со мной, перекинутой через его плечо. — Нравится квартира?

— То, что я видела, очень мило.

— Это хорошо. Остальное я покажу тебе позже. Перво-наперво мне очень нужно забраться в эти твои трусики.

— Не думаю, что они подойдут тебе, — захихикала я. Он шлепнул меня по заднице. Жгучая вспышка, хотя скорее это был электрический удар, чем что-либо другое. — Боже, Дэвид.

— Просто разогреваю тебя, забавная девчонка, — он зашел в последнюю комнату в конце коридора и пнул дверь, чтобы она закрылась. Моя сумка была брошена на стул. Без предупреждения он опрокинул меня на огромную двуспальную кровать. Мое тело отпружинило от матраса. Кровь прилила к голове, отчего она закружилась. Я убрала волосы с лица и приподнялась на локтях.

— Не шевелись, — сказал он гортанным голосом.

Раздеваясь, он стоял в изножье кровати. Самое удивительное зрелище из всех существующих. Я могла бы наблюдать вечно, как он это делает. Он потянулся руками за спину и снял рубашку, и я поняла, что я была не самая везучая девушка во всем мире. Я была самая везучая девушка во всей вселенной. Это была правда. Не только потому, что он был очень красив, а я была единственной, кто видел, как он это делает, но и потому, как он все время смотрел на меня из-под полуприкрытых век. В них было желание, но также в них была и любовь.

— Ты и понятия не имеешь, как часто на прошлой неделе я представлял тебя, лежащей на этой кровати, — он снял ботинки и носки, отбрасывая их в сторону. — Сколько раз за прошлый месяц я практически набирал твой номер.

— Почему не позвонил?

— Почему ты не позвонила? — спросил он, расстегивая пуговицу на своих джинсах.

— Давай не будем повторять это снова.

— Нет. Никогда, — он забрался на кровать и провел руками по моим икроножным мышцам. Моя обувь исчезла, а его пальцы проскользнули под юбку, задирая ее все выше и выше. Не разрывая визуальный контакт, он потянул вниз мои трусики-шортики. Он, очевидно, не был заинтересован в том, чтобы рассматривать их. У мужчины были более важные задачи. — Скажи, что ты любишь меня.

— Я люблю тебя.

— Еще раз.

— Я люблю тебя.

— Я так чертовски сильно скучал по твоему вкусу, — большие руки раздвинули мои ноги, выставляя меня для его пристального взгляда. — Я мог бы провести несколько дней с головой между твоих ног, не против?

О, боже. Он потерся своей щетиной о внутреннюю часть бедра, отчего мою кожу стало покалывать. Я не смогла бы заговорить, даже если попробовала бы.

— Повтори это еще.

Я с трудом сглотнула, пытаюсь взять себя в руки.

— Я жду.

— Я-я люблю тебя, — заикаясь, произнесла я с придыханием. Моя нижняя часть тела практически подпрыгнула на кровати при первом прикосновении его губ. Каждая частичка меня была напряжена и вибрировала.

— Продолжай, — его язык разделил мои половые губы и проскользнул между них, прежде чем погрузиться внутрь. Приятные, настойчивые касания его губ и колкость его щетины.

— Я люблю тебя.

Сильные руки переместились под мою попу, удерживая меня для его рта.

— Еще.

Я что-то простонала. Этого, похоже, было достаточно. Он не останавливался и больше ничего не говорил. Дэвид набросился на меня. В этом не было ничего неторопливого. Его рот усердно работал, за считанные минуты доведя меня до седьмого неба. Узелок во мне напрягся и начал разрастаться, пока его язык вылизывал меня. По моему позвоночнику промчались электрические разряды. Я не поняла, когда начала дрожать. Силы покинули меня, и я ударилась о матрас еще раз. Я сжала руки в его волосах, хватаясь пальцами за короткие, густые пряди.

Это было слишком. Я не знала, должна ли я подобраться ближе или отодвинуться. В любом случае его руки удерживали меня. Каждая мышца во мне напряглась, мой рот открылся в беззвучном крике. В голове взорвались фейерверки. Я кончала и кончала.

Когда мое сердце перестало гроыхать, я открыла глаза. Дэвид встал на колени между моих ног. Его джинсы были спущены, и его эрекция доставала до его плоского живота. Темно-синие глаза уставились вниз на меня.

— Я не могу ждать.

— Не жди. Не надо, — я сжала ногами его бедра. Одна его рука осталась под моей попой, удерживая меня повыше. Второй рукой он направлял себя в меня. Он не спешил. Мы оба были по-прежнему, как минимум, наполовину одеты, на нем оставался низ, а на мне верх. Не было времени, чтобы тратить его попусту. Мы слишком нуждались в этом, чтобы еще ждать. В следующий раз.

Он так медленно входил в меня, что я не могла дышать. Единственное, что было важно — это чувства. И боже, ощущение, как он мощно и жестко толкался внутрь меня. В слабом освещении на его голой груди мерцал пот. Когда он начал двигаться, на его плечах проступили резко очерченные мышцы,

— Моя, — произнес он.

Я смогла лишь кивнуть.

Он опустил взгляд, наблюдая, как с каждым толчком мои груди покачиваются под топом. Пальцы сильно сжали мои бедра. А мои схватились за постельное белье, пытаюсь найти опору, чтобы я могла толкаться к нему. Его выражение лица было диким, губы опухшие и влажные. Лишь только это было реальностью, мы с ним вместе. Все остальное могло придти и уходить. Я нашла то, за что стоило бороться.

— Я люблю тебя.

— Иди сюда, — крепко удерживая, он приподнял меня с матраса на руки. Я обняла ногами его за талию, мои мышцы жгло от того, как сильно я держалась. Я вцепилась руками в его шею, пока он насаживал меня на свой член.

— Я тоже тебя люблю, — его руки проскользнули под мой топ на спине. Мы порывисто двигались вместе. Наши неистовые вздохи смешивались в один. Пот покрывал и мою и его кожу, ткань толика прилипла ко мне. Жар вновь собрался внутри меня. В такой позиции это не продлится долго. Не тогда, когда он вот так насаживает меня на себя. Он губами присосался к участку кожи, где шея встречается с телом, и я задрожала в его руках, снова

кончая. Звуки, которые он издавал, и то, как он произносил мое имя... я не хочу это никогда забывать. Ни на секунду.

В конце концов, он опустил нас на кровать. Я не хотела отпускать его, поэтому он накрыл мое тело своим. Его вес вдавил меня в кровать, его рот был на моей щеке. Мы никогда не должны шевелиться. В наиболее благоприятном варианте мы могли бы остаться так навсегда.

Но вообще-то мне надо было кое-что сделать.

— Мне нужна моя сумочка, — сказала я, извиваясь под ним.

— Для чего? — он приподнялся на локтях.

— Мне надо кое-что сделать.

— Что может быть важнее этого?

— Скатись с меня, — сказала я, уже сталкивая его в сторону.

— Хорошо. Но лучше бы это было что-то приятное, — он расслабился и дал мне сбросить его с себя. Я рванула поперек матраса, одновременно пытаюсь поправить юбку. Должно быть это выглядело смешно, потому что Дэвид погнался за мной, клацая зубами.

— Вернись назад, жена, — скомандовал он.

— Секундочку.

— Мое имя так шикарно выглядит на твоей попе, — сказал он.— Татуировка очень хорошо зажила.

— Ну, спасибо, — я, наконец, слезла с матраса, и поправила свою юбку. В тот месяц, когда мы были не вместе, я игнорировала свою татуировку. Но сейчас, я была рада, что она у меня есть.

— Сними юбку.

— Подожди.

— И топ. Нам так много надо восполнить.

— Ага, минутку. Я скучала по объятиям топless.

Он оставил мою сумку на синем, покрытом бархатом, стуле около двери. Кто бы ни декорировал эту квартиру, он проделал адскую работу. Квартира была прекрасна. Но я рассмотрю все позже. Прямо сейчас мне нужно было сделать кое-что важное.

— Я сегодня купила тебе подарок, после того как мы поговорили в студии.

— Да?

Я кивнула, выискивая в сумке сокровище. Бинго. Шикарная маленькая коробочка была именно там, где я ее и оставила. Спрятав ее в руке, я пошла обратно к нему, с широкой улыбкой на лице.

— Да, купила.

— Что у тебя в руке? — он поднялся с кровати. В отличие от меня, он снял свои джинсы. Мой муж стоял передо мной голый и идеально взъерошенный. Он смотрел на меня, как будто я была всем. Пока я жива, я знала, что больше никого не захочу.

— Эвелин?

По какой-то причине я почувствовала себя внезапно застенчивой и неуклюжей. Держу пари, кончики моих ушей запылали ярко-розовым.

— Дай мне свою левую руку, — я потянулась к его руке, и он дал мне ее. Я осторожно надела ему на палец толстую платиновую полоску, на которую ушли все мои сбережения днем. Идеально. Я с радостью проходила бы всю зиму пешком и отморозила бы задницу. Дэвид значил для меня намного больше, чем замена старой дерьмовой машины. Учитывая,

что теперь я должна деньги родителям, выбор времени был не самым удачным. Но это было важнее всего.

За исключением того, что кольцо закрыло «Е» из его татуировки «LIVE FREE». Черт, о этом я не подумала. Он, скорее всего, не будет его носить.

— Спасибо.

Я подняла к нему свой взгляд, пытаюсь сделать вывод о его искренности.

— Тебе нравится?

— Я, черт побери, люблю его.

— Правда? Потому что я забыла о твоей татуировке, но...

Он заткнул меня поцелуем. Мне отчасти нравилась его новая привычка так делать. Его язык поглаживал мои губы, и мои глаза закрылись, позабыв все тревоги. Он целовал меня до тех пор, пока у меня не пропали все сомнения относительно того, насколько ему понравилось кольцо. Пальцы суетились с верхней пуговицей топика, стаскивая его с моих плеч. Затем он расстегнул мой лифчик.

— Я люблю мое кольцо, — сказал он, его губы путешествовали по моему подбородку и вниз по шее. Лямки лифчика скатились вниз по рукам, и моя грудь освободилась. Потом он начал снимать мою юбку, борясь с молнией и стаскивая ее вниз по бедрам. Он не остановился, пока я не стала такой же голой, как он. — Я никогда не сниму его.

— Рада, что тебе понравилось.

— Да. И мне нужно, чтобы прямо сейчас ты была обнаженной, и я продемонстрирую тебе, насколько сильно оно мне понравилось. Но потом я верну тебе обратно твое кольцо, обещаю.

— Не торопись, — пробормотала я, выгибая шею, чтобы предоставить ему лучший доступ. — У нас есть вечность.

Мы запланировали встретиться с Амандой, Джо и еще несколькими друзьями в одном из местных баров следующим вечером. Мои внутренности постоянно делали сальто. Я была взволнованна и нервничала, и испытывала еще сотню других эмоций, с которыми не могла справиться. Но не сомневалась. Нисколько. Я поговорила с Руби о том, что могу взять еще рабочие смены в кафе, и она была рада. Оказывается, ее отрешенность тогда была связана с тем, что она узнала о своей беременности. Мой уход из колледжа пришелся как раз вовремя. В итоге я бы все равно вернулась на учебу. Мне понравилась идея о преподавании. Не знаю. У меня было время.

Бар был малюсеньким, он располагался недалеко от нашего нового дома. Рок-группа из четырех человек играла на маленькой сцене в углу классику гранжа и несколько новых песен. Джо махнула нам, выходя из-за стола. Встреча с Дэвидом, очевидно, была важна для нее. Щенки подпрыгивали бы меньше.

— Дэвид. Это так здорово, — повторяла она вновь и вновь. Вот так вот. Если бы она начала трахать его ногу, я бы вмешалась.

Аманда же, с другой стороны, должна была перестать так хмуриться. По крайней мере, в отличие от моих родителей, свой протест она выражала молча. Я ценила ее беспокойство, но она должна была привыкнуть, что Дэвид никуда не исчезнет.

Дэвид заказал для нас напитки и устроился на стуле рядом со мной. Правда, музыка была слишком громкой для разговоров. Чуть позже к нам присоединились Нейт и Лорен. Между моим братом и мужем был заключен хрупкий мир, чему я была глубоко благодарна.

Дэвид придвинулся ближе.

— Я хочу спросить у тебя кое-что.

— Что?

Он просунул руку вокруг моей талии, придвигая меня ближе. Было бы лучше просто перетащить меня к себе на колени. С теплой улыбкой, он крепко обнимал меня.

— Хей.

— Хей, — сказала я. — О чем ты хотел спросить?

— Мне интересно... не хотела бы ты послушать одну из песен, которую я написал для тебя?

— Серьезно? Я бы очень хотела.

— Отлично, — сказал он, его рука гладила меня по спине, по моему простому черному платью. Конечно, одетому потому, что это был его любимый цвет. Кроме того, я подозревала, что его притягивал v-образный вырез. Сегодня вечером я всем хотела угодить своему мужу. Несомненно, в будущем будут такие времена, когда мы будем ругаться, но не сегодня. Мы пришли сюда, чтобы праздновать.

Лорен вытащила Нейта на танцпол, а Аманда забрала Джо, оставляя нас наедине. Положа руку на сердце, у меня был лучший брат и лучшие друзья во всем мире. Все они восприняли новость о том, что мой план провалился со спокойными лицами. Они обняли меня и не высказали ни единого слова сомнения о моем изменившемся направлении в жизни. Когда Лорен пересказала версию о том, как Дэвид стоял рядом со мной во время обеда, даже Аманда одобрительно кивнула ему. Это меня обнадежило.

Я даже недавно позвонила маме. Разговор был кратким, но я рада, что с ней поговорила.

Мы все еще были семьей.

Той ночью Дэвид в конце концов вернул мне мое кольцо. Написанный им список, что мне нужно сделать, был длинным. Как только встало солнце, он подал мне на завтрак мороженое в постель. Лучшая ночь в моей жизни.

Было приятно, что мое кольцо вернулось на палец. Вес и размер были идеальными. Как и обещал, свое кольцо он носил. Он с гордостью показывал его своему брату, когда я в полдень вышла налить себе кофе. Как только я заправила кофеином, Дэвид с Джимми помогли перевезти мои вещи в квартиру. Мал и Бен были заняты в студии. Нейт с Лорен тоже помогли с переездом, как только Дэвид и Джимми подписали все связанное с «Дайверами», что она смогла найти. Несмотря на ее заявления, что она будет скучать, я думаю, она тоже была рада получить всю квартиру только в их с Нейтом распоряжение. Вместе им было хорошо.

— У меня есть еще кое-что, о чем я хотел бы тебя спросить, — сказал он.

— Ответ «да» на все, что ты бы не спросил.

— Хорошо, потому что я хотел бы, чтобы ты поработала моим ассистентом. Когда ты не работаешь в кафе, конечно, — его рука гладила мою спину. — Потому что я знаю, ты тоже хочешь этого.

— Дэвид...

— Или ты могла бы просто позволить мне вернуть твоим родителям деньги за колледж, чтобы это больше не мучило тебя.

— Нет, — сказала я решительным голосом. — Спасибо. Но мне нужно сделать это самой. И я думаю, моим родителям нужно увидеть, как это делаю я.

— Я так и думал, что ты это скажешь. Но это слишком много денег, чтобы заработать их самой, малышка. Если у тебя будет вторая работа, мы вообще тогда не будем видеться друг с другом.

— Ты прав. Но, ты думаешь, это хорошая идея — мы, работающие вместе?

— Да, — сказал он мне с серьезным взглядом. — Ты любишь порядок, и это то, что мне нужно. Это настоящая работа, и я хочу, чтобы ты этим занялась. Если мы обнаружим, что это нам мешает, мы придумаем другой план. Но я думаю, в основном, это будет означать, что мы будем проводить больше времени вместе и заниматься сексом на работе.

Я рассмеялась:

— Ты обещаешь докучать мне сексуальными домогательствами, мистер Феррис?

— Конечно, обещаю.

Я поцеловала его в щеку:

— Спасибо, что подумал об этом. Я хотела бы работать с тобой.

— Если ты решишь вернуться в колледж, тогда я попрошу Адриана найти для тебя замену, — он притянул меня к своей груди. — Но, между тем, у нас все будет хорошо.

— Лучший план на свете.

— Ну, спасибо. Твое одобрение значит очень много.

Взгляд Дэвида метнулся к бару, где болтались Мал, Джимми и Бен, стараясь не выделяться. Я и не знала, что они присоединятся к нам сегодня. Джимми избегал клубы и бары.

— Вовремя они добрались, — пробормотал мой муж.

Потом Дэвид повернулся к группе, поющей в углу. Они только заканчивали петь хороший кавер на «Pearl Jam»^[24].

— Жди здесь, — Дэвид поднялся, потянув меня за собой. Он вернул меня обратно на стул и подал знак своим коллегам по группе. Потом он пошел к сцене. Его высокая фигура с легкостью продвигалась через толпу, и ребята шли следом за ним. Вместе они были чертовски впечатляющими. Независимо от того, как бы они ни старались не выделяться. Но я была почти уверена, что они собирались раскрыть свое присутствие. Как только группа закончила петь, Дэвид подозвал солиста. Черт. Что сейчас будет. Я подпрыгнула от волнения на стуле.

Они поговорили с минутой, потом солист снял с себя гитару. Конечно же, мужчина передал свою шестиструнную в руки Дэвида. Я видела удивленный взгляд на их лицах, когда Дэвид, наконец, раскрыл свою личность. Джимми кивнул головой солисту и шагнул на сцену. За ним Мал уже дал пять барабанщику и выхватил палочки у их владельца. Даже мрачный Бен улыбнулся, когда забирал бас-гитару у владельца. «Дайверы» были на сцене. Казалось, только немногие из всего бара заметили, что что-то происходит.

— Привет. Народ, извините, что прерываю. Меня зовут Дэвид Феррис и я хотел бы исполнить песню для своей жены, Эвелин. Надеюсь, вы не возражаете.

Ошеломленная тишина взорвалась громом аплодисментов. Дэвид уставился на меня через огромную толпу людей, когда все хлынули на танцпол, чтобы оказаться поближе.

— Она потрлендская девочка. Так что, я думаю, это делает нас родственниками. Будьте ко мне благосклонны, ладно?

Толпа громко заулюлюкала в ответ. Его руки двигались по струнам, создавая самый сладкий микс из рока и кантри. Потом он начал петь. Джимми присоединился к нему на припеве, их голоса превосходно сливались.

«Я думал, я мог бы отпустить тебя.

Я думал, что ты могла бы уйти и осознать.

Время, которое у нас было потускнеет.

Но я холоднее, чем постель, в которой мы лежали

Ты можешь уйти, если хочешь, я не сдамся

Скажи нет всему, что ты хочешь, я не закончил

Малышка, я обещаю тебе

Ты думала, я позволю тебе уйти?

Это никогда не случится, и сейчас ты это знаешь

Не спеши, я подожду.

Сожалея о каждом последнем слове, что я произнес».

Песня была простой, милой и идеальной. Шум, когда они закончили, был оглушающим. Люди кричали и топали ногами. Это звучало так, будто им всем снесло крышу. Охрана помогла Дэвиду и парням пройти сквозь толпу людей. Их стало еще больше, должно быть, приехали, пока группа выступала, оповещенные о выступлении через звонки и смски и через другие средства массового оповещения. Приливная волна фанатов завалила парней, когда они проходили мимо. Чья-то рука взяла мою ладонь. Я подняла глаза и увидела улыбающегося Сэма. Мы быстро вытащили наши задницы отсюда.

Сэм и другие охранники расчистили дорогу для нас до двери, а снаружи нас ждал лимузин. Они хорошо подготовились. Мы все загрузились в лимузин. Сразу же Дэвид притянул меня на свои колени.

— Сэм убедится, что с твоими друзьями все в порядке.

— Спасибо тебе. Думаю, теперь Портленд знает, что ты здесь.

— Ага, полагаю, ты права.

— Дэйви, да ты гребаный показушник, — сказал Мал, качая головой. — Я знал, что ты устроишь что-то подобное. Гитаристы такие позеры. Если бы у тебя была хоть капля здравого смысла, юная леди, ты бы вышла замуж за барабанщика.

Я рассмеялась и вытерла с лица слезы.

— Почему, мать твою, она плачет, что ты ей такого сказал? — Дэвид прижал меня ближе. Люди с улицы стучали в окна машины, когда она начала медленно двигаться.

— Ты в порядке?

— Я сказал ей правду, что она должна была выйти замуж за барабанщика. Долбаные импровизированные выступления!

— Заткнись.

— Такой как ты никогда не пошел бы напролом, чтобы впечатлить девушку, — глумился Бен.

— Что произошло в Токио? — спросил Джимми, развалившись в углу. — Напомните-ка мне о... эх... как ее звали?

— Ага, вот дерьмо. Цыпочка из ресторана, — сказал Бен. — Сколько они взяли с тебя за причиненный ущерб?

— Я даже не знаю, о чем вы тут говорите. Дэйви скажи, чтобы они заткнулись, — перекрикивал Мал хриплый смех ребят. — Имейте хоть немного уважения к их с Эвелин трогательному моменту, вы, придурки.

— Не обращай на них внимания, — Дэвид обхватил мое лицо ладонями. — Почему ты плачешь?

— Потому что это десять. Если один было то, что мы были несчастными и разделенными, то десять — это твоя песня. Она прекрасна.

— Тебе, правда, понравилось? Потому что я смогу понять, если это не так, ты не должна...

Я обхватила его лицо и поцеловала, не обращая внимания на шум и болтовню вокруг нас. И я не прекращала целовать его, пока мои губы не онемели и не опухли так же, как и его.

— Малышка, — он улыбнулся, вытирая мои последние слезинки. — Это, черт возьми, лучшее, что ты могла ответить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Об Авторе

Кайли очень долго была поклонницей эротических романов и фильмов ужасов. Она обожает хэппи-энды, а если это сопровождается еще кровью и резней, то так даже лучше. Кайли живет в Квинсленде, Австралия, с двумя детьми и очаровательным мужем. Кроме серии «Stage Dive», у Кайли есть серия эротических зомби-романов «Flesh» и два эротических романа вне серии: «Heart's a Mess» и «Colonist's Wife». 22 марта 2014 Кайли были вручены две премии: Лучший Автор Эротических романов 2013 и Лучший Автор Романов Австралии 2013.

notes

«Стейдж Дайв» (англ. — «Stage Dive») — прыжок со сцены в толпу

ЛА (англ. L.A.) — сокращенное название Лос-Анджелеса

Район Лос-Анджелеса, расположенный на Голливудских холмах, главной улицей которого является бульвар Лорел-Кэньон. В этом районе дома у многих известных рок-музыкантов.

Тим Макгро (Tim McGraw) — американский певец в стиле кантри

Бариста (итал. Barista — буквально «человек, работающий за барной стойкой», бармен, буфетчик) — кофевар, специалист по приготовлению кофе(в основном именно эспрессо), умеющий правильно приготовить кофе (в том числе с использованием искусства латте-арт) или напитки на его основе и подать посетителю.

Миранда Ламберт (Miranda Leigh Lambert) — американская певица, автор-исполнитель жанра кантри-музыки

Опра Гэйл Уинфри (англ. Oprah Gail Winfrey; род. 29 января, 1954) — американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри» (1986—2011). Журнал Forbes назвал её девятой по влиятельности женщиной в 2005 году и первой — в 2007 году, самым влиятельным человеком в шоу-бизнесе в 2009 году, самой влиятельной знаменитостью в 2010 и 2013 году.

Джеймс Байрон Дин — (англ. James Byron Dean; 8 февраля 1931 — 30 сентября 1955) — американский актёр. Своей популярностью он обязан трём кинофильмам — «К востоку от рая», «Бунтарь без идеала» и «Гигант» — которые вышли в год его смерти. В этих картинах молодой актёр представил сложный образ молодого человека с душевными терзаниями, запинаящейся речью и пробуждающейся чувственностью. Посмертно стал лауреатом премии «Золотой глобус» (1956). Дважды номинировался на «Оскар» (1956, 1957), причем оба раза посмертно. Трагическая смерть, легенды и мифы, окутавшие его жизнь, создали культовый статус его личности. В 1999 году Американский кино-институт поставил актёра на 18 место в списке «100 Величайших звёзд».

Джонни Кэш — американский певец, ключевая фигура в музыке кантри, считается одним из самых влиятельных музыкантов XX века.

4 размер женской одежды в США соответствует 36 размеру в Европе, и 42 размеру в России.

«Венецианце» (англ. The Venetian) — отель в Лас-Вегасе

энчиладас — традиционное блюдо мексиканской кухни. Энчилада представляет собой тонкую лепёшку из кукурузной муки, в которую завернута начинка. Начинка чаще всего мясная, но может состоять и из яиц или овощей.

Хипстеры — появившийся в США в 1940-х годах термин, образованный от жаргонного «to be hip», что переводится приблизительно как «быть в теме» (отсюда же и «хиппи»). Слово это первоначально означало представителя особой субкультуры, сформировавшейся в среде поклонников джазовой музыки; в наше время обычно употребляется в смысле «обеспеченная городская молодёжь, интересующаяся элитарной зарубежной культурой и искусством, модой, альтернативной музыкой и инди-роком, артхаусным кино, современной литературой и т. п.

Сьют — это гостиничный номер улучшенной планировки.

«Белладжио» (англ. Bellagio) — пятизвёздочный отель-казино, расположенный на бульваре Las Vegas Strip, Лас-Вегас, штат Невада, США.

«Sugarland» — американская группа, играющая в стиле кантри. Была образована в 2003 году в Атланте, Джорджия. В настоящее время представляет собой дуэт из авторов-исполнителей: Jennifer Nettles и Kristian Bush.

Диркс Бентли (англ. Dierks Bentley) — американский певец в стиле кантри

Led Zeppelin — британская рок-группа, образовавшаяся в сентябре 1968 года в Лондоне, Англия, и признанная одной из самых успешных, новаторских и влиятельных в современной истории.

Lady Antebellum — американская группа, играющая в стиле кантри. Была образована в 2006 году в Нашвилле, Теннесси. Стиль группы характеризует сочетание кантри и рока.

Бейсджампинг — (произносится (бэ)йсджампинг; от англ. BASE jumping) — экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов.

«The White Stripes» — американская рок-группа, образованная в 1997 году, в Детройте, штат Мичиган.

«Гиннесс» — пивной бренд, принадлежащий компании Diageo, изначально относившийся к ирландской компании Arthur Guinness Son & Co, основанной в 1759 году пивоваром Артуром Гиннессом.

Dr.Martens (Docs; Doc Martens) — обувная серия фирмы AirWair Ltd. Со времени появления на рынке достигла интернационального культового статуса.

«Pearl Jam» — одна из четырёх ключевых групп музыкального движения гранж, пользовавшегося большой популярностью в первой половине 90-х годов XX века.